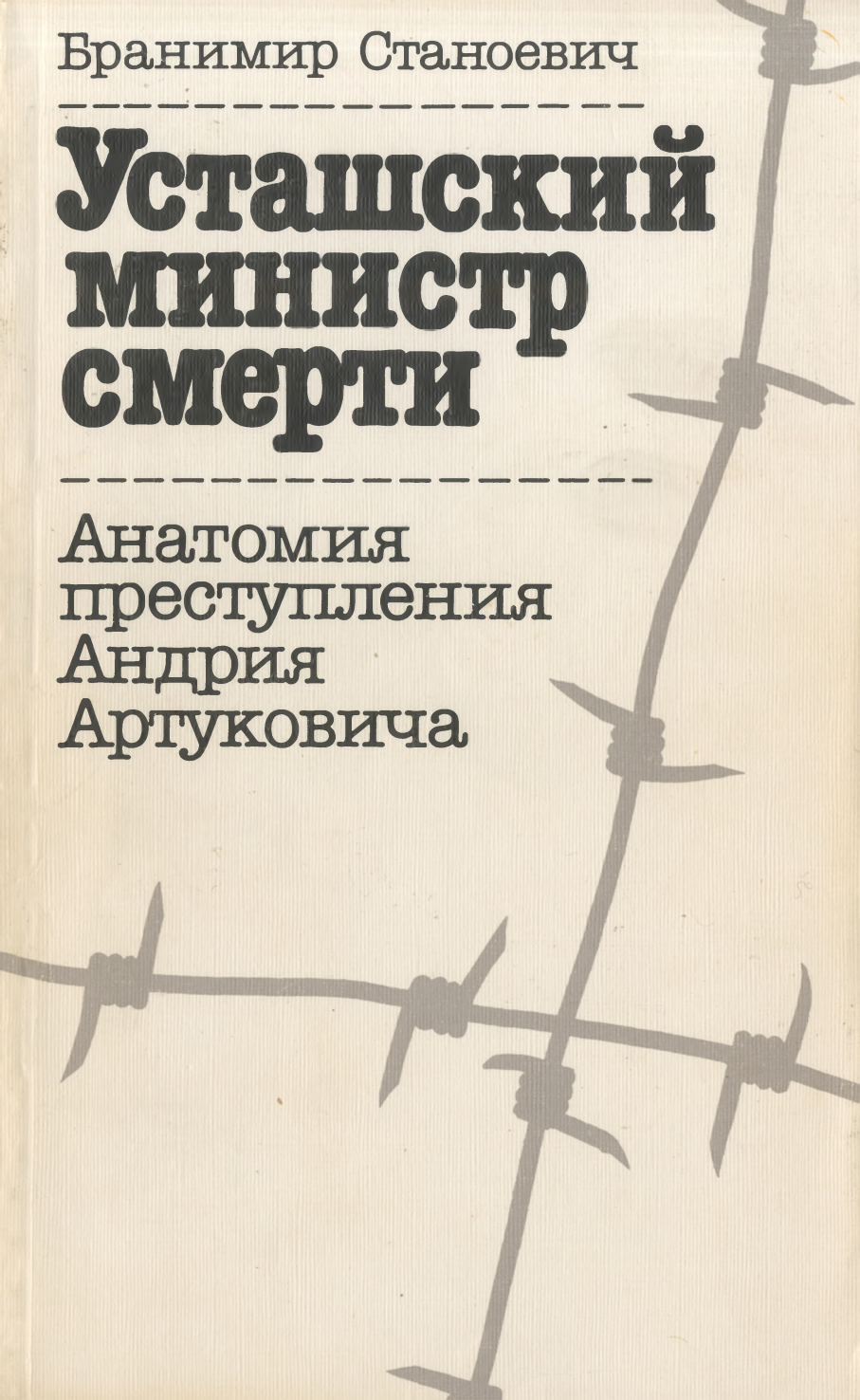

Бранимир Станоевич

Усташский министр смерти

Анатомия
преступления
Андрия
Артуковича

Москва
«Прогресс»
1989

Branimir Stanojević

Ustaški ministar smrti

Anatomija
zločina
Andrije
Artukovića

«Nova Knjiga»
Beograd
1986

Бранимир Станоевич

Усташский министр смерти

Анатомия
преступления
Андрия
Артуковича

Под редакцией и с предисловием
доктора исторических наук В. К. Волкова

Москва
«Прогресс»
1989

ББК 63.3(4Ю)
С76

Перевод с сербскохорватского
Н. А. Гиренко

Редактор **Н. В. Пархоменко**
Мл. редактор **Л. В. Сурикова**

Станоевич Б.

С76 Усташский министр смерти. Анатомия преступления Андрия Артуковича: Пер. с серб.-хорв./ Под ред. и с предисл. **В. К. Волкова.**— М.: Прогресс, 1988.— 248 с.
ISBN 5—01—001639—7

Книга **Б. Станоевича** — документальное повествование о «деятельности» югославского военного преступника **А. Артуковича**. «Палач Балкан», «хорватский Гиммлер» — так называли четыре десятилетия спустя Артуковича, которого американский суд передал югославскому правосудию.

Автор знакомит читателей с основными фактами биографии преступника. Но большую часть книги составляют документальные свидетельства чудовищных злодеяний, совершенных усташами при прямом поощрении нацистов на территории Югославии. Книга открывает еще одну из страшных страниц в истории фашизма в его «хорватском варианте».

С $\frac{0503030000-146}{006(01)-89}$ 44—89

ББК63.3(4Ю)

ISBN 5—01—001639—7

© Перевод на русский язык, предисловие, послесловие, примечания издательство «Прогресс», 1989

Жертвам террора, которые предостерегают, благородному епископу Мостара Алойзию Мишичу, моим родителям, имевшим несчастье жить в ту пору, всем, чей голос доносится из страшного мрака тех лет, взывая к нашему разуму и сердцу.

А в т о р

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя со времени окончания войны прошло более четырех десятилетий, многие ее события и страшные страницы подчас оживают вновь, чтобы напомнить людям о минувших трагедиях, подобно тому как морские волны выбрасывают иногда на берег обломки кораблей и другие свидетельства былых катастроф. В отличие от морской стихии волны истории чаще всего исторгают из своих глубин имена участников преступлений, человеческих выродков, монстров, жестоких убийц. Так, весной 1988 года после длительного процесса во Франции был осужден на пожизненное заключение «лионский мясник» Клаус Барбье, который в годы войны, будучи начальником гестапо в городе Лионе, отправлял невинных людей в концлагеря, пытал участников французского Сопротивления. Продолжается процесс в Дюссельдорфе (ФРГ) над убийцей вождя германских коммунистов Эрнста Тельмана — эсэсовцем Вольфгангом Отто.

Один из военных преступников предстал перед югославским судом в 1986 году, через 40 лет после того, как ему было официально предъявлено обвинение в совершенных злодеяниях. Это Андрије Артукович, усташский «министр смерти», как его называли, один из самых кровавых палачей периода второй мировой войны. Его имя практически не известно советским людям. Однако память о погибших жертвах не позволяет предать забвению совершенные им преступления. Поэтому появление предлагаемой читателю книги, которая возвращает нас ко временам войны на территории Югославии, представляется и оправданным, и необходимым.

Старшее поколение советских людей хранит воспоминания о героических партизанах и воинах Народно-освободительной армии Югославии, младшее знает о них по учебникам истории, по литературе и кинофильмам. Но нельзя не признать, что наши знания несколько односторонни. Мы достаточно хорошо представляем себе боевые подвиги партизан, самоотверженную борьбу коммунистов, но нам мало известно об их противниках. Это были не только нацистские оккупанты, но и их пособники среди югославских народов.

События развивались так, что Югославия периода войны знала не только массовую народно-освободительную борьбу, которая вписала одну из самых ярких страниц в историю европейского движения Сопротивления, но и широкое сотрудничество буржуазных слоев и националистических течений с оккупантами. Противоборство между этими общественными полюсами определило характер югославской революции, которая развернулась в годы войны. Победа над фашизмом стала и победой революции.

Кто же противостоял югославским партизанам помимо оккупантов? В условиях многонациональной Югославии эти силы были представлены различными коллаборационистскими и националистическими течениями, грызшимися между собой за власть и сотрудничавшими с оккупантами. В Сербии это была марионеточная администрация во главе с генералом М. Недичем, а также значительная часть великосербских вооруженных формирований «четников» (от названия повстанческих отрядов — «чет»). Последние ориентировались на эмигрантское королевское правительство и ставили целью восстановление довоенного буржуазно-монархического режима в Югославии. С осени 1941 года они все теснее сотрудничали с немецкими и итальянскими оккупантами в борьбе против развивавшегося партизанского движения и вскоре окончательно скатились в лагерь коллаборационистов.

В словенских землях клерикально-националистические течения и профашистские элементы создали коллаборационистскую политическую и военную организацию «Бела гарда» («Белая гвардия»).

На части югославской территории фашисты создали так называемое «Независимое Государство Хорватию» («НГХ»), поставив во главе своих марионе-

ток — усташей (от слова «усташа» — повстанец). История Европы в годы войны — это бесчисленное количество преступлений, массовые фашистские зверства, уничтожение людей в лагерях смерти, расстрелы мирного населения. Но даже на этом фоне «НГХ» выделялось садизмом и бесчеловечностью установленного там режима.

Истоки усташского движения уходят корнями в глубокое прошлое. Особую роль здесь играли исторически сложившиеся национальные отношения двух родственных югославянских народов — сербов и хорватов. Оба народа говорят на одном языке — сербско-хорватском, хотя и с небольшими региональными различиями. В религиозном отношении сербы принадлежат к православной церкви, хорваты — к католической. Оба народа испытали национальный гнет: сербские земли и часть хорватских земель находились под османским владычеством, основная часть Хорватии входила в Венгерское королевство, позднее — в Австро-Венгрию. Многочисленные миграции привели к смешанному расселению сербов и хорватов в ряде областей.

Развернувшееся на Балканах национально-освободительное движение против османского ига привело в XIX веке к образованию независимых национальных государств: Греции, Сербии, Румынии и Болгарии. В югославянских областях Австро-Венгрии также зародились буржуазно-либеральные национальные движения хорватского, сербского и словенского народов.

Росту национального самосознания югославянских народов австро-венгерские власти противопоставили испытанную тактику: разжигание национальной вражды между этими народами. Ставка была сделана на хорватскую партию государственного права, которая во все возрастающей мере скатывалась на позиции великохорватского национализма.

Роковую роль в истории сербо-хорватских отношений сыграл Иосип Франк, хорватский еврей, получивший юридическое образование в Вене и ставший адвокатом в Загребе. Сблизившись с экстремистскими элементами в рядах хорватской партии государственного права, И. Франк повел дело к превращению ее в опору австро-венгерских властей. Его деятельность привела в 1895 году к расколу партии и обособлению шови-

нистического крыла, которое образовало новую, так называемую чистую партию права. Со страниц ее органа — газеты «Хорватское право» — полилась оголтелая пропаганда в пользу создания Великой Хорватии в рамках габсбургской монархии, разнузданные антисербские выпады. Франк и его последователи, получившие название «франковцев», встретили достойных соперников в лице великосербских элементов, которые отвечали им той же монетой. Каждый со своей стороны они стали содействовать обострению сербо-хорватских отношений.

Но события развивались помимо их воли. Национальное движение югославянских народов, резко активизировавшееся под влиянием первой мировой войны и Октябрьской революции в России, привело к возникновению единого государства. 1 декабря 1918 года было провозглашено создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года оно стало официально называться Югославией). Это событие было расценено франковцами как крушение их надежд на создание Великой Хорватии под скипетром Габсбургов. Многие из них бежали за границу и осели в Вене и Будапеште.

Но ситуация в новом государстве была сложной. В него вошли Сербия и Черногория, хорватские, словенские и македонские земли, Босния и Герцеговина. Правящей стала династия Карагеоргиевичей, опиравшаяся на сербское чиновничество и офицерский корпус в армии. Великосербская гегемония вызывала недовольство других народов. Обострился национальный вопрос. Усугубились противоречия между сербской и хорватской буржуазией, боровшимися за влияние на государственный аппарат.

Национальная борьба и социальные противоречия привели в конце 20-х гг. к напряженному положению в стране. В такой обстановке в Скупшине 19 июня 1928 года было совершено преступление: великосербский националист смертельно ранил Степана Радича, лидера хорватской крестьянской партии (ХКП), застрелил его соратников: племянника Павле Радича и депутатов И. Пернара и Д. Басаричека. Убийство руководителей этой партии вызвало политический кризис. Его развитие привело в конечном счете к государственному перевороту, который совершил король

Александр 6 января 1929 года. В стране была отменена конституция, распущены все политические партии и установлена военно-монархическая диктатура.

Влияние франковцев в это время было незначительным, несмотря на шумную пропаганду и приход к руководству новых людей (сам И. Франк умер еще до первой мировой войны). Среди них начал выделяться Анте Павелич, ставший в 1915 году секретарем партии. Государственный переворот 6 января 1929 года они восприняли как сигнал к действиям.

Сразу же после переворота А. Павелич и его единомышленники решили создать «Повстанческую хорватскую революционную организацию» с целью начать вооруженную борьбу против югославского государства. «Усташа» — так стала называться эта организация. Поскольку в Югославии условий для ее создания не было, Павелич отправился в Вену и Будапешт для установления контактов с проживавшими там франковцами, а затем в Софию для налаживания сотрудничества с «Внутренней македонской революционной организацией» (ВМРО), которая постоянно предпринимала террористические акции против Югославии, добиваясь отторжения от нее Македонии и присоединения ее к Болгарии. Здесь 20 апреля 1929 года А. Павелич и лидер ВМРО Ванчо Михайлов подписали декларацию о совместной борьбе против Югославии. На последовавшей затем пресс-конференции Павелич заявил о том, что сербы и хорваты не могут жить в рамках одного государства, провозгласил своей целью создание «Независимого Государства Хорватии».

Через ВМРО Павелич установил контакты с итальянской разведкой. Переехав в Рим, он стал на итальянские деньги создавать там усташскую организацию. Фашистская Италия проводила тогда откровенно антиюгославскую политику. Павелич сделал ставку на неизбежность итало-югославского военного столкновения и создание на развалинах Югославии «Независимого Государства Хорватии» под эгидой, разумеется, Италии. Это был типичный случай скатывания крайнего националиста на положение иностранной марионетки, вернее, платного агента.

Именно в фашистской Италии завершилась политическая эволюция усташей. Замешанное на националистических идеях и шовинистических антисербских

установках франковское течение, неразрывно связанное с реакционным католическим клерикализмом, было обильно сдобрено фашистской идеологией, расистскими теориями и антикоммунистическими лозунгами. Такой симбиоз дал качественно новое явление.

В то время усташская организация состояла из нескольких десятков старых франковцев-эмигрантов да горстки бежавших из Югославии последователей Павелича. С помощью эмиссаров удалось завербовать около сотни человек из хорватских эмигрантов в США, Латинской Америке и европейских странах. Общая численность усташей в 30-е годы не превышала пяти-сот человек, все они были собраны в несколько лагерей, расположенных на территории Италии. Кроме того, имелся лагерь в Венгрии (в местечке Янка Пуста). Несколько мелких групп вербовали единомышленников в европейских странах. В лагерях усташа проходили военную подготовку, малейшее отступление от правил и любое непослушание каралось смертью. Все они подвергались ежедневной идеологической обработке, воспитывались в духе животной ненависти к «сербам, жидам и коммунистам».

На основании устава, утвержденного в 1932 году, организация строилась на иерархическом «фюрерском принципе». Верхушку ее составлял главный усташский стан во главе с поглавником (фюрером) А. Павеличем. В верховное командование, являвшееся совещательным органом при поглавнике, входили его самые преданные последователи. В их числе были М. Будац и М. Бзик, А. Артукович и И. Перчевич, В. Серватци и Б. Елич. А. Артукович, которому уделяется в книге наибольшее внимание, прошел типичный для усташа путь. Он примкнул к франковцам в середине 20-х годов, состоял в их молодежной организации, действовавшей при Загребском университете, затем оказался в Италии, в усташских лагерях, где стал одним из ближайших соратников Павелича.

При отсутствии массовой базы единственной формой активной деятельности усташей стал терроризм, если не считать шпионской деятельности, поскольку итальянская разведка вербовала из их среды своих агентов. В начале 30-х годов усташа организовали несколько десятков взрывов на железных дорогах

в Югославии, прикрепляя мины замедленного действия к поездам, шедшим туда из Австрии. После этого последовала высылка за пределы Австрии всех проживавших там усташей.

Самым известным террористическим актом, организованным усташами совместно с ВМРО, стало убийство в Марселе 9 октября 1934 года югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту. Италия оказалась серьезно скомпрометированной, а ее фашистские главы поняли, что деятельность их подопечных приносит больше неудобств, чем выгод. Под давлением Франции они были вынуждены на короткое время арестовать А. Павелича. Деятельность усташей была поставлена под жесткий контроль. Их активность заметно упала.

Но особенно тяжелые времена для усташей наступили после того, как в марте 1937 года между фашистской Италией и королевской Югославией был заключен договор о нейтралитете. Политика Италии, заинтересованной в выводе Югославии из французской системы союзов, сделала очередной зигзаг. К договору было приложено секретное соглашение, в соответствии с которым усташские лагеря были расформированы, часть усташей интернирована в итальянских заморских колониях и на средиземноморских островах, лидеры поставлены под надзор полиции. Позднее усташаи называли эти годы «временем великого молчания». Небольшое число усташей с согласия югославских властей вернулись на родину. Казалось, они казули в Лету...

Начало второй мировой войны открыло новую главу в истории усташской организации. Она медленно начала пробуждаться от анабиоза, в который ее ввергло временное итало-югославское сближение. По мере развития германской экспансии росли захватнические аппетиты итальянских фашистов, зарившихся на земли балканских государств. В апреле 1939 года Италия оккупировала Албанию. Муссолини опасался, что после захвата чешских земель Гитлер может повернуть в сторону Адриатики. Но Гитлер, заинтересованный в союзных отношениях с Италией, заверил его, что Германия считает Балканы и район Средиземного моря итальянской сферой влияния.

Неудачные попытки установить контакты с руководством хорватской крестьянской партии, доминирующей силой в Хорватии, побудили итальянских фашистов активизировать свои старые связи с усташами. Зимой 1940 года наряду с проектами нападения на Грецию у дуче возникли замыслы раскола Югославии и образования марионеточной Хорватии под итальянским протекторатом. Для этого предполагалось спровоцировать восстание в Хорватии, затем повстанцы должны были обратиться за помощью к Италии, а после оккупации будущее хорватское государство предложило бы свою корону итальянскому королю. Этот план итальянский министр иностранных дел Г. Чиано обсудил в конце января 1940 года с А. Павеличем и получил от него заверения в готовности действовать в соответствии с итальянскими планами.

После этого ожили усташские лагеря на итальянской территории, главным образом в Тоскане. Павелич откровенно мечтал о перенесении военных действий на Балканы. В огне нового конфликта, полагал он, родится «Независимое Государство Хорватия». Рост напряженности в мире, а также внутренних противоречий в Югославии способствовал усилению националистических настроений в Хорватии. В рядах ХКП активизировалось крыло, которое получило название «франковского». Усташские элементы во все возрастающей степени ориентировались на нацистскую Германию и поддерживали контакты с германской разведкой. Во главе этих элементов стоял бывший полковник австро-венгерской армии Славко Кватерник — зять И. Франка.

Осенью 1940 года был заключен Тройственный пакт Германии, Италии и Японии с целью установления мирового господства. Вскоре к нему присоединились Венгрия, Румыния, Словакия.

В результате стечения обстоятельств Балканы вышли зимой 1940—1941 годов на авансцену мировых событий. Сосредоточение в январе 1941 года крупной германской группировки войск в Румынии решило вопрос о присоединении монархо-фашистской Болгарии к Тройственному пакту. Вслед за пактом, подписанным 1 марта 1941 года, германские войска вступили на болгарскую территорию и приготовились к вторжению в Грецию. Югославия оказалась со всех

сторон окруженной государствами этого блока. В такой ситуации фашистские державы считали решенным делом присоединение Югославии к Тройственному пакту и ее превращение в своего сателлита.

Эти события вновь ввергли усташей в уныние. В первых числах марта 1941 года Павелич был вызван из Флоренции, где он проживал последние годы, в Рим. Там его встретил барон Феррарис, ответственный работник итальянского министерства иностранных дел, референт по хорватским делам. От имени итальянского правительства он довел до сведения Павелича информацию о предстоящем присоединении Югославии к Тройственному пакту, а также высказал равноценное приказу пожелание, чтобы усташская организация прекратила всякую деятельность и не создавала трудностей итальянской дипломатии... Воистину, кто платит, тот заказывает музыку.

25 марта 1941 года югославский премьер-министр Д. Цветкович подписал в Вене протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Казалось, события развиваются по фашистскому сценарию. Но он был написан без учета интересов главного действующего лица — народа Югославии. Известие о предательстве национальных интересов и присоединении страны к фашистскому блоку вызвало в стране взрыв возмущения. Уже к вечеру 25 марта во многих городах начались демонстрации. На следующий день они захлестнули всю страну. Особенно бурными они были в Белграде, где проходили при массовом участии коммунистов под лозунгом «Лучше война, чем пакт».

Воспользовавшись народным возмущением, группа ориентировавшихся на западные державы офицеров и политических деятелей совершила в ночь с 26 на 27 марта 1941 года государственный переворот. Правительство Цветковича—Мачека и принц-регент Павел, ответственные за присоединение к фашистскому блоку, были свергнуты. К власти пришло правительство во главе с генералом Душаном Симовичем. В истории Югославии это был переломный момент, который повлиял на последующий ход войны, особенно на Балканах. Получив известие о государственном перевороте в Югославии, Гитлер принял решение о нападении на нее.

В связи с событиями в Югославии Павелич был снова срочно вызван в Рим. На этот раз он был при-

нят Муссолини, который приветствовал его словами: «Вот и пришло ваше время!» В ходе беседы Павелич подтвердил взятые им ранее обязательства передать Италии хорватские земли в Далмации, а также поставить под итальянский протекторат вынашиваемое в мечтах «Независимое Государство Хорватию».

По распоряжению Муссолини усташам была предоставлена флорентийская радиостанция, которая с вечера 28 марта 1941 года стала вести передачи от имени главного усташского стана. Был отдан приказ собрать всех усташей в лагерь в тосканском городе Пистойя неподалеку от Флоренции. Подогретые известиями о германском нападении на Югославию 6 апреля 1941 года, усташаи развили большую активность. 10 апреля Павелич устроил смотр усташей: на церемонии в лагере в Пистойе собралось немногим более 200 человек. Это было все, что удалось наскрести примерно за две недели.

В Пистойе Павелич, усташское руководство и все собравшиеся усташаи около 6 часов вечера 10 апреля услышали по радио известие о провозглашении в Загребе «Независимого Государства Хорватии». Это было как гром среди ясного неба. Что случилось? Кто осуществил то, ради чего они здесь собрались?

Средневековые алхимики верили в возможность химическим путем получить в колбе живое существо — гомункулус, а фантасты неоднократно описывали в своих произведениях злобных карликов-гомункулусов, способных на чудовищные злодеяния. Таким политическим гомункулусом, созданным в нацистской реторте, стало «Независимое Государство Хорватия».

С самого начала подготовки агрессии против Югославии гитлеровцы взяли курс на ее полное уничтожение, расчленение и обособление Хорватии с целью использования в дальнейшем в интересах оккупационной политики. Действия, приведшие к созданию «НГХ», были делом рук германской разведки и нацистских эмиссаров.

Первоначально ставка делалась на обеспечение сотрудничества с хорватской крестьянской партией. Но контакты с ее лидером В. Мачеком показали, что руководство ХКП не желает быть германской марионеткой. Более того, после некоторых колебаний Мачек 3 апре-

ля 1941 года вошел в правительство генерала Симовича. Тем самым ХКП продемонстрировала свой отказ провозгласить независимость Хорватии и способствовать ее отделению от Югославии. Лишь после этого гитлеровцы обратились к устахам. Собственно, это был «выбор без выбора», поскольку не существовало других политических группировок, на которые можно было бы опереться. Кроме того, были приняты в расчет давние связи усташей с немецкой военной разведкой (абвером) и внешнеполитическим бюро нацистской партии (службой А. Розенберга). Учитывалась и позиция фашистской Италии, которая рассматривала усташей как свою креатуру и связывала с их приходом к власти надежды на расширение зоны своего влияния на Балканах. Не упускалось из виду и то, что внутри усташской организации укрепляло свои позиции прогерманское крыло.

Для координации действий германской разведки и усташей с целью провозглашения «Независимого Государства Хорватии» в первых числах апреля, то есть до нападения гитлеровской Германии на Югославию, в Загреб прибыл особоуполномоченный германского МИД штандартенфюрер СС д-р Эдмунд Веезенмайер. В его послужном списке уже значилось провозглашение «независимой» Словакии в марте 1939 года. Полученный там опыт он пытался применить в Хорватии. Веезенмайер начал с попыток реанимировать деятельность загребских усташей, группировавшихся вокруг С. Кватерника. Однако они были плохо организованы, малочисленны и не имели политического влияния. Веезенмайер взял бразды правления в свои руки и приступил к активным действиям с целью ускорить развитие событий. Через германскую агентуру в Загребе он установил контакты с рядом влиятельных лиц в руководстве правого крыла ХКП, в управлении местной полицией и жандармерией, в военных кругах. Под его диктовку С. Кватерник написал прокламацию, возвещавшую о создании «Независимого Государства Хорватии». Открытым оставался вопрос, кто и когда обнародует эту прокламацию. Начало военных действий 6 апреля заставляло спешить с этой акцией. Она была синхронизирована с продвижением германских войск.

Решающий момент наступил 10 апреля, когда передовые части вермахта приблизились к Загребу. В тот день Веезенмайер предпринял последнюю попытку по-

будить лидера ХКП В. Мачека возглавить правительство марионеточного государства. Тот снова отказался, но выразил готовность выступить с обращением к населению признать сложившееся положение и сотрудничать с новыми властями. Получив текст этого обращения, Веезенмайер доставил С. Кватерника в студию загребской радиостанции, где тот в 17 часов 45 минут зачитал прокламацию о провозглашении «Независимого Государства Хорватии» во главе с усташским поглавником Павеличем, а себя объявил «по поручению поглавника» главнокомандующим вооруженными силами «НГХ». После этого диктор зачитал обращение В. Мачека, которое в тех условиях означало согласие ХКП с установлением усташского господства. Через час в Загреб вступили германские войска.

Так 10 апреля 1941 года возникло «НГХ». Его провозглашение вызвало переполох среди итальянских фашистов и усташей, собравшихся в лагере в Пистойе. По совету Муссолини, с которым он встретился на следующий день, Павелич поспешно перебрался в хорватский город Карловац, занятый к тому времени итальянскими войсками. И поглавник, и дуче нервничали: не надуют ли их немцы? кто возглавит усташское правительство — Павелич или Кватерник? Окончательное решение было принято в Берлине. Вечером 12 апреля Риббентроп сообщил Веезенмайеру, что по политическим соображениям фюрер намерен в хорватском вопросе дать преимущество Италии. Это значило, что «НГХ» возглавит Павелич. Последовала поездка Веезенмайера в Карловац, где он вместе с С. Кватерником быстро уладил все дела с поглавником. В ночь с 15 на 16 апреля Павелич прибыл в Загреб: впереди были четыре года кровавого усташского господства.

Сколько усташей было в апреле 1941 года, когда нацисты поставили их у власти? В исторической литературе этот вопрос обсуждался неоднократно и обстоятельно. Серьезные исследователи полагают, что число членов усташской организации не превышало 900 человек, включая сюда около 300 усташей, прибывших из Италии с А. Павеличем, различные нелегальные группы, существовавшие на хорватской территории, а также проживавших в других странах усташей. Это была группировка, не пользовавшаяся поддержкой народа, и лишь игра случая привела ее к штурвалу власти.

Кто же их поддерживал? В хорватских землях усташи опирались на экстремистские, крайне националистические и антисербски настроенные элементы. Таких было несколько десятков тысяч. Они стали основным резервом, откуда усташи стали черпать пополнение. Основная масса хорватского населения первоначально заняла позицию пассивного выжидания. Сказались настроения деморализованности, сопровождавшие поражение страны. 13 апреля пал Белград, а 17 апреля была подписана капитуляция югославской армии. И хотя преобладающим было отрицательное отношение к ново-явленной власти, давали знать о себе националистические иллюзии относительно «независимости» Хорватии. Значительную поддержку усташскому режиму с первых дней оказал католический клир Хорватии во главе с архиепископом А. Степинацем.

При формировании нового административного и полицейского аппарата на ключевые посты были назначены усташи или проусташские элементы. Они же получили высшие чины в армии и специальных усташских формированиях, созданных наподобие эсэсовских. Основная их масса не обладала профессиональной подготовкой, необходимой для выполнения соответствующих должностных обязанностей. Единственным «достоинством» новых кадров была их преданность поглавнику и националистический экстремизм. Полная некомпетентность в сочетании с авторитарностью сразу же создали хаос в сфере управления.

В своих действиях усташи копировали крайние образчики нацистского и итало-фашистского законодательства, преследовавшего создание тоталитарной и корпоративной системы. Усташский устав, подготовленный еще в эмиграции, был возведен в ранг конституционного основного закона наподобие программы нацистской партии в Германии, при подготовке законов усташские законодатели исходили из него как из нормативного акта. Последовательное применение «фюрерского принципа» вылилось в откровенный произвол. Каждый усташский бонза обладал неограниченным правом распоряжаться жизнью и имуществом любого жителя «НГХ». Олицетворением усташской власти стал поглавник, которому приносили клятву верности.

Первым законодательным актом в «НГХ» стал Закон о защите народа и государства, изданный 17 апреля

1941 года, по которому смертная казнь полагалась за подозрение в попытке подрыва «чести и жизненных интересов хорватского народа», то есть усташского режима. 30 апреля 1941 года был издан Закон о защите арийской крови и чести хорватского народа, в основу которого были положены идеи, проверенные нацистами на практике. Вслед за указами, запрещающими евреям работать в сфере экономики, 4 июня 1941 года был опубликован Закон о защите национальной и арийской культуры хорватского народа, который запрещал лицам еврейской национальности деятельность во всех областях культуры. Эти законы носили не только антисемитский, но и антисербский характер. Вместе с тем они позволяли усташам установить полный контроль за прессой и радиовещанием, превращали в орудие режима всю систему народного образования.

С особой силой авторитарный характер усташского режима проявился в организации аппарата принуждения. За образец была взята нацистская машина террора. Возглавил ее А. Артукович, ставший министром внутренних дел. Он выполнял функции, сравнимые с полномочиями Гимmlера в гитлеровском рейхе. Ему подчинялись политическая полиция, тюрьмы, лагеря, система чрезвычайных судов, выносивших в основном смертные приговоры. За короткий срок было создано 24 концентрационных лагеря, превратившихся в инструмент массового истребления людей. Особенно страшным был лагерь в Ясеноваце, который стоит в одном ряду с такими чудовищными лагерями смерти, как Майданек, Освенцим, Бухенвальд. В Ясеноваце было истреблено почти 700 тыс. человек.

Усташа с первых дней существования государства развернули преследование коммунистов, стали проводить политику геноцида по отношению к евреям и цыганам. Всего две недели спустя после прихода к власти, 27 апреля 1941 года, они устроили первую кровавую резню в селе Гудовац около города Беловара, убив здесь 184 сербских крестьянина. Практика геноцида получила благословение самого Гитлера. На встрече с Павеличем, который приехал на поклон к нему в Бергхоф 6 июня 1941 года, Гитлер дал ему совет «в течение 50 лет проводить политику национальной нетерпимости». И этот совет с энтузиазмом выполнялся усташами.

Для более четкого уяснения места марионеточного «НГХ» в системе гитлеровского «нового порядка» в Европе следует не упускать из виду особенности нацистской оккупационной политики на Балканах. С целью искоренения югославской государственности территория страны была расчленена на 9 частей с сознательным нарушением экономических, этнических и культурных связей отдельных земель. Оккупанты делали ставку на разжигание национальных противоречий, на сознательное культивирование антисербского шовинизма. Главным орудием этой политики и должно было стать «Независимое Государство Хорватия».

Формально гитлеровцы признавали «доминирующее влияние» на него фашистской Италии. Ее отношения с «НГХ» были определены Римскими договорами от 18 мая 1941 года, по которым к Италии отходили почти все далматинское побережье и Хорватское приморье. Предусматривалось провозглашение хорватским королем герцога Сполетто — члена итальянского королевского дома, а также политическое и экономическое подчинение «независимой» Хорватии. Римские договоры вызвали замешательство даже среди усташей. Они наглядно показали полную зависимость «НГХ» от фашистских держав, в частности от Италии.

На деле же полновластными хозяевами были гитлеровцы. Еще в ходе военных действий между германскими и итальянскими войсками была проведена разграничительная линия, проходившая с северо-запада на юго-восток вдоль Динарского хребта. Позднее она стала демаркационной линией, разделившей «НГХ» на немецкую и итальянскую зоны оккупации. Гитлеровцы оккупировали наиболее развитые и густонаселенные районы, поставив их ресурсы на службу германской военной машины. Они же определили и окончательные границы «НГХ»: во время встречи Павелича 6 июня 1941 года с Гитлером последний дал согласие на включение в него Санджака, Боснии и Герцеговины. После расширения границ до реки Дрины оно стало занимать площадь в 98,5 тыс. кв. км с населением 6,3 млн. человек, то есть примерно 40% территории довоенной Югославии, на которой проживало около 40% населения. Хорваты в марионеточном усташском государстве составляли половину населения, треть его были сербы, около 12% — мусульмане, а на остальных, включая не-

мецкое национальное меньшинство, приходилось менее 7%.

15 июня 1941 года усташское правительство подписало протокол о присоединении «НГХ» к Тройственному пакту. Позднее оно было признано членами фашистского блока — Венгрией, Болгарией, Румынией и Словакией, а также Финляндией и франкистской Испанией. Вслед за Гитлером, начавшим «поход на Восток», «НГХ» объявило войну Советскому Союзу, в ноябре 1941 года присоединилось к антикоминтерновскому пакту, а позднее объявило войну Великобритании и США. Короче, оно было готово воевать со всем миром.

Летом 1941 года после распространения усташского господства на Боснию и Герцеговину, а также под впечатлением сообщений об успехах германских войск на Восточном фронте усташаи развернули повсеместную травлю и уничтожение сербского населения. Последовали беспрецедентные по садизму и массовости расправы над мирными жителями. Усташаи старались разжечь в хорватском народе чувства национальной и религиозной нетерпимости. С помощью воинствующих церковников они начали кампанию перекрещивания православных сербов в католическое вероисповедание. В предлагаемой книге читатель найдет леденящие душу описания преступлений усташей.

Ответом на зверства оккупантов и их марионеток стала освободительная борьба югославских народов. В июне — июле 1941 года движение Сопротивления под руководством Коммунистической партии Югославии (КПЮ) охватило и хорватские земли. Здесь возникли партизанские отряды и боевые группы. Первый бой партизан с усташами произошел в районе Лики, в селе Серб, 27 июня 1941 года. Этот день вошел в историю как День народного восстания в Хорватии и стал в послевоенный период национальным праздником Социалистической Республики Хорватии. В восстании приняли участие как сербы, так и хорваты. В октябре 1941 года по решению КПЮ был создан главный штаб народно-освободительных отрядов Хорватии, а также народные комитеты — политические органы освободительного движения и органы зарождавшейся народной власти.

Великосербские круги по-своему отреагировали на усташский террор. На территории «НГХ» появились

четнические формирования, которые в ответ на усташские лозунги «очищения» Хорватии от сербского населения выступили с программой «очищения сербских земель» от хорватов и мусульман. Схватки четников с усташами были особенно яростными и кровопролитными в Восточной Боснии и Герцеговине. С обеих сторон они носили черты национально-религиозной войны. При этом четники не отставали от усташей, чиня зверские расправы над мирным населением хорватских и мусульманских деревень и городков.

Начало народно-освободительной борьбы резко изменило расстановку политических сил в «НГХ». Усташский режим, несмотря на поддержку оккупантов, не смог стабилизировать свое господство. Положение усугублялось разгоревшимся итало-германским соперничеством за влияние в «НГХ». Итальянские фашисты, крайне раздраженные «изменой» усташей, перебежавших под немецкую опеку, стали оказывать в своей оккупационной зоне поддержку четническим отрядам, а также заигрывать с буржуазными политическими группировками. Итогом был усиливавшийся развал экономики, свертывание промышленного производства и сырьевых отраслей (в частности, добычи бокситов), что чувствительно задело германские интересы.

В течение 1942 года центр народно-освободительной борьбы в Югославии переместился на территорию «НГХ». В боях с партизанами усташские части потерпели тяжелые поражения. От оккупантов и их пособников были освобождены обширные территории, где была установлена народная власть. 26—27 ноября в боснийском городе Бихаче состоялась первая сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ), которое конституировалось как высший политический орган народно-освободительного движения.

Значительная часть территории «НГХ» теперь находилась под контролем партизан и воинов НОАЮ. Отдельные области управлялись оккупантами — немецкими или итальянскими, уже не надеявшимися восстановить «порядок» с помощью усташей. Некоторые районы были захвачены четниками, сотрудничавшими с оккупантами в борьбе против партизан, но враждовавшими с усташами. Между соперничавшими группами усташей шла ожесточенная борьба за власть. Все это сопровождалось ре-

организацией правительства, бессистемным перемещением отдельных должностных лиц, судорожными поисками выхода из кризисной ситуации. Результатом была лишь возрастающая неразбериха.

Будучи не в состоянии стабилизировать положение и наладить экономику, усташа с тем большей энергией направляли усилия на борьбу против мирного населения, продолжали проводить политику геноцида по отношению к сербам. Репрессии приняли такие формы и имели такие последствия, что стали вызывать недовольство даже среди нацистской оккупационной администрации. Германское командование, убедившись в неспособности усташей противостоять партизанскому движению, во все возрастающей мере принимало на себя функции по руководству вооруженными силами «НГХ». Стали формироваться части и соединения, состоявшие либо из фольксдойче (местных немцев), либо из хорватов под руководством немецких офицеров. Расширилось сотрудничество с четниками, окончательно ставшими на путь коллаборационизма. Потребовалась также и переброска на югославский театр военных действий частей вермахта из других стран Европы. Однако ни мобилизация всех сил, ни крупные военные операции против партизан под руководством германского командования не увенчались успехом.

Большое значение для развития событий на Балканах имела капитуляция фашистской Италии в сентябре 1943 года. Она дала мощный толчок дальнейшему национально-освободительному движению, югославские партизаны освободили обширные территории страны, захватили много оружия. Хотя немецким оккупантам удалось занять основные пункты в бывшей итальянской зоне оккупации, они не могли сдержать дальнейшего нарастания народно-освободительной борьбы.

Благодаря победам Советских Вооруженных Сил, военным и политическим успехам народно-освободительного движения 1943 год стал поворотным в развитии событий в Югославии.

Созданное фашистами «НГХ» агонизировало. В августе 1943 года верховное командование германских вооруженных сил поставило перед Гитлером вопрос о необходимости сместить Павелича и либо заменить усташское правительство новым режимом, опирающимся на «достойные доверия политические силы», либо

вести германское военное управление. Но Гитлер по политическим соображениям отверг эти предложения. Тем не менее к концу 1943 года германские советники взяли под свой контроль армию, полицию, экономику. Таким образом, «НГХ» потеряло даже видимость «независимости» и постепенно было сведено на уровень оккупированной территории.

29 ноября 1943 года на территории «НГХ» в городе Яйце состоялась вторая сессия АВНОЮ, которая приняла решение о преобразовании Антифашистского вече в высший законодательный и представительный орган Югославии, о строительстве на принципах демократии и федерации нового государства, в рамках которого предусматривалось создание Хорватской республики. К тому времени уже существовало Антифашистское вече народного освобождения Хорватии, созданное 13—14 июня 1943 года.

1944 год принес новые успехи: осенью Советские Вооруженные Силы, сокрушив южный фланг германских войск на Восточном фронте, приступили к освобождению балканских народов. Освобождение Югославии проходило в тесном боевом содружестве с югославской народно-освободительной армией.

Агонизирующий усташский режим, прежде чем исчезнуть вместе с породившими его оккупантами, причинил еще много страданий югославским народам. В последние месяцы и даже дни существования «НГХ» прокатилась новая волна репрессий, совершались массовые насилия, разбой. Потерявшие человеческий облик усташа, не надеясь на пощаду, вместе с германскими войсками ожесточенно оборонялись против наступающей Народно-освободительной армии Югославии. Усташа продолжали сопротивление даже после капитуляции гитлеровской Германии. Только 15 мая 1945 года, когда пушки молчали во всей Европе, югославские войска ликвидировали в районе Словенградца последнюю немецко-усташскую группировку, пытавшуюся пробиться на Запад, чтобы сдаться в плен англо-американским войскам.

Югославские народы понесли в годы второй мировой войны огромные потери: в стране погибло 1 млн. 706 тыс. человек, то есть каждый десятый житель. Из них более 800 тыс. жертв в «НГХ», где погиб каждый восьмой человек.

Образованная после войны Комиссия по расследованию преступлений оккупантов и их пособников собрала много документов, которые свидетельствуют о совершенных против югославских народов злодеяниях. Прошли многочисленные судебные процессы, вскрывшие бесчеловечность оккупационного режима. В частности, в Загребе состоялся суд над представителями католического клира и клерикально-устьашскими элементами, морально и физически ответственными за геноцид против сербов, евреев и цыган на территории марионетного «Независимого Государства Хорватии». Среди осужденных на этом процессе был и архиепископ Степинац.

Большинству устьашской верхушки удалось бежать из страны и найти убежище за рубежом. Часть югославских военных преступников осела в США, некоторые — во франкистской Испании, в Аргентине и других латиноамериканских государствах. В 1946 году на них были заведены уголовные дела и составлены обвинительные заключения. Но требования югославских властей о выдаче военных преступников натолкнулись на непреодолимые трудности.

Предлагаемая читателям книга рассказывает о событиях 40-летней давности, но и сегодня история А. Артуковича, устьашского «министра смерти», поучительна во многих отношениях. Она показывает, что преступления против человечества не подлежат забвению, к ним неприменим срок давности при привлечении к уголовной ответственности.

Доктор исторических наук В. К. Волков

ПО СЛЕДАМ ПРЕСТУПНИКА

Правда пробивает себе дорогу медленно, но неотвратно. Это подтвердилось еще раз. Андрије Артукович вновь в Югославии. На этот раз для того, чтобы ответить за содеянное. Несмотря на свой преклонный возраст, «балканский палач», как его чаще всего называют газеты на Западе, должен предстать перед окружным судом Загреба и дать ответы на нелицеприятные вопросы. Данный судебный процесс выльется в еще один суд над бесчеловечным, предательским режимом, каким была усташская организация.

Предлагаемая вашему вниманию книга (первое ее издание вышло в Югославии в феврале 1985 года) появилась в продаже за день до начала суда над Андријем Артуковичем в Лос-Анджелесе. И сразу же эту книгу, своего рода обвинительный документ, постигла участь, которую трудно было предвидеть. По иронии судьбы ее пытались использовать в ходе суда в США над Артуковичем в качестве доказательства того, что его, мол, нельзя лишать свободы. Конечно же, такое абсурдное предложение не могло пройти, но данный ход весьма показателен.

Книгу можно было бы дополнить фактами, ставшими достоянием общественности на последнем судебном процессе над Артуковичем, длившемся в течение года. Но более полновесным дополнением к ней явится суд над Артуковичем в Загребе. Так что это лучше будет сделать после суда.

Усташское движение, к которому принадлежал преступник, еще долго будет привлекать к себе внимание. Прежде всего потому, что оно продолжает действовать

за рубежом, меняя свои формы, приспособляясь к обстановке. Сейчас трудно сказать, в какой мере процесс над Артуковичем будет способствовать осуждению этого террористического движения в международном плане. Во всяком случае, выдача Артуковича — крупное поражение югославской эмиграции и большая победа нашего правосудия и политики в целом.

Вот уже тридцать четыре года длится противоборство органов правосудия, которое, по нашему глубокому убеждению, справедливо завершилось решением властей США о выдаче Андрия Артуковича Югославии, где он предстанет перед судом за многочисленные преступления, совершенные им в годы второй мировой войны. Бывший министр внутренних дел, затем министр юстиции и, наконец, председатель государственного Веча и хранитель государственной печати «Независимого Государства Хорватии» был одним из тех, кто сознательно осуществлял в Югославии невиданный геноцид, вписывавшийся в общую картину злодеяний фашизма во всем мире. Более того, в качестве одного из наиболее видных представителей усташского движения и правительства «Независимого Государства Хорватии» сам он мог послужить примером тому, чьи идеи он исповедовал, а именно — Гиммлеру.

Противоборство органов правосудия, о котором идет речь, началось в Америке еще в 1951 году в период широко развернувшейся «охоты на ведьм» и, как можно было ожидать, в течение многих лет не приносило никаких результатов. Американской общественности Андрие Артукович был представлен как последовательный борец против коммунизма, которому не может быть гарантирован справедливый суд в Югославии.

До настоящего времени, несмотря на возбуждение многочисленных уголовных дел, югославскому правосудию не выдан ни один из тридцати семи и по сей день проживающих в США — нашем союзнике периода второй мировой войны — крупных военных преступников, среди которых Андрие Артукович является, безусловно, крупнейшим. Точнее, с момента окончания второй мировой войны до сегодняшнего дня было выдано только восемь преступников. Гермина Браунштайнер-Райан, известная многочисленными чудовищными преступлениями, совершенными в концлагерях в Равенсбрюке и Майданеке, на протяжении нескольких

десятилетий была единственной преступницей, выданной властями США.

Для двух человек, принимавших наиболее активное участие в выявлении и установлении личностей военных преступников на территории США, эта выдача закончилась неожиданно: Винсента Шкияно, бывшего прокурора США, и Энтони де Витто, его заместителя, окрестили «неисправимыми романтиками» и вынудили навсегда расстаться со своими постами.

Тем временем, помимо Артуковича, в США продолжали спокойно жить Черим Сообзоков, входивший в специальную бригаду СС, которая несет ответственность за уничтожение двух миллионов человек; епископ Валериан Трифа, руководитель фашистской «Железной гвардии», возглавивший акцию по уничтожению узников бухарестских тюрем; один из крупнейших военных преступников, действовавший на территории Восточной Европы, Николае Малакса, беззаботно проживший свою жизнь в Америке и скончавшийся там; Хория Сима, румынский преступник, беспрепятственно переселившийся в Испанию; Лайпейниекс, преступник из Литвы...

Однако проведенное Шкияно и де Витто расследование, несомненно, дало свои результаты. Некоторые американские газеты внесли большой вклад в формирование общественного мнения тем, что опубликовали бесспорные доказательства. Публицист Говард Блюм в книге «Разыскиваются!», ставшей в конце 70-х годов бестселлером и выдержавшей несколько изданий, описал деяния военных преступников, уделив особое внимание Артуковичу. Кроме преступников, Блюм перечислил в своей книге и тех, кто покровительствует им, и не побоялся подвергнуть себя опасности, назвав в их числе Никсона, Гувера, генерала Уильяма Роджерса и многих других, менее известных лиц.

Таким образом, можно утверждать, что американская общественность была достаточно хорошо осведомлена относительно личности Андрия Артуковича, а также характера претензий, предъявленных к нему Югославией.

Что же нового было в требовании Югославии о выдаче Андрия Артуковича, рассматривавшемся федеральным судом в Лос-Анджелесе? Об этом можно составить наиболее полное представление из ответа, данного в Скупщине СФРЮ в июне 1984 года, на вопрос деле-

гата Батрича Иовановича. Представитель Союзного секретариата по вопросам юстиции и органов союзного управления д-р Гойко Проданич заявил следующее: «Правительство нашей страны впервые потребовало выдачи Артуковича в 1946 году от представителей союзных держав в Европе, но это обращение оказалось безрезультатным ввиду того, что, как было сказано, тогда не было известно местонахождение этого военного преступника. Когда в 1951 году было установлено, что Артукович находится в США, куда он прибыл в 1948 году под чужим именем, в компетентную судебную инстанцию США в соответствии с Конвенцией 1901 года о выдаче преступников было передано требование о его выдаче. В этом требовании указывалось, что А. Артукович разыскивается ввиду совершения тяжких преступлений, выразившихся в уничтожении людей.

15 января 1959 года компетентный американский суд отклонил наше требование о выдаче, мотивируя свой отказ отсутствием аргументов, подтверждающих наличие веских доказательств совершения Артуковичем каких бы то ни было из приведенных в требовании о выдаче злодеяний, а также тем, что инкриминируемые ему преступления носят политический характер.

Ввиду этого американскому правительству был вручен меморандум, в котором было обращено внимание на все те места в упомянутом решении, которые свидетельствуют о непоследовательности, необоснованности и беспринципности этого решения.

Меморандум был передан государственному департаменту США в 1960 г. При этом было подчеркнуто, что правительство ФНРЮ¹ имеет право рассчитывать на то, что Артукович, как злостный военный преступник, будет выдворен из США.

Вопрос о выдаче Артуковича вновь был поднят во время пребывания в 1977 году в нашей стране с целью изучения нашего опыта делегации юридического комитета палаты представителей конгресса США. Этот визит состоялся по инициативе этого комитета, который предложил обменяться мнениями с соответствующими югославскими органами, в том числе и по вопросу военных

¹ С 1963 года — Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ).

преступников, проживающих в США. Американские конгрессмены признали, что дело Артуковича является весьма серьезным вопросом и что принятое ранее решение следует пересмотреть.

Для обсуждения дела Артуковича Югославию в 1983 году посетила делегация министерства юстиции США во главе с заместителем министра. С ее стороны было подчеркнуто, что министерство юстиции намеревается вновь вернуться к рассмотрению вопроса о выдаче Андрия Артуковича. Было заявлено, что позиция по вопросу военных преступников, проживающих в США, существенно изменилась, особенно после принятия поправки к иммиграционному закону в 1978 г. по сравнению с тем периодом, когда было принято отрицательное решение в связи с предыдущим югославским требованием о его выдаче.

При министерстве юстиции в 1979 году было создано специальное бюро для решения проблемы военных преступников. Это бюро провело необходимое расследование, на основании которого пришло к выводу, что Артукович является самым злостным военным преступником, проживающим на территории США.

Представители министерства юстиции США предложили, чтобы югославская сторона не настаивала на удовлетворении предыдущего требования, которое было отвергнуто, а направила новое требование о выдаче Артуковича. Они заявили о готовности предоставить услуги специалистов министерства юстиции США при подготовке нового требования о выдаче и подборе доказательств с учетом критериев и практики американских судебных органов.

Было достигнуто понимание, что для направления нового требования о выдаче Андрия Артуковича каких-либо формальных юридических препятствий не имеется. Вопрос об этом рассматривался на заседании Союзного исполнительного веча 5 декабря 1983 года, а также на заседании Президиума СФРЮ 14 декабря 1983 года. Было решено направить новое требование о выдаче Андрия Артуковича.

Союзный секретариат по вопросам юстиции и органов союзного управления начал работу по подбору доказательств для включения в новое требование о выдаче. В марте 1984 года в Югославию прибыли представители министерства юстиции США с целью оказа-

ния содействия при подготовке нового требования о выдаче и подборе документов, необходимых для предъявления суду в Соединенных Штатах Америки.

Американские представители предложили вновь заслушать свидетелей, уже давших ранее показания, а также новых свидетелей, располагающих доказательствами преступной деятельности Андрия Артуковича.

С этой целью органы внутренних дел провели работу по выявлению всех ранее опрошенных свидетелей. Все те, кто живы и в состоянии давать показания, были вновь заслушаны в Загребе, Сараеве, Мостаре, Сремска-Митровице, Белграде и еще ряде городов.

Обвинение, выдвинутое против Артуковича в 1951 году, которым ему вменялось в вину совершение уголовных преступлений, квалифицируемых как убийства, было приведено в соответствие с новым законодательством СФРЮ, так что теперь Артукович обвинялся в совершении уголовно наказуемых военных преступлений против гражданского населения. Было составлено новое требование о выдаче, обширная документация была переведена на английский язык.

Требование о выдаче Артуковича вместе с необходимой документацией передали американским властям в июле 1984 года.

Хотя данные делегатам Скупщины СФРЮ разъяснения и отличались оптимистической тональностью, нельзя не учитывать, что круги, ранее защищавшие Артуковича, продолжали придерживаться своей прежней линии. Это относилось прежде всего к католическому обществу «Рыцари Колумба», которое как в финансовом, так и в пропагандистском отношении действовало весьма успешно. Это общество является вторым по величине католическим обществом США. По состоянию на 1977 год оно контролировало капитал в сумме миллион долларов. Его ежемесячный журнал «Колумбия» читают католики всего мира, он в состоянии мобилизовать их по любому вопросу. Так, например, в защиту Артуковича во время предыдущих судебных разбирательств выступили и кардинал Манинг, и кардинал Спелман, заодно с ними и отец Рос, приходский священник из Сэрфсайда, городка, где жил Артукович, которые неоднократно клятвенно заверяли американскую общественность в том, что Артукович — смиренный, многострадальный человек, очень набожный, ведущий

скромный образ жизни, которого безжалостно преследуют, хотя он всего лишь «мелкая рыбешка».

Корни такой заботы католического духовенства уходят вглубь предшествующих лет, имевших важное значение в карьере Андрия Артуковича и развитии усташского движения. Прежде всего это были годы тесного сотрудничества накануне и в период второй мировой войны, а затем на заключительном ее этапе, когда не только Артукович, но и остальные усташские преступники пытались уйти от возмездия в значительной мере при содействии весьма влиятельных деятелей католического клира.

Но несмотря ни на что, югославское требование было в конце концов удовлетворено, и Артукович предстанет перед судом народа.

БЕГСТВО. Решение об отступлении или, вернее, бегстве, было принято усташским правительством 5 мая 1945 года. Всего двумя днями ранее Павелич и Артукович подписали Закон о равноправии граждан «Независимого Государства Хорватии» независимо от расовой принадлежности. Они пошли на это после того, как на основании ими же изданных законов уже было уничтожено около 900 тыс. мужчин, женщин и детей.

Не упуская из виду ни малейшей детали, Павелич приказывает ликвидировать своих вчерашних соратников: усташей Младена Лорковича и Анте Вокича, лидеров хорватской крестьянской партии (ХКП) Иванко и Людевита Томашича, а также десять офицеров хорватского домобранства¹. С Артуковичем же, который был в самых близких отношениях и с ним, не случилось ничего.

На следующий день, в день «отступления», было принято решение спрятать в надежном месте дипломатический архив, передав его архиепископу Алойзию Степинацу², поскольку усташаи даже в этот момент

¹ Так называлась регулярная армия «Независимого Государства Хорватии», созданная 11 апреля 1941 года. В состав вооруженных сил «НГХ» входили также жандармерия и усташские военные формирования.

² Алойзие Степинац — загребский архиепископ, военный преступник. Один из духовных отцов усташского геноцида против других народов, идеолог «перекрещивания» православных сербов в католическую веру. Выученик иезуитского коллегиума «Германикум» в Риме.

надеялись на скорое возвращение с помощью английских и американских войск.

Из Загреба им пришлось удирать сломя голову, так как югославская армия была уже на подступах к городу. Тем не менее усташский министр Пук, ведавший государственным банком, нашел время, чтобы вместе с доверенными людьми вывезти из хорватского государственного банка всю валюту, золото и драгоценности. Грабеж был основательным. Из сейфов было изъято:

— 202 701,28 граммов золота в слитках,

— 11 993,50 золотых монет — наполеонов, дукатов, турецких лир и др.,

— 2378 граммов золота в пластинах,

— валюты на сумму в несколько миллиардов кун¹ и бриллиантов разной величины общим весом в 1715,89 каратов, приобретенных для Анте Павелича на средства из государственной казны.

Андрије Артукович не стал дожидаться развития событий. Председатель государственного Веча — именно этот пост он тогда занимал — исчез уже 5 мая, оставив записку с уведомлением о том, что он уехал вместе с членами правительства.

Представляет интерес следующая выдержка из дневника секретаря папского легата Джузеппе Рамиро Марконе: «Огромное, необычайное волнение в городе! Везде автомобили, грузовики, мотоциклы, телеги. Просто невероятно! Все бегут! В 16 часов уехал поглавник вместе с правительством. Удрал и сараевский архиепископ Шарич...»

Отступление началось 6 мая. Если же принять во внимание прощальную записку Артуковича, то существовало несколько правительств, так как он скрылся днем ранее вместе с «членами правительства».

Но никто из министров и других ответственных лиц усташской организации не забыл в этой спешке свою часть награбленного, которое Пук делил целый день в соответствии с ранее составленным списком. Артуко-

Ярый хорватский националист и антикоммунист. Будучи верховным главой католической церкви в «НГХ», стремился неразрывно связать судьбы католического клира и усташского режима. После войны осужден на 16 лет тюремного заключения, из которых отбыл 5 лет в тюрьме, а затем был интернирован в родной город Крашич, где умер в 1960 году от лейкемии.

¹ Куна — денежная единица в Хорватии в 1941—1945 годах.

вич тоже фигурировал в этом списке, хотя так никогда и не удалось установить, сколько ему досталось. Факты свидетельствуют о том, что по списку он получил лишь небольшую часть драгоценностей по сравнению с теми, что он вывез ранее, спрятав награбленное в надежном месте, что неоднократно подтверждал усташ Анте Година.

Все, что усташа не смогли увезти (золото и 2000 кг серебра), было упаковано в 36 ящиков и укрыто в склепе под алтарем францисканской церкви на Каптоле¹.

Эта церковь должна была стать надежным хранилищем награбленного в Хорватии богатства до возвращения усташей или до тех пор, пока не будет принято решение о том, чтобы использовать его на благие цели — на нужды «организации».

Таким образом, те, кто еще вчера, движимые зоологической ненавистью, решали вопросы жизни и смерти сотен тысяч мужчин, женщин и детей, бежали из распавшегося «Независимого Государства Хорватии» в Австрию вместе с теми, кому они до сих пор служили. Здесь расходятся пути тесно связанных между собой в течение многих лет преступников, злодеяния которых не могут сравниться ни с чем в памяти народов нашей страны. Артукович оказался в английской зоне оккупации, в монастыре близ Бад Ишл в окрестностях Линца, Павелич же по подложным документам на имя Рамиреса пробрался в американскую зону. И тот и другой вели довольно свободный образ жизни.

Будучи обманут своим генералом Мошковым, вывезшим из монастыря в Фольсберке четырнадцать ящиков золота, Павелич отправляется в Рим, чтобы свести с ним счеты и вернуть свою часть награбленного. Но эта затея сорвалась, поскольку Мошков был выдан нашим властям.

Еще в первом документе ООН о поимке и задержании главных преступников, принятом в далеком 1946 году, фигурировали фамилии Павелича, Артуковича, Кватерника, Лубурича...

Артукович был арестован английскими военными властями. Бывшего министра допрашивали в течение

¹ Каптол — историческая часть Загреба и одноименная площадь на которой стоит кафедральный собор. В расширительном смысле «каптол» — обозначение католического епископата в Хорватии.

двух месяцев в лагере в районе Шпиталь-Драу. После этого его по непонятным причинам отпустили. Соблюдая известную осторожность, с учетом прежде всего близости границы с Югославией, он продолжал жить в упомянутом монастыре. Но в то время уже функционировал канал, посредством которого военные преступники из Европы переправлялись главным образом в Южную Америку. Именно эти связи использовал при бегстве и Артукович, правда, в силу определенных причин обставленном довольно своеобразно, о чем будет сказано ниже.

Одним из главных перевалочных пунктов была церковь св. Иеронима в Риме. Еще до войны она была местом сборищ усташей, а в период оккупации Югославии стала официальным центром клерикально-усташской пропаганды за рубежом. В церкви св. Иеронима под руководством усташа Й. Маджерца ежегодно, 10 апреля, отмечалась годовщина провозглашения «Независимого Государства Хорватии», а 13 июня — именины Анте Павелича. В эти дни вывешивался усташский флаг.

Мозговой центр организации, помогавшей военным преступникам скрываться, возглавлял священник Крунослав Драганович, дом которого на улице Святого духа в Риме был тем местом, куда сходились все нити и где разрабатывались различные планы. Кроме него, в церкви св. Иеронима этим же занималась группа бежавших из Югославии католических священников, среди которых были и военные преступники. Можно назвать таких господ, как Карл Месич, дон Илия Томас, приходский священник из местечка Клепци возле Чаплины, являвшийся усташским представителем в этой части Герцеговины, патер Тадез Кошур и др.

Секретные документы американской разведывательной службы свидетельствуют о том, что в Австрии был создан пункт под номером 430, поддерживавший прямую связь с центром в Риме, деятельность которого направлял священник Крунослав Драганович — военный преступник, руководитель ватиканского агентства по переселению лиц, не имеющих паспортов. В этих документах признается, в частности, что Драганович «известен как фашист, зарегистрирован как военный преступник, поддерживающий контакты с южноамериканскими дипломатами, занимающимися сомнительной деятельностью...». Согласно этим источникам, Драгано-

вич получал от американских спецслужб за каждого переправленного из Европы преступника по 1300 долларов.

Канал, созданный Драгановичем для переброски из Европы военных преступников, в разведывательных кругах был известен под названием «крысиная линия».

Британский разведчик Стивен Клиссолд, работавший в одном из отделений британской разведывательной службы, занимавшихся беженцами, подробно описывает деятельность ватиканского центра, которым руководил Драганович. Он, в частности, свидетельствует, что до марта 1947 года югославское правительство направило союзникам список 936 подлежащих выдаче военных преступников, однако союзники решили удовлетворить югославские требования только в 77 случаях. К началу 1948 года список югославского правительства увеличился до 1800 человек, из которых 400 преступников находились в Австрии и Германии, в секторе, контролируемом Великобританией. Однако британское правительство согласилось передать Югославии только 58 военных преступников.

Новейшее подтверждение той роли, которую играл священник Драганович, поступило из Лиона, с судебного процесса над Клаусом Барбье — «лионским мясником», который, объясняя, каким образом он покинул Европу, заявил, что ему в этом помог священник Драганович.

Чтобы до конца была ясна роль в этих делах Драгановича, следует иметь в виду, что в духовных учебных заведениях Ватикана готовились миссионеры для работы в Югославии, причем особое внимание в период между двумя мировыми войнами уделялось лицам, отличавшимся хорватским шовинизмом.

Теперь вполне определенно можно говорить о результатах деятельности этой группы воспитанников Ватикана, если принять во внимание, что в их числе были известные члены усташской организации: Степинац, Беркович и Губерина, Сакач и Юрич, а также Драганович и Камбер.

Чтобы составить полное представление о деятельности Крунослава Драгановича — боснийского католического священника, необходимо напомнить, что, занимаясь средневековой проблематикой — отношениями между католичеством и православием в южнославян-

ских землях, — он написал докторскую диссертацию на тему «Массовый переход католиков в «православие» в период турецкого владычества в районах проживания населения, говорящего на хорватском языке». Опубликованная в официальном органе Восточного института, она получила весьма высокие оценки и похвальные отзывы, прошла апробацию Ватикана. Конечно, само по себе это не имело бы особого значения, если бы тем самым его работа не приобрела директивный характер. Иными словами, это означало, что следует сделать все возможное, чтобы обеспечить обратный массовый переход в «веру своих отцов». Такая тенденция особенно проявилась после создания «Независимого Государства Хорватии», когда перекрещивание православных становится программой государства и церкви. Чем все это кончилось — хорошо известно.

В церкви св. Иеронима в Риме одно время скрывался Анте Павелич, а именно — до 1948 года. Изменив свою внешность, имея на руках фальшивый паспорт на имя священника Пала Араноиса, он бежал в Аргентину.

Однако скрыться надолго ему не удалось. Спустя несколько лет какой-то неизвестный (чье имя до сих пор не удалось установить) совершил покушение на А. Павелича на одной из улиц Буэнос-Айреса. Через три года он умер в Мадриде от ран, полученных в результате этого покушения. Близкий соратник Артуковича — Эуген-Дидо Кватерник — погиб якобы в автомобильной катастрофе в Аргентине в 1962 году. Макс Лубурич, палач концентрационного лагеря в Ясеноваце, был убит в Испании. В результате число преступников, которым удалось избежать кары, сузилось до сравнительно небольшого круга лиц, в числе которых был и Андрие Артукович.

Из монастыря в Бад Ишл при помощи церкви св. Иеронима он переправился в Швейцарию через Инсбрук, где находился еще один закоренелый усташ, священник, брат Берто Драгичевич, начальник усташской полиции в Герцеговине. В Женеве Артукович находит укрытие в католическом монастыре. Под новой фамилией и именем — Алойзие Анич, располагая соответствующими документами, полученными с помощью клерикальных кругов и с ведома министра юстиции Швейцарии, он вместе с женой Анной-Марией и дочерьми-близнецами Вишней и Зорицей в июле 1947 года выез-

жает в Ирландию. А. Артукович, будучи военным преступником крупного калибра, проделал, несомненно, необычный для того времени путь. Однако это становится вполне объяснимым, если иметь в виду тех, кто оказывал содействие в организации побега, а также заинтересованность, проявленную к Артуковичу западными разведывательными службами.

Не чувствуя каких-либо угрызений совести по поводу своего прошлого и несколько не беспокоясь за свое будущее, он предоставил решение всех вопросов своим новым хозяевам. Наступали иные времена — то был канун приближавшейся «холодной войны».

Кроме того, Артукович имел основания испытывать радость: в Ирландии у него родился сын Радослав.

АМЕРИКА. В июле 1948 года истек срок документов, полученных Артуковичем в Швейцарии, но это уже не являлось проблемой, он получил новые документы и въездную визу в США. В результате количество наиболее злостных военных преступников, легально нашедших к тому времени убежище в США, достигает пятидесяти шести.

Артукович с семьей прибывает в Лос-Анджелес. Там его с радостью встречает старший брат Джон Артукович, который поселился в Соединенных Штатах еще перед первой мировой войной и возглавил «П. и Дж. Артукович констракшн компани» в Питтсбурге. Для брата он приобрел дом в Сэрфсайде — тихом месте на побережье. Вскоре Андрие стал работать бухгалтером в компании своего брата, а Анна-Мария — медсестрой в одной из больниц города. Началась новая жизнь вдали от европейского ада, и казалось маловероятным, что наступит день, когда его, теперь Алойзия Анича, привлекут к ответственности. Андрие Артукович настолько почувствовал себя в безопасности, что включил в телефонный справочник Лонг-Бича свою настоящую фамилию. Теперь номер его телефона не составлял тайны.

СУД. Однако произошло все же то, чего он меньше всего, по-видимому, ожидал. Местонахождение Артуковича было обнаружено, и все калифорнийские газеты в 1951 году поместили статьи под заголовками «Красные требуют выдачи человека из Сэрфсайда». Эта во

многим симптоматичная манера информирования общественности как бы предвосхищала возможное решение американских органов правосудия. Но Артукович вынужден был предстать перед судом ввиду предъявленного Федеративной Народной Республикой Югославией (ФНРЮ) требования о выдаче его как военного преступника и непосредственного виновника гибели сотен тысяч людей, в том числе женщин и детей.

Заслуга в обнаружении места пребывания Андрия Артуковича принадлежит югославским эмигрантам. Они неоднократно оказывали содействие в поиске военных преступников из Югославии в других частях мира. Без их помощи было бы очень трудно, а порой и невозможно заполучить необходимые сведения. В Лос-Анджелесе в пятидесятые годы, к несчастью для Артуковича, проживало постоянно около семи тысяч выходцев из Югославии.

Начался процесс, который продлился целых восемь лет. Вначале он проходил обнадеживающе для стороны, требовавшей выдачи Артуковича. Однако впоследствии обстановка изменилась, и суд все больше склонялся на сторону Артуковича и его защитников.

Спокойная жизнь бухгалтера, поселившегося в солидном особняке и ежедневно отправлявшегося утром на службу и возвращавшегося вечером домой, оборвалась, и имя Артуковича вновь попало на первые полосы газет. Привыкший к известности — в прошлом он в течение ряда лет занимался охотой на невинных людей и мог делать все, что хотел, — Артукович не очень расстроился из-за нового поворота событий.

Обосновавшись в те дни в номере гостиницы «Бeverли Хилтон» в Лос-Анджелесе, Андрие Артукович вместе со своими адвокатами готовил сценарий защиты. Всего несколькими днями раньше им не удалось отклонить требование о выдаче. То было лишь одно из сражений, правда, проигранное, которое в то время так много обещало...

Первым делом адвокаты Артуковича попытались добиться признания того факта, что их подопечный прибыл в США под фамилией Алойзия Анича в качестве перемещенного лица в соответствии с законом, принятым с целью предоставить возможность людям, преследовавшимся нацистами по религиозным или политическим мотивам, поселиться в США.

Заслушав показания свидетелей, иммиграционная служба 14 октября 1951 года все же приняла решение об отклонении просьбы Артуковича. Однако и этот ход был весьма полезным, что было ясно и тогда, а позже нашло свое подтверждение. Так, наблюдатели были уверены, что положение Артуковича не сможет усугубить никакое скоропалительное решение, поскольку все свидетели, давшие показания иммиграционной службе в пользу Артуковича, являлись агентами ФБР.

На некоторых этот факт произвел удручающее впечатление, поскольку за десять лет до этого суда та же самая организация — ФБР — завела досье на Джона Артуковича, предпринимателя из Питтсбурга, проявив интерес к его связям с фашистскими и усташскими агентами в США, а также его членству в многочисленных комитетах борьбы за независимость Хорватии. По убеждению и свидетельству многих авторов, занимавшихся изучением этого дела и написавших многочисленные статьи в газетах, а также книги, братья Артуковичи стали участниками новой, «холодной войны» против коммунизма.

По всей вероятности, сотрудничество началось еще до окончания второй мировой войны, поэтому будет интересно узнать, какие события имели место в лагере Шпиталь-Драу, а также в Ирландии. Не подлежит сомнению тот факт, что американская разведка, проводившая операции в Югославии, руководствовалась в своей деятельности страхом перед коммунизмом, а не перед находившимся накануне краха фашизмом. Поэтому Управление стратегических служб — предшественник ЦРУ — неожиданно отказалось от услуг ранее завербованных югославов, опасаясь их симпатий к Тито и новой власти, а его новыми агентами стали бывшие враги.

Перед адвокатами Артуковича стояла довольно простая задача: надо было продолжать поддерживать созданный Артуковичем образ борца против коммунизма, обреченного на горькое изгнание и скромный образ жизни, что в то время в Южной Калифорнии, да и в значительной части Америки, было лучшим способом защиты. Именно в таком ключе была проведена пресс-конференция в гостинице «Бeverли Хилтон», участники которой заранее распределили между собой роли. Присутствовавшие на ней журналисты отмечали,

что Артукович выступал на ней в роли бухгалтера, которая устраивала его больше, нежели роль преступника, на совести которого сотни тысяч невинных жертв.

Ничуть не смущаясь, преступник рассказывал о своей деятельности в правительстве «Независимого Государства Хорватии», утверждая, что он никогда никого не убивал, никогда и никому не отдавал распоряжений о совершении хотя бы одного убийства. Он признал тот факт, что был министром внутренних дел, подчеркнув при этом, что не имел никаких полномочий, а затем поведал несколько печальных историй, стремясь угодить вкусам большинства присутствовавших.

Артукович продолжил спектакль, утверждая, что обвинения в его адрес мотивированы политическими соображениями, представляя себя человеком, лишенным покоя и родины, последовательным борцом против коммунизма.

Пресс-конференция, в ходе которой журналистам было запрещено задавать вопросы, закончилась. Артукович и его адвокаты могли торжествовать: поскольку генеральная репетиция прошла с таким успехом, Артукович может и далее придерживаться той же тактики, отвечать на вопросы теми же словами, что и на пресс-конференции, отвергая все обвинения. Спустя несколько дней он именно так и вел себя на допросе в связи с требованием о выдаче. И этого было достаточно, чтобы об Артуковиче стали говорить не как о главаре усташей и преступнике, а как об антикоммунисте.

Считая, что нужно предпринять какие-то шаги, наш посол в США Владимир Попович распорядился, чтобы югославский консул в Лос-Анджелесе выдвинул против Андрия Артуковича обвинение в массовых убийствах людей. Артукович обвинялся в убийстве 1239 людей, в том числе 58 детей, 47 православных священников, 48 раввинов и певчих синагог.

По этому обвинению Артуковича арестовали. В течение следующих 14 дней он находился в тюрьме. Ему было отказано в освобождении под денежный залог.

Пока Артукович находился в тюрьме в ожидании итогов судебного разбирательства, группа его адвокатов, усиленная Робертом Рейнольдсом, адвокатом из Вашингтона, готовилась к защите. Их профессиональное мастерство, а также благосклонность суда свели на нет содержание тринадцати страниц обвинения. Судебное

разбирательство велось вокруг несущественных деталей, игнорировались обязательства, вытекающие из Устава ООН, из решений Нюрнбергского процесса, из всех законоположений, соблюдение которых справедливо можно было считать делом долга и чести органов правосудия.

ЗАЩИТНИК № 1. Адвокат Роберт Рейнольдс с самого начала пытался морализировать, представить деяния подсудимого как нарушение этических норм, время от времени задавал вопросы в благосклонном, слегка покровительственном тоне, говорил о несправедливости по отношению к Артуковичу — жертве коммунистических махинаций. Словом, с помощью Рейнольдса Артукович постепенно превратился в американца, в совсем другую личность — хорошего знакомого среди старых приятелей.

Рейнольдс не уставал в течение последующих восьми лет твердить:

— Все это представляет собой лишь коммунистический заговор против Артуковича! Потому что он всю жизнь боролся с «ними». «Они» (коммунисты) против всего того, за что выступал он... Несчастные устали, даже когда находились у власти, были лишь безответными овцами и даже тогда не могли ничего подобного совершить. Нацисты ввели в Хорватию свои армии, а эти бедняги должны были выполнять то, что им приказывали.

Так, ничуть не смущаясь, авторитетно заявлял первый адвокат, Роберт Рейнольдс, производя впечатление человека, уверенного в том, что он говорит. Однако это всего лишь казалось. В действительности он хорошо знал суровые иммиграционные законы и изо всех сил старался не допустить депортации Артуковича.

Уверовав в выдуманную им версию, Рейнольдс без тени смущения говорил о своем подзащитном:

— Я очень хорошо его знаю. По-моему, он приятный, тихий человек, очень религиозная личность... Утверждения о том, что Артукович был замешан в убийстве короля Александра, превратили его в свое время в глазах хорватов в мученика. Его назначили на пост министра в правительстве Павелича в качестве «почетного члена», сделав своеобразную уступку на-

роду... Я думаю и даже убежден, что его использовали как орудие. Посмотрите, ведь его перемещали с одной должности на другую: сначала он был министром внутренних дел, затем министром юстиции, потом председателем верховного суда. Некоторые считают, что его перемещали столько раз потому, что он держал себя безбоязненно...

Отвечая на обвинения в том, что адвокаты Артуковича получили огромные суммы в качестве вознаграждения за его защиту, Рейнольдс, прикидываясь неискрушенным человеком, утверждал:

— Я не знаю, как это случилось. Ко мне попало дело о выдаче одного из перемещенных лиц, и на этот проклятый случай я затратил много лет работы. Я тоже читал где-то, что одному видному адвокату из Вашингтона заплатили 100 тыс. долларов за защиту этого клиента. А я ведь даже не считаюсь видным!

О том, что Рейнольдс, защищая Артуковича, был готов на все, красноречиво свидетельствует следующая его реплика относительно уничтожения евреев в «НГХ»:

— Это абсурд! В Югославии ведь никогда не было много евреев! Это была очень бедная страна, которая не привлекала внимания бизнесменов. А еврейский народ — это деловой, очень деловой народ.

ЗАЩИТНИК № 2. Второй адвокат Артуковича — по происхождению югослав. Винсент Арнерич из Лос-Анджелеса, консерватор, очень ловкий юрист, особенно в части, касающейся выискивания лазеек в законодательстве.

Говоря об Андрии Артуковиче, он пускал в ход эмоции:

— Мы с Эндрю из одной страны. Я родился в США, но родители мои являются выходцами из Югославии. Католическая церковь и общество «Рыцари Колумба» выделили определенную сумму на защиту Андрия Артуковича... Но основную часть средств внесли независимые люди, друзья семьи Артуковичей. Разговоры же о том, что речь идет об огромной сумме, предназначенной для защиты Артуковича, это выдумки репортеров, которых данное дело вывело из состояния равновесия. Что же касается югославских свидетельских показаний по делу Эндрю, то им грош цена в базарный день...

ЗАЩИТНИК № 3. Третьим представителем защиты Андрия Артуковича был бывший калифорнийский адвокат, впоследствии судья верховного суда в Лос-Анджелесе, Эдвард О'Коннор. Во время последней войны он занимался проблемами японцев и немцев, подлежащих депортации и интернированию. С 1933 по 1939 год О'Коннор работал адвокатом при министерстве юстиции. Как утверждали, именно благодаря тому, что О'Коннор занимал этот пост, его пригласили в качестве защитника Андрия Артуковича.

Вспоминая свое участие в защите Артуковича, О'Коннор говорил:

— Они (Югославия) должны были доказать все свои обвинения.

О своем подзащитном он отзывался весьма похвально:

— Он адвокат. А там, в Хорватии, он был лидером. Вернее, он был одним из лидеров. В самом деле, он очень душевный, интеллигентный, приятный в разговоре человек. Кроме того, он хорошо осведомлен обо всех деталях.

Некоторые считают, что это последнее замечание О'Коннора только подтверждает имеющиеся данные. Именно тем, что Артукович «был хорошо осведомлен обо всех деталях», он и заслужил внимание и покровительство со стороны спецслужб США.

«Андрие Артукович — бедный человек!» — твердила, а по существу маневрировала, пытаясь убедить в этом суд, тройка адвокатов — Роберт Рейнольдс, Винсент Арнерич и Эдвард О'Коннор. Это в одинаковой мере адресовалось обоим правительствам, имевшим отношение к «делу Артуковича». Если Артукович действительно беден, то тогда правительство США должно будет оплатить все расходы по ведению следствия, по допросу свидетелей обеих сторон — обвиняемой и обвинителя. А объявленный список свидетелей был внушительным, в нем были представители из разных стран мира: США, Испании, Португалии, Франции, Англии, Аргентины, Югославии... Среди свидетелей защиты, наряду с другими, фигурировала и фамилия архиепископа Степинаца, который находился в то время в югославской тюрьме по обвинению в сотрудничестве с усташами.

Эти разговоры об оплате расходов велись в соот-

ветствии с хорошо продуманным планом, рассчитанным на то, чтобы уклониться от тех вопросов, которые непосредственно способствовали выяснению виновности или невиновности А. Артуковича.

Другим приемом адвокатов, призванным отвести требование о выдаче Артуковича, было следующее утверждение: соглашение между США и Королевством Сербией от 1901 года, на основании которого Югославия требует выдачи Артуковича, не имеет юридической силы, так как Королевство Сербия больше не существует!

Этот «спорный» межгосударственный документ называется «Соглашение о выдаче преступников, заключенное между Королевством Сербией и Соединенными Штатами Америки 12/25 октября 1901 года», в статье 2 которого говорится:

«...Выдача будет производиться за следующие преступления:

1. Убийства, имея в виду злостное убийство, убийство родителей, убийство детей и отравление; попытка убийства; обычное убийство, если оно является преднамеренным.

2. Поджоги.

3. Разбой, под которым подразумевается злонамеренное и насильственное изъятие денег или имущества у отдельных лиц посредством принуждения или запугивания...».

Судьей на этом процессе был Пирсон Холл, о котором в то время сложилось мнение как о «демократе, интересующемся политикой». А в Калифорнии 50-х годов быть антикоммунистом значило стоять на правильных, перспективных позициях. Заслушав показания обеих сторон, он предложил их представителям в ближайшее время представить убедительные доказательства действительности упомянутого Соглашения между Королевством Сербией и Соединенными Штатами Америки. Вместе с тем он не скрывал, что личность обвиняемого произвела на него большое впечатление.

— Меня тронула откровенность, порядочность обвиняемого,— сказал судья в конце процесса, устанавливая сумму в 50 тыс. долларов в качестве залога за освобождение Артуковича из тюремного заключения.

Против этого решения судьи решительно выступил адвокат Рональд Уокер, представлявший интересы Югославии. При этом он зачитал телеграмму югослав-

ского посла в Вашингтоне, в которой обращалось внимание на оскорбительный характер того, что ставится под вопрос право Югославии на удовлетворение требования о выдаче крупного военного преступника.

Артукович мог торжествовать. И он не скрывал своей радости по поводу успешно закончившегося для него процесса. Приветствуя поднятием руки присутствовавших на процессе своих сторонников, Артукович сказал: «Истина должна была победить».

Его выпустили на свободу под залог. Артукович, сопровождаемый членами семьи и родственниками, покинул зал суда.

Большой группе журналистов растроганный Артукович заявил: «Это не только моя победа, это прежде всего победа американского правосудия. Я благодарен богу за это!»

И радостно улыбаясь, он не удержался от антикоммунистического выпада: «Вы не можете себе представить, что означает это решение суда для угнетаемых людей, проживающих за пределами этой страны... Это и их победа».

После этого судье Холлу понадобилось целых девять месяцев, чтобы оценить, оказали ли влияние «политические и другие важные изменения в Королевстве Сербии в 1901 году, впоследствии в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а затем в Федеративной Народной Республике Югославии на юридическую силу заключенных между двумя странами соглашений. Когда же он 14 июля 1952 года вынес, наконец, свое решение, то оказалось, что «Соглашение о выдаче преступников» утратило свою силу. По его словам, «соглашения о выдаче преступников между Соединенными Штатами Америки и Федеративной Республикой Югославией не существует».

То была битва за время. Шли месяцы. Прошло целых два года. Но в 1954 году окружной суд все-таки принял по жалобе югославского правительства следующее решение: «Соглашение о выдаче преступников между Соединенными Штатами Америки и Сербией от 1901 года существует, действует и может применяться...»

Это решение окружного суда как первой инстанции утвердил и верховный суд, в результате чего оно вступило в силу. Артуковичу пришлось снова сесть

на скамью подсудимых и предстать перед тем же судьей. Поскольку у него были те же адвокаты, то и методы их защиты были прежними. Только теперь их ухищрения строились не вокруг вопроса о том, является ли действительным или недействительным «Соглашение о выдаче преступников», а вокруг статьи 6 Соглашения, в которой указывалось, что «сбежавший преступник не будет выдан, если обвинение в его адрес носит политический характер».

Статья давала Артуковичу шанс уйти от возмездия. Защита это прекрасно понимала, тем более что она пользовалась исключительной благосклонностью вершителя правосудия.

«Обвинение нашего подзащитного в совершении убийства 1239 человек, которое приписывается ему, как министру внутренних дел, носит политический характер. Ввиду этого Андрие Артукович является политическим эмигрантом», — хладнокровно твердил от имени защиты адвокат Роберт Рейнольдс.

Судья Холл не смог ничего возразить против такого «доказательства». А газеты Лонг-Бича поспешили сообщить, что «Артукович одержал победу в битве».

Все началось сначала. На этот раз судебная волокита продолжалась три года. И вновь верховный суд в сентябре 1957 года вынес решение о пересмотре дела. Семь из девяти присяжных заседателей проголосовали за то, что Артукович должен ответить за совершенные преступления, так как «обвинения не носят политического характера».

Американская пресса с готовностью опубликовала новое заявление Артуковича:

— Я никогда не думал, что такое может произойти в этой прекрасной стране. Меня преследовали и подвергали тюремному заключению немцы, сербы, югославы и другие. Но то была Европа. Трудно было представить себе, что и здесь человека может постигнуть что-либо подобное...

Нечто подобное «постигло» Артуковича и здесь. Правда, на это ушло довольно продолжительное время с того момента, когда стало известно, что он пытался уйти от возмездия за свои преступления, скрывшись в Калифорнии, когда было установлено, что он не такой уж невинный и кроткий гражданин. Поэтому

«в этой прекрасной стране» он чувствовал себя иностранцем. Впрочем, он приехал сюда обманным путем и остался здесь жить в качестве незваного и нежеланного для многих американцев гостя. И это ему давали понять порой в довольно мягкой, а иногда и в резкой форме. Особенно в 60-е годы.

Угрозы по телефону и в письмах были ежедневным явлением в жизни семьи Артуковича. А страх перед возможностью похищения или убийства Андрия Артуковича преследовал семью многие годы. Чтобы сделать жизнь хотя бы в какой-то степени спокойной, Артуковичи сменили номер телефона, отказавшись включить его в телефонный справочник. В результате он был известен лишь очень ограниченному кругу людей.

Артукович не боялся четников. Для этого у него не было причин. Военный преступник священник Момчило Джуич (который проживает то в Канаде, то в США), руководитель четнической организации, объяснил:

— Если бы мы опустили до уровня усташей, мы могли бы уничтожить Артуковича уже давно. У нас имеются свои люди по всему миру. Я мог бы отдать приказ, и с Артуковичем было бы покончено уже на следующий день.

Это заявление священника Джуича вынуждает нас напомнить, что еще во время войны он установил довольно тесное сотрудничество с усташами. «Защитник сербов и мститель за их страдания», каким он пытался себя представить, Джуич шел на сотрудничество с предателями и оккупационными властями, лишь бы ему перепала хоть крошка от пирога власти. А властью он еще как пользовался, о чем свидетельствуют данные о тысячах зверски умерщвленных людей. Уже 29 октября 1941 года священник Джуич подписал соглашение с итальянцами, которое давало ему право формировать отряды четников при условии, если он будет воздерживаться от каких бы то ни было действий против усташей в Италии, поддерживать связи с органами власти «НГХ», обменивается представителями с итальянским командованием с целью координации действий.

Для подтверждения того, что священник Джуич не только не нарушил упомянутого соглашения, но

и распространил его положения на сотрудничество с немцами, приведем приказ Анте Павелича, касающийся четника священника Джуича и его головорезов, в котором говорилось:

«На основе соглашения между хорватским и немецким правительствами четническая дивизия священника Джуича общей численностью около 6000 человек проследует из района южнее Бихача и Лики на север, в Германию. Возможные маршруты движения БИХАЧ—БОС, НОВИ—КОСТАЙНИЦА—НОВСКА—ДУГОСЕЛО—ЗАГРЕБ—ЗАПРЕШИЧ—ГРАНИЦА; или же ГОСПИЧ—ОГУЛИН—КАРЛОВАЦ—ЗАГРЕБ—ЗАПРЕШИЧ—ГРАНИЦА.

Приказываю:

1. Всем нашим вооруженным частям на указанных направлениях беспрепятственно пропускать эту дивизию четников. Нарушившие приказ предстанут перед военным судом в соответствии с циркуляром Главной Ставки Поглавника № 124/секретно, от 15.12.44.

2. Отряду хорватских вооруженных сил сопровождать четническую дивизию священника Джуича в ходе ее передвижения на север к германской границе. Этот отряд по согласованию с немецким командованием должен обеспечить четкое и беспрепятственное прохождение дивизии.

3. По мере передвижения вышеупомянутой четнической дивизии через территории, контролируемые отдельными хорватскими командованиями, соответствующим командующим незамедлительно подробно оповещать об этом верховное главнокомандование.

Поглавник Независимого Государства Хорватия

Верховный главнокомандующий д-р *Анте Павелич*».

Так Момчило Джуич во главе своей шеститысячной дивизии покинул Югославию.

ПОХИЩЕНИЕ. Америка не была бы Америкой, если бы она упустила возможность придать этому случаю привкус и аромат фильма ужасов, приправленного, естественно, некоторой дозой нервозности, таинственности и неопределенности. Любопытно то, как некоторые американские газеты «расписали» организацию похищения. Несмотря на абсолютную наивность и поверхностный характер этих описаний, для лучшего понимания отношения американской общественности к сути югославского требования воспроизводим и эту историю.

«...Это случилось зимой 1966 года. «Человек с папкой», долгое время тайком следивший за Андрием Артуковичем, организовал совещание в доме одного из югославских эмигрантов в Сан-Педро, пригороде Лос-Анджелеса, где, по некоторым данным, проживает около 7000 переселенцев из Югославии.

Когда все приглашенные собрались, их ознакомили с планом операции, согласно которому Андрия Артуковича должны были похитить, переправить в Югославию и предать суду.

Этот план следовало держать в строгом секрете, но о его существовании узнал Джордж Робсон, корреспондент газеты «Лонг-Бич пресс телеграм». Он выведal его в беседе с известным контрабандистом, который являлся осведомителем ЦРУ. Этого человека Робсон обозначил как «господин К». Именно он должен был выполнить особое задание...»

По словам Робсона, «господин К» встретился с югославскими эмигрантами в том самом доме в Сан-Педро, где происходило вышеупомянутое совещание. Здесь была заключена типичная для этой драмы сделка.

— Моя страна готова заплатить крупную сумму за Артуковича!

Таинственный «господин К» не поинтересовался источником этих денег. Для него это не имело никакого значения. Ему лишь сказали, что хотят переправить Артуковича на родину и предать суду.

План был прост: в воскресенье, когда Артукович будет возвращаться домой после игры в карты, надо остановить его машину, другая группа в это время задержит автомобиль с его телохранителями. Наемник должен взять Артуковича живым, впрыснув ему большую дозу нембутала. После этого он должен доставить Артуковича в багажнике к крытому грузовику, который на предельной скорости переправил бы его к докам Лонг-Бича.

Случилось почему-то так, что в ту ночь, на которую было намечено похищение Артуковича, в порту находилось два югославских сухогруза: один — в доке погрузки зерна, а другой — у причала «А».

— Я сам в ту ночь был в порту и видел эти суда с югославскими названиями,— продолжает свой рассказ Робсон.— Возможно, что и «господин К» стоял где-то поблизости, вглядываясь в названия кораблей. Поэтому он и был уверен, что «операцию» проводят югославы.

Однако этот план осуществить не удалось. Началось с того, что «господин К» поднял цену своих услуг до 50 тыс. долларов. «Это не проблема»,— ответили ему, но этой суммы не выплатили. А в таких делах обычно платят вперед. Кроме того, слишком много людей было

посвящено в план задуманного похищения. В итоге «господин К» испугался, как бы этот план не стал достоянием того, кому не следует знать о нем. В конце концов он пришел к выводу, что «дело не стоит такого риска».

НАПАДЕНИЕ. Непосредственным поводом для того, что Артуковича вдруг охватил нескрываемый страх, была попытка двух молодых людей из Лос-Анджелеса внести собственный вклад в дело выдачи этого военного преступника. Они и не предполагали, что их «публичный подвиг» приведет к возникновению недоразумения между США и Израилем.

На 19-летнего Давида Витлоу очень большое впечатление произвели рассказы матери о преступлениях фашистов в Европе. Ему было известно, что Артукович прибыл в США из Хорватии за десять лет до того, как он появился на свет. Его мать Юдифь переехала сюда в том же, 1948 году тоже из Европы, сначала в Нью-Йорк, а затем в Лос-Анджелес. И тоже в качестве перемещенного лица. Так же, как и Артукович. Но она приехала совершенно одна, так как 76 ее родственников погибли в концлагерях.

О своем сыне Юдифь Витлоу с гордостью говорит:

— Давид, взрослея, все чаще расспрашивал меня, куда делись все наши родственники. Он спрашивал, а я отвечала... «Рассказывай еще,— настаивал он.— Расскажи, мама, как это они, 76 человек, погибли?» И я ему рассказала все. Всю жизнь, с его младенческого возраста, я повторяла: 76... Говорила, кем были его деды, тетки, двоюродные сестры! Я поведала ему все, что знала о нацистах и лагерях.

Будучи студентом колледжа в Лос-Анджелесе, Давид стал активным членом Лиги защиты евреев. Эту организацию и, в частности, Давида Витлоу заинтересовала история Андрия Артуковича.

— Это было очень драматично,— объяснял впоследствии Витлоу,— мне казалось, что моя организация боролась против нацистов еще во время второй мировой войны, эта борьба продолжается сегодня и что ей нужны новые борцы.

Давид очень скоро включился в борьбу против Артуковича. Он начал с писем, которые посылал в Нью-Йорк, Вашингтон и Лос-Анджелес. Но полученные от-

веты разочаровывали его. Почти все они были одинакового содержания: «Дело Артуковича все еще находится в стадии активного расследования». Это спустя 25 лет!

Убедившись в безрезультатности своей затеи с письмами, Давид вместе с другими членами организации решили направиться прямо к дому Артуковича. Но и эта попытка закончилась неудачей. Сэрфсайд — район, в котором живут богатые люди, и он находится под особой охраной. Непрошенных гостей быстро выпроводили.

Тогда Давид решился на другое. Встретившись с Майклом Шварцем, он легко договорился с ним, как реализовать свою идею.

30 января 1975 года ровно в 2 часа 30 минут двое молодых людей оказались возле большого дома на ранчо в Шерман-Оуксе. Это ранчо принадлежало Джону Артуковичу — брату, опекавшему Андрия. Давид Витлоу задумал совершить публичную акцию с целью привлечь внимание общественности к этому делу, избрав в качестве объекта Джона.

Им удалось незаметно, ползком пересечь окружавшую дом Д. Артуковича лужайку и подкрасться к гаражу. Швырнув две бутылки с зажигательной смесью в машину Д. Артуковича марки «Форд», которая тут же превратилась в пылающий факел, юноши бросились наутек. Однако скрыться им не удалось.

Они были преданы суду, который признал их виновность. Обвинение в применении взрывчатого вещества могло повлечь за собой наказание от 5 лет до пожизненного заключения. На время следствия их могли освободить из-под стражи при условии уплаты залога в размере 10 тыс. долларов за каждого.

Мать Давида Юдифь Витлоу сделала все возможное: она заложила единственное, что у нее было, — дом, чтобы молодые люди были выпущены на свободу.

Прошло довольно много времени, прежде чем мировая общественность узнала об исходе этого судебного дела. Информация агентства Ассошиэйтед Пресс вызвала саркастические, негодующие отклики по поводу того, «как выглядит правосудие в США».

20 марта 1976 года корреспондент этого агентства сообщил из Иерусалима, что США потребовали выслать одного американского еврея, «который обвиняется в

том, что бросил бутылку с зажигательной смесью, чтобы привлечь внимание к проживающему в Калифорнии югославу, о котором говорят, будто он является военным преступником.

Речь идет об Андрие Артуковиче, бывшем министре внутренних дел Хорватии, части Югославии, ... который в настоящее время живет в Сэрфсайде... Югославия и Израиль обвиняют его в том, что он виновен в смерти сотен тысяч сербов и евреев в нацистских концлагерях».

Эта афера поставила израильское правительство, проявляющее решимость в вопросе наказания гитлеровских преступников, перед дилеммой. Иерусалимский судья вынес решение не передавать паспорт Шварца посольству США.

Упомянутый Майкл Шварц после освобождения из тюрьмы бежал в Израиль, где женился, принял израильское гражданство, отслужил положенный срок в израильской армии.

Адвокат Шварца Иегуди Равех в одном из интервью, в частности, сказал:

— Если считать преступления Артуковича политическими, то тем более политическим является дело Шварца!

ШКИЯНО. Но, видимо, никто в США не в состоянии более квалифицированно объяснить странную политику бюро по иммиграции и натурализации в отношении десятков нацистских военных преступников, проживающих в США, чем Винсент Шкияно, бывший прокурор упомянутого бюро, и его заместитель Энтони де Витто.

Они утверждали, что были вынуждены покинуть свои посты, так как американские власти брали под защиту лиц, прошлая деятельность которых нуждалась в проверке. Эти юристы заявили о том, что секретные документы об Артуковиче исчезли, чинились всяческие препятствия вынесению справедливого обвинения, важный доказательный материал, информация, заключавшая в себе неопровержимые обвинения, вдруг становились достоянием адвокатов обвиняемого.

— Когда мы пожаловались на это в Вашингтон, реакция была такова, что мы убедились в невозможности дальнейшего расследования. В конце концов нам пришлось работать в маленькой, почти пустой комнате,

звонить из автомата, так как наш телефонный аппарат отключили.

Шкияно начал проявлять интерес к Андрию Артуковичу еще в начале 60-х годов, когда он взялся за расследование дела Гермины Браунштайнер-Райан, нацистской надсмотрщицы одного из концлагерей. Шкияно гордился тем, что именно он расследовал дело Райан, так как она длительное время была единственным нацистским военным преступником, депортированным из США.

— Этого наверняка не произошло бы, если бы мы пошли на поводу правительства,— говорит Шкияно.— Но на это последовал ответный удар, ставший возможным в результате того, что бывший президент США Никсон, сильно обеспокоенный ростом влияния Уоллеса, решил заручиться поддержкой нацистской партии Калифорнии в надежде ослабить позиции своего соперника. Нацистская партия могла бы оказать определенную финансовую помощь, но ее лидеры заявили:

— Все это хорошо! Но процесс над Райан нанес ущерб репутации нашей партии. Шкияно зашел настолько далеко, что утверждал, будто нацистская партия Калифорнии напоминает террористов, палачей, германских нацистов и эсэсовцев.

И тогда, по словам Шкияно, Вашингтон вмешался, потребовав разрядить создавшуюся ситуацию:

— Смягчите это дело! — было сказано.— Замните его!

На это последовал ответ:

— Мы не в состоянии этого сделать, поскольку в Нью-Йорке работает ненормальный следователь Шкияно, который все предает широкой огласке.

Никсон был взбешен:

— Тогда разделайтесь с ним!

— В результате мне с моим помощником пришлось иметь дело с теми, кто был замешан в «уотергейте»,— заявил Шкияно. Он и его заместитель Энтони де Витто вынуждены были срочно подать в отставку. Шкияно было предложено место за 35 тыс. миль от Нью-Йорка — на Аляске.

Исполнительные власти, вмешивавшиеся в судебные процессы о выдаче военных преступников, не ограничились только «делом Райан». По словам Шкияно, такая же участь постигла и «аферу Малаксы». Николае Ма-

лакса, румын по национальности, должен был быть депортирован за соучастие в военных преступлениях епископа Валериана Трифы, главы румынской православной церкви в Америке, резиденция которого находится в городе Грасс-Лейк в штате Мичиган. Он играл почти такую же роль в квислинговском правительстве Иона Антонеску, что и Степинац в правительстве Павелича. В 1941 году Трифа организовал так называемый «бухарестский погром», в ходе которого было убито около 1000 человек.

— А Артуковичу Никсон тоже помогал?

Не без опасений, но честно и со знанием дела Шкино говорит:

— Не исключено. Утверждения о том, что Андрия Артуковича, как и многих других людей с темным прошлым, использовали федеральная полиция США и Центральное разведывательное управление, не лишены оснований. Этому благоприятствовало и то, что он хорошо знал восточноевропейские страны, что могло пригодиться для шпионажа в период «холодной войны». Спецслужбы смотрели сквозь пальцы на прошлое скрывшихся от возмездия преступников, обещая им в обмен на определенные услуги, что не допустят их выдачи.

Некоторые даже заявляли, что в защите Артуковича большую роль сыграли влиятельные деятели католической церкви. Н. Адамс из вашингтонского бюро «Ридерс дайджест» утверждал, что бюро по иммиграции и натурализации, в рамках своей компетенции, разрешило ему ознакомиться с документами, касающимися Артуковича. Он своими глазами видел письма в защиту этого военного преступника, подписанные кардиналами Манингом и Спелманом.

Забота кардинала Спелмана об Артуковиче не должна нас удивлять. Ведь в период второй мировой войны он поддерживал контакты с усташами, даже во время наиболее ожесточенных боев он принимал в Ватикане в 1943 году Степана Лацковича — секретаря архиепископа Алоизия Степинаца из Загреба, и Эрвина Лобковича — дипломатического представителя усташей при Ватикане.

Никто бы не удивился, если бы Спелман, будучи прелатом римско-католической церкви, принял с визитом какого-то священника из Хорватии. Это еще можно

было бы объяснить и оправдать, поскольку такой факт мог быть истолкован лишь как установление определенных контактов политического характера.

КАМПАНИЯ. «Рыцари Колумба» оказали значительную финансовую и пропагандистскую помощь Андрию Артуковичу. Эта организация, насчитывающая миллион членов, является второй по величине католической организацией США. В нее входили такие клерикалы-ушасты, как архиепископ Иван Шарич, священник Катимир Майич, редактор ушастской газеты «Даница» Анна Йосип Мишич, Степан Лацкович, Чутурич, Бенкович, а также отец Роберт Рос, приходский священник из Сэрфсайда.

Говоря о помощи, оказанной Артуковичу, не следует забывать кампанию, проведенную по всей территории США Хорватским католическим союзом. Вместо комментария приведем текст сообщения, опубликованного 7 мая 1958 года в ушастской газете «Наша нада», выходящей в Чикаго: «В последнее время проходят многочисленные собрания и митинги честных хорватов, с трибун которых звучит их мужественный голос против коммунизма и домогательств югославских коммунистов на счет выдачи Америкой хорватского лидера, борца против Югославии Тито и коммунизма — д-ра Андрия Артуковича.

Организаторами таких собраний и митингов являются члены Хорватского католического союза. В Питтсбурге, на заседании объединенных его филиалов, а также на собрании в Кливленде, штат Огайо, которое организовал видный хорватский общественный и католический деятель профессор Иван Прцела, была принята резолюция.

Ввиду соответствующего распоряжения Исполнительного комитета союза у нас нет возможности более подробно информировать об упомянутых собраниях, однако мы можем привести выдержки из резолюции, которые представляются нам важными:

«Мы выражаем глубокую признательность нашему наиболее активному члену комитета, брату Джону Старчевичу, а также сестре Катерине Гушич, которые смело поднимают свой голос в защиту святых для нас прав хорватов. Мы выражаем также большую признательность всем хорватским патриотам в Кливленде, штат

Огайо, и особенно брату профессору Ивану Прцеле — члену Хорватского католического союза».

ДАНИЭЛЬСОН. Сохранилось также и высказывание Джорджа Даниэльсона, представлявшего Югославию в ходе разбирательства по делу Артуковича. Вот что он сказал дословно:

— Это с самого начала было инсценировано. В конце 50-х годов в США преобладали очень сильные антикоммунистические настроения, и в этих условиях дело выглядело довольно просто — из Артуковича сделали символ антикоммунизма.

Мой противник, О'Коннор, подобно тому, как он это делал в ходе двух предыдущих судебных разбирательств, прибежал и на этот раз к многочисленным аналогичным утверждениям. Во-первых, утверждалось, что Артукович никого не убивал. Защита хотела, чтобы люди поверили в то, что у него не было на то полномочий. Вторая линия защиты основывалась на утверждении, что убийства, совершенные в ходе войны, — это политические преступления, и вина за них не может возлагаться на одного человека.

Несмотря на очевидную беспочвенность таких утверждений, защита строилась на старых, устраивавших ее аргументах, согласно которым обвинения носят политический характер, ввиду чего А. Артукович не подлежит выдаче.

Между тем совершенные им преступления не являются политическими и даже военными. Это безусловно обычные убийства. Я изучил все списки людей, уничтоженных Артуковичем, и вычленил тех, кто так или иначе участвовал в войне. Я выделил узников концлагерей, людей, не участвовавших в вооруженной борьбе. Людями, в убийстве которых я обвиняю его, были женщины, дети и священнослужители. Никто из них ни в каких военных действиях не участвовал. И тогда я назвал А. Артуковича хладнокровным безжалостным палачом, и в этом я глубоко убежден.

Дело осложнялось тем, что мы не пригласили в зал суда ни одного свидетеля. Видимо, это была моя большая ошибка. Впрочем, речь шла лишь о предварительном разбирательстве по вопросу о выдаче. Мы намеревались пригласить свидетелей непосредственно на суд. А защитники Артуковича не мешкали. Они вызвали

всех, кого только было возможно, из Европы, из Южной Америки. Не знаю, откуда они взяли столько денег. Но одно здесь совершенно ясно: чтобы добиться освобождения Артуковича, денег не жалели.

Факт остается фактом: свидетели со стороны Артуковича все как один были яркими усташами. Рене Херман заявил, что Артукович всегда был всего лишь хорошим чиновником. Сам же Херман был отъявленным усташом. А Томица Месич, тот самый Месич, который был одним из ведущих усташских журналистов, пытался убедить суд в том, что убийства на самом деле были совершены коммунистами. Преподобный Степан Лацкович, ставший после принесения усташской присяги военным капелланом, утверждал, что Артукович — «великий гражданин», который никогда не смог бы убить человека. Прибывший из Буэнос-Айреса преподобный Драгутин Камбер, в прошлом усташский полицейский чиновник, заявил, что за военные преступления никто в отдельности не может нести ответственности.

Дело было передано американскому судье Теодору Хоку, который, кстати сказать, никогда не занимался судебной практикой. Поэтому почти никого не удивило решение, вынесенное 15 января 1959 года, гласившее, что Андрије Артукович не может быть выдан. Хок объяснил, что нет достаточных доказательств того, что преступления, в которых обвинялся Артукович, не носят политического характера.

«Я надеюсь, что мне не придется дожить до того дня, когда кто-либо здесь в Калифорнии, и вообще в США, мог бы быть предан суду за преступления на основании таких доказательств, которые были представлены прокурором по данному делу», — сказал Теодор Хок.

Приведем еще одну интересную выдержку из воспоминаний Джорджа Даниэльсона, в то время адвоката, а впоследствии члена палаты представителей конгресса США:

— Мы с женой находились в одном из ресторанов в Лонг-Биче. Вдруг входит Артукович. Увидев меня, он подошел к нашему столику. «Вы хорошо выглядите, господин Даниэльсон», — сказал он. Я ничего не ответил ему. Есть уже я больше не мог. Я сказал жене, что нам надо уйти. Так меня эта встреча взволновала. Действительно, это казалось невероятным. Представьте — на-

цистский убийца свободно разгуливает в Калифорнии.

К тому чтобы максимально затянуть рассмотрение последовавшего обжалования, немало сил приложили и сотрудники федерального архива городка Белла — пригорода Лос-Анджелеса. Исчезло сто тридцать письменных свидетельств и показаний. Никто не знает, кто украл эти документы. Неизвестно также, когда и как это произошло. Все, что осталось в большой папке с надписью «Артукович», обозначается единственным словом — «отсутствует».

В УСТАШСКОМ ДВИЖЕНИИ. Андрие Артукович родился 29 ноября 1899 года в селе Клобук, недалеко от Любушко. Отца звали Мариян, а мать — Ружа. Он закончил юридический факультет в Загребе, где зарекомендовал себя горячим сторонником франковцев. Ко времени учебы А. Артуковича на юридическом факультете относится и его знакомство с Павеличем, который тогда был адвокатом.

В организацию усташей Артукович вступает менее чем через год после ее основания. Но вернемся к более позднему периоду.

В 1928 году после убийства в Скупщине Павла Радича и Джуры Басаричека, а также ранения со смертельным исходом Степана Радича¹, возмущение, всколыхнувшее югославскую общественность, переросло в хорватских буржуазных политических кругах в настроения радикализма и сепаратизма. Анте Павелич становится выразителем этих настроений в отношении Белграда и сербов вообще. Используя крестьянско-демократическую коалицию, Павелич проникает в круг депутатов хорватской крестьянской партии. Он без устали агитирует, выступает, делает заявления, проводит встречи и, наконец, организует крупные демонстрации в Загребе. Такая бурная деятельность не остается незамеченной. Главный комитет хорватской партии государственного права (франковцев) уполномочивает Павелича предпринять все возможное для создания «Независимого Государства Хорватии». Уже на другой день после получения таких полномочий был проведен съезд хорватской молодежной организации, находившейся под влиянием этой партии и под-

¹ Лидеры хорватской крестьянской партии.

готовавливавшей Павеличем к той роли, которую молодежь должна будет играть в новой политической обстановке. Первым его шагом стало создание нелегальных террористических молодежных групп.

Яростно нападая на тех, кто пытался найти в последние дни 1928 года пути преодоления возникшего кризиса с целью сохранения югославского государства, А. Павелич форсирует создание организации, выходящей за рамки хорватской партии государственного права и тем самым претендующей на роль общенародной. После смерти Степана Радича он пытается навязать себя в качестве единственного вождя хорватского народа, ради чего выступает за упразднение хорватских буржуазных партий. Одновременно он завершает работу над созданием нелегальной организации «Хорватский домобран», представлявшей собой, по существу, зародыш будущей организации усташей. Цели и методы борьбы, а также внутренняя структура «Хорватского домобрана» — все это впоследствии составило основу усташской организации. Уже тогда Павелич требовал от всех членов «Хорватского домобрана» «безоговорочного подчинения».

Понимая, что кризис достигает своего апогея, ближайшие сподвижники Павелича — Перчек и Елич — решают скрыться за границей. 7 января 1929 года Павелич объявил своим соратникам о преобразовании «Хорватского домобрана» в «Усташскую хорватскую революционную организацию». После этого, упаковав чемоданы, он уезжает 20 января за границу, откуда намеревается защищать интересы «хорватского народа». Он обосновывается в Вене, куда вскоре прибывают Эуген-Дидо Кватерник, Йосип Милкович, Эрик Лисак. В Австрии, а также и в Венгрии они вступают в контакт с так называемой первой волной хорватской эмиграции, которая оказывает им помощь и поддержку. Испытывая недовольство тем, как мало к тому времени ему удалось совершить, Павелич при помощи связей с этой эмиграцией делает, случайно или нет, точно рассчитанный шаг: вместе с Перчецем он отправляется в Болгарию, где, встретившись в Софии с руководителем так называемой «Внутренней македонской революционной организации» (ВМРО) Ванчо Михайловым, подписывает с ним соглашение о совместных действиях против Югославии.

С тех пор в лице членов организации Михайлова, погрязших в терроризме и крови македонских националистов, Павелич всегда будет иметь прекрасных помощников и инструкторов, что сыграет большую роль в деле создания ядра террористической организации усташей.

Ванчо Михайлов также помог Павеличу войти в доверие к лидерам Италии. Возвратясь из Софии, Павелич выехал в Мюнхен, где встретился с Эугенио Монреале, пресс-атташе итальянского представительства в Вене. Тот вручил ему фальшивый паспорт на имя Антонио Сердара и билет до Вероны. Вся последующая деятельность и рост усташской организации проходили при поддержке итальянской фашистской тайной полиции во главе с сенатором Артуро Сокини, который был непосредственным патроном Павелича с 1930 по 1941 год.

В июне 1929 года в Болонью прибывают члены ВМРО Иван Хаджов и Георгий Кондов. В соответствии с их указаниями Павелич организует пункты по приему эмигрантов из Югославии, направляет эмиссаров в другие страны с целью вербовки сторонников для пополнения рядов организации.

В то время Андрије Артукович жил в Госпиче, где у него была адвокатская контора. Павелич поручает своему единомышленнику заниматься созданием, укреплением и расширением организации усташей в Госпиче. Это ему удается, и вскоре под его руководством она становится самой сильной усташской организацией в стране.

ЯКОВ БЛАЖЕВИЧ, один из тех, кто помнит Артуковича того времени, пишет:

«Усташская организация появляется в 30-х годах, вначале в Госпиче. Она опирается на широкую политическую основу, возникшую вследствие появления фашизма в Европе и обусловленную грубым попранием национальных прав хорватов со стороны диктатуры 6 января¹ короля Александра. Усташская организация пользуется влиянием среди части сту-

¹ 6 января 1929 года в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (переименовано в Королевство Югославия 9 октября 1929 года) произошел государственный переворот, в результате которого в стране была установлена военно-монархическая диктатура.

денчества и учащихся школ хорватской национальности. В организационном, а также в политическом и идеологическом отношении она является непосредственным преемником «Хорватской младицы» — молодежной клерикально-фашистской организации, строившей свою деятельность на базе ячеек, использовавших конспиративные методы работы.

Госпич являлся центром, в котором были сосредоточены основные силы усташей, пользовавшихся политической и материальной поддержкой части торговой буржуазии и других влиятельных людей города. С прибытием в Госпич адвокатов Андрия Артуковича и Йозе Думанджича усташская организация и ее пропагандистские органы крепнут и набирают силу. Усташки начинают более откровенно и агрессивно нападать на местных руководителей и на политику хорватской крестьянской партии, прибегать к террору, острие которого главным образом направляется против коммунистов. Они открыто превозносят Гитлера и Муссолини, добиваясь их вмешательства с целью «освобождения Хорватии». В этом небольшом городе собралось много хорватских фашистов. Достаточно упомянуть Андрия Артуковича, Йозу Думанджича, Марка Дошена, Старчевича, Юрицу, Мату и Ивицу Фрковича...

Надо сказать, что приезд Андрия Артуковича в Госпич вызвал большой интерес в общественных кругах города. Артукович окончил духовную клерикально-фашистскую школу в Широком Бреге и как ее выпускник сразу же привлек к себе внимание. Он обладал необычайно живым темпераментом, имел неплохое образование, полученное у священников. Думанджич же был его антиподом: хороший юрист и адвокат, тихий, спокойный, он в тени Артуковича был незаметен.

Артукович, руководивший работой конторы, сразу же зарекомендовал себя в Госпиче не только как адвокат, но и как незаурядный политический и общественный деятель. Он очень быстро приспособился к жизни в этой среде, сумел вызвать к себе интерес и завоевать симпатии. Женился на старой деве, почти потерявшей надежду на замужество, дочери видного, но разорившегося коммерсанта Марка Дошена, депутата хорватского сабора, а во время существования «НГХ» — заместителя поглавника.

Адвокатская контора Артуковича завоевала обширную клиентуру во всей Лике. Он весьма успешно вел дела, на его счету по сравнению с другими было больше выигранных процессов. В его лице я впервые встретил человека, который так целеустремленно и ловко умел влиять на решения суда и подкупать как с помощью денег, так и лести нужных людей от служащих суда, разносящих судебные документы, нотариусов, архивариусов, руководителей подсобных служб до самих судей. Своим поведением он оказывал на них особое воздействие: ходил с ними в рестораны, где они вместе выпивали, оплачивал счета. Таким образом, он приобрел репутацию хорошего адвоката, преуспевающего делового человека.

Он не пренебрегал обществом студентов, любящих бывать в ресторанах, пивных, стремившихся туда, где можно весело провести время, посидеть по-товарищески, выпить вина, послушать цыганские песни, музыку в исполнении известных или малоизвестных исполнителей. Он не жалел денег, везде, где появлялся Артукович, было шумно и весело. Он готов был выложить для студенческой компании и 1000 динаров, на эти деньги можно было заказать 100 бутылок вина. Таким образом он привлекал внимание молодых парней и девушек, пользовался среди них популярностью. С другой стороны, он умел очень темпераментно вести светскую беседу, умел он и выступать с трибуны. Как оратор Артукович использовал любую возможность для того, чтобы, произнося импровизированные речи, вести пропаганду своих идей.

У меня и сейчас стоит перед глазами следующая картина: в гостинице «Европа» или «Лика» в Госпиче нанятые Артуковичем цыгане, надрываясь что есть мочи, исполняют «Марсельезу». Под звуки музыки Артукович завоевывал симпатии молодежи: он был человеком солидным, известным в молодежных кругах — в отличие от других представителей омертвевшего «истеблишмента» Госпича, каждый из которых твердо знал свое место и не мог себе позволить вести себя иначе. Он приводил в гостиницу «Лика» студентов, угощал их, пил вместе с ними. Став помощником адвоката, он хорошо усвоил, что значит иметь свободный доступ в гостиницу «Лика». Это означает, что ты попал в высший свет, в круг высокопоставленных граж-

дан, чиновников, коммерсантов — туда, куда не могли и не имели права входить крестьяне и другие представители низших слоев, в том числе молодежь. Еще и поэтому в глазах молодежи Артукович был человеком, способным сломать любые барьеры, благодаря ему у молодых людей усиливалось чувство собственной значимости. Этим Артукович, безусловно, им imponировал. Он использовал любую возможность для навязывания им своего политического кредо, для того, чтобы заставить молодежь поверить в иллюзию, что усташи принесут с собой нечто новое, решат национальный вопрос, обеспечат национальное равноправие, борьба за которое становилась более ожесточенной...

ВОССТАНИЕ. С учетом всего этого Павелич считал, что следует начать усташскую деятельность на территории Лики, именно в Госпиче. На встрече в Шпиталь-ам-Земеринге в Австрии, на которой присутствовали Павелич, Перчек и Серватци, в результате настойчивых требований итальянских руководителей было принято решение поднять восстание. Подготовку и руководство поручили Андрию Артуковичу и Марко Дошену. Кроме них, ядро усташской организации в Госпиче составляли такие наиболее влиятельные деятели, как бывший австро-венгерский офицер Юцо Рукавина, коммерсанты Никола Орешкович и Йосип Томленович, а также студент юридического факультета Йосип Япунджич — секретарь спортивного клуба «Виктория», в котором собиралась усташская молодежь.

Намеченный срок «восстания» быстро приближался: уже в начале 1932 года из-за рубежа были получены первые партии оружия — главным образом через Задар и в небольших количествах через Риекку. Больше всего винтовок и боеприпасов было доставлено 28 августа на итальянском судне. Из задарского порта груз был переброшен до Крусач Драге, а оттуда — на Велебит. Там оружие распределили между членами организации, с тем чтобы они вооружили им своих надежных сторонников.

Вместе с последней партией оружия и боеприпасов из Задара прибыло пятеро вооруженных, одетых в форму усташей. Месяцем ранее, в июле, эта группа была высажена на побережье и затем доставлена к подножию Велебита.

Их прятали у завербованного крестьянина Леопольда Шупера из села Луково-Шугарье.

В ночь с 6 на 7 сентября 1932 года было совершено нападение на жандармский участок в селе Брушани. Шел сильный дождь, и распознать нападавших было трудно. Среди диверсантов, помимо десяти усташей, одетых в форму, было много членов усташской организации из Госпича.

Перед нападением планировалось вывести из строя телеграфную и телефонную связь села Брушано с Госпичем и Карлобагом. Это сделали Йосип Шупер и Павле Барич. Условным знаком был взрыв мины, подложенной Ерко Сударом под двери здания, в котором размещался жандармский участок. Вскоре в буршанской котловине раздался взрыв, и налетчики открыли стрельбу через двери и окна.

В то время на участке находилось всего два жандарма — Милован Радошевич и Илия Петрович, капрал. Разбуженные взрывом, они тотчас же схватили винтовки и открыли ответный огонь через проем двери.

Нападение потерпело неудачу, можно сказать, еще не начавшись. Усташаи не добились ни одной из поставленных целей. Кроме, естественно, того, что это нападение получило широкую огласку.

В это время Артукович находился далеко. С присущей ему осторожностью он за несколько дней до этого скрылся, отбыв в Задар.

После всего, что случилось в селе Брушани в результате организованного Артуковичем нападения на жандармский участок, очень скоро последовали жесткие репрессии со стороны абсолютистского югославского правительства. В район Лики были направлены усиленные жандармские и воинские подразделения, которые безжалостно «очищали местность от усташей». Уже через неделю после диверсии произошла стычка между преследователями и скрывавшимися в горах Велебита усташами.

Это случилось 14 сентября 1932 года. Один из многочисленных жандармских патрулей натолкнулся на группу из восьми человек, не успевших перебраться через границу в Италию, где скрылась часть диверсантов. Столкновение произошло на территории Ядовно. Один из усташей, Степан Девчич, был при этом убит.

Эти события, взбудоражившие осенью 1932 года Лику, длились неполную неделю. Но, несмотря на это, они вызвали широкий интерес за рубежом, особенно в политических кругах, что наглядно проявилось в комментариях зарубежной печати, где инцидент в Лике чаще всего изображался в явно преувеличенном виде: тон задавали по вполне понятным причинам итальянские и венгерские газеты.

«Начало гражданской войны в Югославии», «Усташа перешли от политической борьбы к вооруженной» — гласили заголовки газет.

Итальянские газеты тех дней утверждали даже, что в «Лике и Далмации началась революция», «восставшие окружили и обстреливают один из жандармских участков».

А самая крупная в те годы итальянская газета «Джорнале д'Италия» опубликовала даже наскоро состряпанный комментарий о взрыве на железнодорожном вокзале в Осиеке, представив его как начало целой серии террористических актов. Исходя из этих публикаций, а также фактических данных, свидетельствовавших о том, что эмигрировавшие террористы под руководством венгерских офицеров обучаются на югославской границе обращению со взрывчаткой, а также, что в Риеке и Задаре у них имеются склады оружия, югославская пресса предупреждала о подготовке террористических актов с территории Венгрии и Италии.

А как Павелич и д-р Артукович представили финансировавшим их организациям так называемое «восстание» в Лике? Об этом можно судить на основании статьи, помещенной в одном из номеров газеты «Усташ» в декабре 1932 года. В ней, в частности, говорилось: «Во время нападения на жандармский участок в Брушани усташа проявили недюжинную храбрость, ловкость и хладнокровие. Этот геройский поступок, самоотверженность усташей при осуществлении акции в Лике, прежде всего храбрость, проявленная в открытой борьбе, заслуживают особого признания. Учитывая это, усташская главная ставка в соответствии с распоряжением — поглавника издала приказ о награждении, согласно которому серебряной медалью за храбрость награждаются таборники Иван Девчич, Анте Пейкович, Яков Рукавина, Петар Шар-

лия и Рафаэл Бобан, а также усташи Миле Барешич, Б. В. Нинский, Юре Девчич и, наконец, Матильда Девчич за храбрость своего сына, Степана Девчича, погибшего в схватке в Ядовно».

В этом же номере газеты «Усташ» были помещены фотографии всех награжденных за храбрость, которые, как известно, не проявили особой отваги ни во время нападения, ни после.

Это подтвердилось и на суде летом 1933 года, который проходил в течение почти двух недель — с конца июня до 10 июля. Адвокаты, защищавшие обвиняемых усташей, утверждали, что «события на горном массиве Велебит — следствие недоразумения, связанного с действиями небольшой группы, занимавшейся контрабандой оружия». Вполне логично, что суд отверг эту линию защиты, что подтверждается и вынесенными приговорами: «Юрай Рукавина ... приговорен к смертной казни, а Ерко Судар — к пожизненной каторге. Все остальные участники акции, кроме двоих, осуждены к пожизненному заключению».

После поданного прошения смертная казнь Юраю Рукавине была заменена пожизненным заключением.

ИТАЛИЯ. Из Задара, где Андрије Артукович чувствовал себя в безопасности, он переезжает в Риеку. Там он встречается с Анте Павеличем, и они отправляются в Венецию, где тот «уговаривает» его возглавить немногочисленные в то время отряды усташей в Италии. Артукович становится комендантом усташского лагеря Борегано около Брешии. Он принимает псевдоним Хаджия. Террористические акции против Югославии в то время осуществлялись с территории Венгрии, из лагеря в Янка-Пусте. Вылазки совершали прежде всего подравская и загорская группы усташей.

После серии террористических акций в Загребе предпринимается попытка организации покушения на короля Александра. Однако первая попытка не удалась, так как усташ Орѐб, испугавшись, не решился бросить гранату, которая находилась у него в кармане. Это было 11 декабря 1933 года. Уже 17 декабря была предпринята вторая попытка — на этот раз перед загребским кафедральным собором, но она тоже не удалась — кто-то предупредил полицию.

Это свидетельствовало о том, что в усташской организации не все ладно. В лагерях в Венгрии и Италии проводится чистка, которая не обходится без кровопролития. Одним из чинивших суд и расправу был Артукович. Согласно некоторым данным, было убито 34 усташа. Считалось, что это укрепит дисциплину.

Когда стало известно о визите короля Александра во Францию, представитель итальянской разведывательной службы Сторе Конти пригласил в Рим на встречу Анте Павелича, Эугена-Дидо Кватерника, Ванчо Михайлова, руководителя ВМРО, и майора Тимова. Конти в то время был специальным представителем при главной ставке усташей, в состав которой входили: Перчец, Бзик, Година, Херенчич, Будак — одновременно и представитель усташей в Берлине, Перчевич, Перич и, конечно, Андрије Артукович.

В результате покушения король Александр в Марселе был убит. Но на этом мы не будем специально останавливаться, так как в организации этой акции Артукович не принимал почти никакого участия. Вскоре Италия, убедившись в том, что в Югославии, по существу, ничего не изменилось, принимает под давлением Лиги наций решение о запрещении деятельности усташской организации на своей территории, разоружении усташей, ликвидации их лагерей, частичном расселении членов усташской организации и выселении их на Липар.

Артукович же, всегда умевший избегать крупных неприятностей, был уже в Вене, откуда направлял статьи в защиту усташского дела в венгерскую газету «Аз Ест». Из Вены он бежит в Англию, в Лондон, где остается до 20 октября 1934 года, когда его изгоняют во Францию. В Дьеппе он был задержан с фальшивым паспортом на имя Андраша Артуковича, венгерского гражданина. Следующие три месяца он проводит в парижской тюрьме Ла Сант. А затем французские власти выдали А. Артуковича югославским властям, потребовавшим его выдачи с тем, чтобы он предстал перед судом в Белграде. Восемнадцать месяцев провел А. Артукович в тюрьме, но состоявшийся суд признал его полностью невиновным. 16 апреля 1936 года он был освобожден из заключения. Из Белграда А. Артукович отправился в Госпич, но там долго не

задержался. Уже в мае он вновь покидает страну, сначала едет в Венгрию, посещает лагерь в Янка-Пусте, а затем какое-то время живет в Штеттине. Наконец, в Берлине он присоединяется к усташской организации, в которую входили: Младен Лоркович, Бранко Елич и Стиепо Перич. Они налаживают довольно успешную деятельность, устанавливают, в частности, контакты с гестапо. В архивах гестапо сохранились документы о допросах Артуковича и Лорковича. Когда югославские власти, поддерживавшие хорошие отношения с Германией, заинтересовались этой усташской группой, ее участники, по-видимому, будучи вовремя предупрежденными, скрылись.

В 1938 году Артукович некоторое время жил во Франции, после чего возвратился в Германию, где поступил на службу в гестапо.

Было бы наивно полагать, что Андрије Артукович просто разъезжал по Европе, разделяя участь политэмигрантов. Вся его деятельность была подчинена укреплению усташской организации и созданию «Независимого Государства Хорватии», зарождение которого, в условиях прихода к власти фашистов и начала второй мировой войны, уже можно было предвидеть.

ДУХОВЕНСТВО. Картина положения дел в Хорватии была бы неполной без учета роли католической церкви, предательской деятельности большей части духовенства во главе с архиепископом Степинацем и епископом Иваном Шаричем. Эта деятельность была лишь проявлением неизменной политики Ватикана и католической церкви в Хорватии, которая в период второй мировой войны взяла под защиту отщепенцев, предателей народа, интересы которого она якобы таким образом защищала. Духовенство прилагало максимум усилий для того, чтобы ввергнуть народ в пучину мракобесия и слепой ненависти, были организованы беспрецедентные гонения на все не хорватское, на все гуманное, прогрессивное и революционное, что есть у хорватского народа.

Об этом необходимо сказать для того, чтобы понять последующие события, а также такое явление, каким было усташское движение, приведшее в конце концов с помощью фашистских Германии и Италии к образованию «Независимого Государства Хорватии».

Когда же началось сотрудничество католической церкви и усташского движения, действительно ли оно датируется с момента провозглашения «НГХ»? Ответ на этот вопрос можно обнаружить прежде всего в усташской и католической печати. В ней неоднократно помещались материалы, свидетельствующие о том, что это сотрудничество началось с первого дня возникновения усташского движения. В одном из первых номеров газеты «Усташ», выходившей в Загребе в 1941 году после установления усташской власти и провозглашения «НГХ», был напечатан материал о первой ячейке усташской организации. Текст иллюстрировался двумя фотографиями, на одной из которых — крыльцо дома № 4 на Каптоле, штаб-квартиры первых усташей, а на второй — Мирко Хранилович, Мишко Бабиц, Звонимир Поспишил и Матия Солдина, которые вместе со Стипо Явором входили в состав этой усташской организации.

В газете «Усташ» от 28 июня 1942 года № 26 был помещен в связи с годовщиной смерти Мишко Бабица фотоснимок входа в катакомбы на Каптоле, который сопровождался следующим текстом: «Наиболее боевой период деятельности революционеров начался тогда, когда центр заговорщической активности переместился на Каптол».

В рождественском номере «Независимого Государства Хорватии» за 1941 год, органа хорватской усташской организации, была опубликована статья «Роль духовенства в обновлении НГХ». В ней говорилось следующее:

«Среди тех, кто сразу же воспринял идеи усташского движения и вступил в ряды усташей для защиты чести Хорватии и борьбы за осуществление права Хорватии на государственность, были в основном представители охваченного энтузиазмом молодого поколения, тех, кому сейчас от 25 до 45 лет.

...Молодые священники верой и правдой служили делу и сознательно выполняли свой долг перед народом. Францисканские гимназии в Сине, Широком Бреге и Високом, богословские училища в Макарске, Мостаре и Сплите, а также теологический факультет в Загребе были настоящими очагами национального сознания, гнездами, из которых ежегодно вылетали стаи не только церковнослужителей — паха-

рей на ниве божьей, но и народных борцов, воспитателей национального и усташского самосознания».

Это подтверждает и тот факт, что Виктор Гутич, один из известных представителей усташского режима, выпустивший первое воззвание, призывавшее к физическому истреблению сербов, еще летом и осенью 1940 года объехал Босанску-Крайну, где привел к присяге командующих всех усташских территориальных подразделений (стожерников, таборников, ройников) и рядовых усташей. Тогда же он посетил все монастыри и церковные приходы и привел к присяге на верность поглавнику и «НГХ» монахов и приходских священников.

Петар Беркович, приходский священник в Дрнише, приводит в одной из докладных записок следующие данные:

«В течение 14 лет службы приходским священником в Дрнише моя квартира при церкви была в полном смысле усташским опорным пунктом. Она представляла собой сборный пункт не только усташей этого района, но и всех, кто приезжал из других частей Хорватии с целью организации усташского движения. Сюда привозили и отсюда распространяли усташские листовки. До переворота и восстания я был руководителем хорватской усташской организации в Дрнише.

Эту же задачу выполняли и монахи Сидоний Шолс, Гвардиан Частимир Херман, Радослав Главаш, Дионисие Юручев, Крстич, Владо Попов, Анте Цветанович, приходские священники Цецелья, Бебин, Роглич, Драгутин Камбер, дон Илия Томас, Эуген Белухан...»

Таким образом, католические священники, зная о политических целях и методах борьбы Анте Павелича, стали соучастниками, а зачастую и инициаторами преступлений усташей.

И это не случайно, так как с самого своего возникновения усташское движение имело в лице реакционной части католического духовенства верного союзника и активного помощника. Деятельность усташей после провозглашения «НГХ» определялась политикой католического епископата и позицией Ватикана по отношению к Югославии с момента ее создания. Католическая церковь, за исключением незначительного числа священников, присоединившихся к народно-

освободительной борьбе или занявших нейтральные позиции, перешла на службу к оккупантам и усташскому правительству.

С первого дня существования «НГХ» все епископы во главе с Алойзием Степинацем и Иваном Шаричем (кроме старого мостарского епископа Алойзия Мишича, решительно выступившего против усташского террора и направившего два письма протеста Степинацу, на которые тот не соизволил ответить) встали на сторону усташского режима.

Казалось, что близок наконец к претворению в жизнь догмат римско-католической церкви: «вне римской церкви нет спасения». В духе этого принципа и была разработана целая программа мероприятий, включавшая в себя как теоретические, так и практические вопросы, связанные с перекрещиванием.

В бытность папы Пия XI Югославия представляла собой страну, в которой можно было вести только миссионерскую работу. К ней и готовили священников, которые в своей деятельности проявили себя как усташа. Среди них, безусловно, следует выделить Степинаца, Драгановича, Сакача, Камбера, Лацковича и Берковича. Последовательно проводя свою линию, папа Пий XI возвел в сан епископов и архиепископов многих священников — ярых врагов Югославии. Он не мог забыть провала идеи с заключением конкордата. При вручении кардинальских отличий папскому нунцию в Югославии Пелегринетти он сказал:

«Наступит день — мне бы не хотелось это говорить, но я глубоко уверен в этом — наступит день, когда многие пожалеют, что не приняли с открытым сердцем и душой такое величайшее благо, как то, которое посланник Иисуса Христа предлагал их стране...»

Это было в декабре 1937 года, и, как известно, не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в том, что Ватикан за 10 лет подготовил сотни служителей, готовых осуществить на деле слова папы.

Его преемник папа Пий XII, избранный весной 1939 года, также придерживался этой линии. Еще будучи государственным секретарем Ватикана, тогдашний кардинал Пачелли подстрекал духовенство к активной борьбе против схизматиков¹. Считавшийся среди чле-

¹ Схизматиками (от греческого «схизма» — раскол) католическая церковь называла последователей православия.

нов папской курии экспертом по вопросам южных славян, Пачелли помнил о неподписанном югославском конкордате, воспринимая это как свою личную неудачу.

Первым прелатом, отправившимся в Рим с визитом к папе Пию XII, был Иван Шарич, в то время уже известный усташ. Тогда же в церкви св. Петра Шарич встретился с Павеличем. Это событие было воспето в «Оде Поглавнику», опубликованной в рождественском номере «Хорватского народа» за 1941 год.

В своем стремлении вернуть в лоно «старой веры отцов» тех, кто на территории, где говорят на хорватском языке, отошел от этой веры и перешел в православие, клерикалы-усташы, опьяненные открывшейся в новой политической обстановке возможностью создания «НГХ» и организации крестового похода, провели в 1939 году в Загребском университете конференцию, на которой присутствовали архиепископы Степинац и Б. Шарич, рейс-уль-улем Фехиму Спахи, Миле Будак, будущий министр в правительстве Павелича, Юрай Шутей, представители иностранных консульств Германии, Франции, Англии, Италии, Венгрии и организаций усташей «Напредак», руководство которых находилось в руках клерикалов. В работе конференции принимал участие и упоминавшийся ранее Крунослав Драганович.

Эта конференция выработала платформу для предстоящей деятельности клерикалов-усташей. Она также наглядно продемонстрировала организованность движения, что безусловно должны были принять во внимание те страны, представители которых присутствовали на конференции. Можно сделать вывод, что в этот период развитие и укрепление усташского движения происходит главным образом в самой стране, а не за рубежом, поскольку использовавшиеся Павеличем, Артуковичем и другими руководителями усташского движения для связи и координации действий каналы были в основном перерезаны.

На этой конференции прозвучал излюбленный тезис Драгановича, которого можно считать одним из идеологов усташского движения, о перекрещивании сербов. Участники конференции пришли к выводу, что католическая церковь всегда уступала свои позиции на Балканах. По их мнению, с таким положе-

нием следовало покончить. Переход католиков в православие они считали исторической драмой проживающего на границе между востоком и западом хорватского народа, которой современная хорватская историческая наука длительное время не занималась вообще, а хорватская общественность без должного внимания относилась к этому «открытию» Драгановича.

Поскольку в этой книге в числе преступников, бежавших за границу после второй мировой войны, упоминается и Крунослав Драганович, нелишне будет сказать несколько слов о его личности.

Замеченный архиепископом усташом Иваном Шаричем, Драганович по его рекомендации в 1932 году едет в Рим, где в качестве воспитанника церкви св. Иеронима поступает в Восточный институт, который заканчивает через три года, получив степень доктора.

После этого он возвращается в Югославию, где с помощью Пачелли очень быстро делает карьеру. Вместе с тем Драганович работал над конкордатом. Вскоре он становится секретарем, а затем начальником канцелярии Верхнебоснийского архиепископата. На основании написанных им в то время статей можно предположить, что его прочили наследником монсиньора Шимрака по вопросам православной церкви. Поэтому он был избран доцентом теологического факультета в Загребе на кафедре истории религии и вспомогательных наук. Так в начале марта 1941 года Драганович оказался в Загребе.

Драганович, как и его покровитель Шарич, уже давно был связан с усташами, о чем свидетельствует его быстрое продвижение по службе после провозглашения «НГХ». Он был назначен представителем «НГХ» в Македонии и Болгарии. Следующая ступень — звание профессора теологического факультета, присвоенное ему усташским министром Пуком. В качестве специалиста его включают в рабочую группу, занимающуюся вопросами перевода православных в католическую веру.

Вручая в связи с 3-й годовщиной «НГХ» награды представителям хорватского католического духовенства, в числе которых был и Драганович, А. Павелич следующим образом охарактеризовал его заслуги:

«Д-р Драганович Крунослав награждается за без-

упречную работу в области истории, по защите прав хорватов в Южной Хорватии, а также за многогранное участие в деятельности усташской организации...»

После краха «НГХ» Крунослав Драганович бежал из Югославии. Он нашел убежище в церкви св. Иеронима в Риме, где занимался антиюгославской деятельностью: создавал в 50-е годы усташские группы для засылки в Югославию, отвечал за так называемую крысиную линию, о которой говорилось выше.

В 1963 году Крунослав Драганович беспрепятственно вернулся в Югославию и жил там до конца жизни. В 1982 году он умер в Сараеве во францисканском монастыре.

Однако вернемся ко времени провозглашения «НГХ». Это событие было с восторгом воспринято представителями католического духовенства. Наконец-то пришло время, когда, перейдя на службу к усташам, добиваясь осуществления их целей, можно было претворить в жизнь мечты, которые до сих пор носили чисто теоретический характер.

С нескрываемой радостью приветствовали усташскую власть в Хорватии епископы Акшамович и Бурич, каноник Маркович, приходский священник Нук, Крунослав Драганович и многие другие церковники.

Епископ Бурич, в частности, признает:

«Мы были свидетелями великих событий в нашем дорогом отечестве Хорватии. Божьему проведению было угодно, чтобы осуществилось то, о чем долгие века мечтали, к чему стремились, ради чего боролись многие поколения нашего народа; стало явью то, что представляло собой высочайший государственный идеал патриотов-священников и верующих прихожан с давних времен и до наших дней».

А епископ Акшамович восклицает:

«... 10 апреля сего года все территории, заселенные в исторических границах хорватами, провозглашены полномочным представителем Поглавника и вождя хорватского народа д-ра Анте Павелича единым свободным и самостоятельным Независимым Государством Хорватией. В этот великий исторический момент, когда счастливый хорватский народ восторженно празднует свою свободу, наши святые колокола на всех церквях возвещают о наступлении великого праздника — радостного Воскресения!»

Крунослав Драганович, черпая вдохновение в «исторических источниках», приветствовал приход к власти усташей в «Кроация Сакра»:

«Чудесным решением провидения божьего воскресло спустя более чем восемь веков Хорватское Государство, свободное и независимое. Это произошло именно в тот год, когда хорваты-католики праздновали великий юбилей — 1300-летие установления связей со Святым престолом — связей, которые привели хорватский народ через святое крещение в лоно католической церкви и вместе с тем в сообщество цивилизованных европейских народов».

Нельзя не привести здесь и слова предателя, архиепископа Алоизия Степинаца:

«Зная мужей, в руках которых находится сегодня судьба хорватского народа, мы глубоко уверены, что наша деятельность встретит его полную поддержку и понимание. Мы верим и надеемся, что церковь в воскресшем государстве Хорватии сможет в условиях полной свободы проповедовать непреходящие принципы вечной истины и справедливости...»

Проявленному воодушевлению соответствовало и дальнейшее укрепление сотрудничества духовенства с усташами, нуждавшимся в поддержке церкви и пропаганде, сближающей их с народом, который, по существу, так никогда и не принял их. Со своей стороны, церковь нуждалась в сильной власти.

Вскоре в законодательстве «Независимого Государства Хорватии» появились законы о перекрещивании православных, о чистоте расы и другие, приведшие к такому ужасающему кровопролитию, которое даже трудно себе представить.

Сараевский архиепископ Иван Шарич, близкий друг и соратник Артуковича в период зарождения усташской деятельности в Госпиче, в выражении восторгов несколько не отставал от своих коллег. Он следующим образом выразил свои чувства в приветствии Кватернику: «Хвала Господу! Хвала и вам, героям и борцам, сделавшим все, чтобы добиться свободы НГХ!»

Большая часть низшего духовенства также встала на сторону усташского правительства. Некоторые из них были членами усташской организации еще до войны. Из тех церковников, кто в рядах усташей отличался особой жестокостью, кровожадностью, упомянем сле-

дующих: монахи Мирослав Филипович-Майсторович, Петар Беркович, Йосип Асталаш, Дионисий Юричевич, Илия Томас, Божидар Брале, священник Антун Джурич...

Более 500 католических священников, чьи руки были обогрены кровью, бежали из Югославии в канун краха «НГХ». В 1941 году значительная часть католического духовенства выступала в качестве вдохновителя осуществляемого уставами террора.

«За выдающиеся заслуги в усташской деятельности» Павелич наградил 120 священников, в том числе епископов: Квирина Бонефачича, Павла Бутораца, Петара Чуле, Йозе Гарича, Миле Йеролима, Михо Пушича, Йосипа Сребрнича, Янко Шимрака, Антуна Акшановича, Виктора Бурича и Ивана Шарича.

Католическая церковь и в последующие годы не изменила ничего в своей политике. Главными лозунгами пропаганды усташских идеологов, большинство которых принадлежало к духовенству, были усташество и католицизм. Политику духовенства все больше определяли призывы, подчеркивающие необходимость борьбы против коммунизма. Один из усташских идеологов, священник Иван Губерина, писал:

«Независимое Государство Хорватия — единственное на Балканах государство с католическим большинством, единственные врата католицизма на Балканах. И не только это. Независимое Государство Хорватия — сегодня самый мощный бастион средней Европы в борьбе против большевизма. Хорватский католицизм во многом должен быть благодарен усташскому движению. Тем более, что это движение (движение, а не отдельные лица!) в своих действиях и в своих принципах ни в чем не погрешило против принципов католицизма. Его революционная деятельность находится в полной гармонии с католической моралью».

«НЕЗАВИСИМОЕ ГОСУДАРСТВО ХОРВАТИЯ»
Всего через четыре дня после нападения 6 апреля 1941 года Гитлера на Югославию по заранее утвержденному плану в соответствии с режиссерским замыслом немцев и итальянцев было создано «Независимое Государство Хорватия». А именно — 10 апреля. Славко Кватерник в сопровождении немецких офицеров едет на радиостанцию, расположенную на улице Влашка,

и зачитывает заранее согласованный текст заявления, возвестившего, что «в Хорватию пришла свобода, хорватский народ переживает самый замечательный, самый важный день за всю историю своего существования». Вот что говорилось в этом заявлении:

«Хорватский народ!

Божье провидение и воля нашего союзника, трудная многовековая борьба хорватского народа, а также самоотверженная деятельность нашего поглавника д-ра Анте Павелича и усташского движения в нашей стране и за рубежом привели к тому, что сегодня, накануне дня воскресения Сына Божьего, воскресло и наше Независимое Хорватское Государство.

Я призываю всех хорватов, где бы они ни находились, и прежде всего всех офицеров, унтер-офицеров и солдат всех родов войск, а также общественной безопасности соблюдать порядок и незамедлительно сообщить командованию вооруженных сил в Загребе место своего пребывания с тем, чтобы весь личный состав вооруженных сил без промедления принес присягу на верность Независимому Государству Хорватии и его поглавнику.

Всю власть, в том числе командование вооруженными силами, я принимаю сегодня на себя в качестве полномочного представителя поглавника».

А. Павелич в это время был во Флоренции, где ему шили новую усташскую форму.

Пока А. Павелич находится в Италии, где вокруг него собралось в конечном счете 260 его верных сторонников, Андрие Артукович, покинув роскошный отель «Кайзерхоф» в Берлине, где его принимали как гостя германского правительства, прибывает в Загреб в качестве уже облеченного властью и пользующегося соответствующими привилегиями лица. При обнародовании состава первого «хорватского государственного руководства» А. Артукович был назван одним из его членов. Председателем стал Миле Будак, заместителем председателя — Пук, членами — Бранко Бензон, Йозо Думанджич, Младен Лоркович, Исмет Муфтич, Марко Вершич, Юре Вранешич, Милован Жанич и, как уже сказано, Андрие Артукович.

Это «государственное руководство» просуществовало неполную неделю, так как А. Павелич по прибытии в Загреб сформировал 16 апреля 1941 года «первое хорватское государственное правительство».

Провозгласив себя поглавником и председателем правительства, а также взяв в свои руки внешнеполитические дела, он назначил Османа Куленовича заместителем председателя правительства, Славко Кватерника — командующим армией и министром хорватского домобранства, а также своим заместителем на случай, если он сам не сможет выполнять свои обязанности, Мирко Пука — министром юстиции, Андрия Артуковича — министром внутренних дел...

Таким образом, все было расставлено по своим местам, и можно было приниматься за дело, ради которого все они собрались в Загребе. Надо было оправдать надежды тех, кто привел их к власти, прежде всего отплатить верной службой.

Одним из наиболее ретивых был Андрие Артукович, сразу же приступивший к созданию единых полицейских сил «НГХ». Указом от 17 мая 1941 года А. Артукович учреждает управление общественного порядка и безопасности. Ему был подчинен Эуген Кватерник (Дидо), который начал создавать в соответствии с его инструкциями усташскую службу надзора — политическую полицию усташского режима. Эта служба просуществовала с 1941 по 1943 год, когда она была упразднена, а ее сотрудники переведены в управление общественного порядка и безопасности. Усташская служба надзора была одной из главных опор усташского государства. В каждой деревне, за исключением тех, в которых проживало сербское население, усташская организация создавала свой рой, а в каждой общине — табор во главе с усташским штабом или начальником табора, в каждом районе — логор во главе с начальником логора, и в области — стожер во главе с усташским штабом или стожерником. Такая структура служила массовой базой для деятельности усташской политической полиции.

Андрие Артукович поручил руководство управлением общественного порядка и безопасности Эугену Кватернику, имевшему ранг государственного секретаря. Вслед за учреждением этого полицейского органа и формированием первого усташского полицейского аппарата в его рамках была создана политическая полиция под названием усташская служба надзора. Ее первым руководителем был военный преступник Владо Сингер.

Усташская служба надзора организационно состояла из следующих секторов: сектор I-b, о характере деятельности которого нет данных; сектор II-a — служба безопасности поглавника; сектор II-b, ведавший борьбой с партизанами; сектор II-c, занимавшийся надзором за концлагерями.

Все руководители усташской службы надзора были агентами германских служб безопасности и так же, как и их шеф Андрије Артукович, придерживались прогерманской, жесткой усташской линии.

Во главе всего полицейского аппарата безопасности в течение двух лет стоял Кватерник, сын командующего Славко Кватерника, человек, о котором говорили, что он убил собственную мать, по национальности еврейку, мешавшую его политической карьере.

В конце 1942 года, после ссоры Кватерника с Павеличем, Артукович сместил его с поста начальника полиции.

Ядро усташской службы надзора составляли усташаи, вернувшиеся из-за границы, ближайшие соратники Павелича и Артуковича в эмиграции.

С первого дня своего существования правительство усташей встало на путь преступлений. Поскольку все члены этого импортированного правительства считали себя представителями интеллигенции, они старались придать своей политике разжигания ненависти и террора хотя бы видимость законности. С этой целью придумывались и проводились в жизнь различные законы, аналогию которым трудно найти в истории.

Одно перечисление, анализ всех законов и распоряжений вряд ли в полной мере раскроет сущность деятельности усташей. Видимо, более правильно попытаться сделать это через показ деятельности правительства усташей, рассказать о чудовищном разгуле террора, принявшего форму геноцида. При этом следует подчеркнуть, что усташское правительство при проведении своей политики не считалось ни с какими международными конвенциями и обязательствами, как не считалось оно и с элементарными правами человека, такими, как право на жизнь, право на человеческое достоинство.

Под расистскими лозунгами, призывавшими к «сохранению чистоты хорватской нации» и созданию «жизненного пространства для хорватов», началось истребление, массовые убийства сербов, евреев и цыган по

всей территории так называемого «Независимого Государства Хорватии», а также в специально созданных для этого концентрационных лагерях. Террор распространялся и на хорватов, а также на мусульман, выражавших несогласие с политикой правительства усташей. Можно с уверенностью утверждать, что это было насилие незначительного меньшинства над духовными ценностями, устремлениями и жизненными принципами огромного большинства населения Хорватии, Боснии и Герцеговины.

Андрию Артуковичу принадлежало в этой деятельности видное место. Это подтверждается множеством свидетельств, так как он подписывал большую часть законов, иногда его подпись стояла даже впереди подписи Анте Павелича. Среди документов имеются его распоряжения о совершении того или иного преступления, о чем наглядно свидетельствует обвинительный акт 1951 года, представленный общественным обвинителем Мате Заниновичем.

КАК ЛЕГАЛИЗОВАТЬ УБИЙСТВО?

ОБВИНЯЮ:

Андрия Артуковича, родившегося 29 ноября 1899 года в селе Клобук района Любушко, ныне Народная Республика Босния и Герцеговина, отец Мариян, мать Ружа, урожденная Росич, по национальности хорвата, гражданина Федеративной Народной Республики Югославии, проживавшего в Загребе с 15 апреля 1941 года до мая 1945 года, в настоящее время находящегося в Соединенных Штатах Америки, в том, что он в 1941 и 1942 годах, когда Югославия была оккупирована немецкими и итальянскими войсками, отдавал членам усташской банды, одним из руководителей которой он являлся, приказы, мотивировавшиеся преступными соображениями, ненавистью, властолюбием, о массовом уничтожении ни в чем не повинного гражданского населения, прежде всего женщин и детей, Хорватии, Боснии и Герцеговины, приказы, которые выполнялись полностью и до конца.

Таким образом, А. Артукович сознательно и преднамеренно посылал на смерть тысячи людей, в том числе женщин и детей, сербов, хорватов, евреев, цыган и других югославских граждан, которые зачастую подвергались жестоким мучениям, лишались имущества. Обвиняемый Артукович является виновным в следующих преступлениях, о совершении которых он отдавал приказы:

В мае 1941 года им был отдан приказ об аресте и заключении в концентрационный лагерь в Керестинце с целью убийства Петара Зимонича, епископа православной церкви в Дабро-Босанском. Этот приказ был приведен в исполнение. Обвиняемый действительно

приказал арестовать епископа Зимонича 12 мая 1941 года в Сараеве, поместить его в концентрационный лагерь в Керестинеце, где он летом того же года после жестоких издевательств был убит. Точная дата смерти не установлена.

В июне 1941 года А. Артукович отдал приказ своему верному приспешнику Мийо Бабичу (одному из двух участников покушения на Тони Слегла в 1928 году в Загребе) об уничтожении граждан сербской национальности в Герцеговине. Бабич выполнял приказ вместе с группой своих людей, среди которых особой жестокостью выделялся Крешо Тоногал. Затем обвиняемый отдал приказ, в результате выполнения которого погибли тысячи граждан, особенно много в населенных пунктах Гацко и Столац и их окрестностях.

Выполняя вышеупомянутый приказ обвиняемого Артуковича, Мийо Бабич со своими людьми 27 и 28 июня 1941 года арестовал большое количество мирных жителей населенного пункта Столац, а также крестьян близлежащих деревень — Ошаничи и Попрати, после чего они были отвезены в Видово Поле и расстреляны возле Црквине.

Выполняя приказ обвиняемого Артуковича, Крешо Тоногал с сопровождавшей его группой в июне 1941 года истребили более 20 мирных жителей Гацко.

В тот же день группа во главе с Крешо Тоногалом, выполняя приказ обвиняемого Артуковича, расстреляла у оврага, носящего название Голубняча, около 170 жителей села Корито.

Выполняя приказ обвиняемого Артуковича, Крешо Тоногал и его группа 22 июня 1941 года уничтожили три семьи из села Пула в районе Гацко. В местечке Маотин они убили Пильо Коляновича, трех его сыновей, дочь Милицу, ее двухмесячную дочь и еще семерых членов семьи. В овраге Чавчине они убили семью Спиро Коляновича: его жену Цвиету, девятилетнюю мать Ружицу, сыновей — десятилетнего Марко и трехлетнего Бошко, и двух их сестер. Они убили также Панту Рундовича, Божу Чаковича, Ристу Джурича и других мирных граждан...»

Преступления, отмеченные в следующих пунктах обвинения, носят чрезвычайно жестокий характер, а число жертв очень велико.

«... В июне 1941 года он приказал Кочевару Иво, своему уполномоченному в районе Хум, уничтожить всех жителей сербской национальности в этом районе. Кроме этого, 22 июня 1941 года Кочевар со своей группой расстрелял в овраге возле населенного пункта Клужань, в районе Мостара, около 30 человек.

В конце июня группой Кочевара в овраге под названием Паузовача были убиты пятеро православных монахов из монастыря Житомишлич.

... Эта же группа по приказу Артуковича уничтожила в овраге между Черно и Меджугорьем 150 человек.

... В июле 1941 года Артукович приказал Вего Фране уничтожить жителей сербской национальности в районе Мостар — Меткович, что тот и сделал.

... В июле 1941 года Артукович отдал приказ Ивану Керенчичу начать ликвидацию граждан Мостара. Выполняя приказ Артуковича, Керенчич всего в течение двух дней — 19 и 20 июля — арестовал 100 человек. Сначала он подверг их жестоким мучениям, а затем отправил в Госпич, где они должны были быть убиты. Их уничтожили следующим образом: первую группу, 50 человек, связали веревкой, после этого их поставили на краю обрыва горы Велебит, одного застрелили, он полетел вниз и потащил за собой остальных... Оставшихся убили таким же образом...»

Это были лишь первые шаги на пути ужасных, совершенных с невообразимой жестокостью преступлений, которые постепенно приняли форму геноцида.

Таким образом, можно без преувеличения утверждать, что данные, приведенные в обвинительном акте о преступлениях Артуковича, не в состоянии рассказать языком имен и цифр о тех ужасах, через которые прошли люди, о которых идет речь в этом документе.

Однако не вызывает сомнения, что среди преступлений, совершенных в этот период, наиболее жестоким является массовое убийство в православной церкви в Глине.

Это убийство было совершено усташами всего через несколько месяцев после провозглашения «Независимого Государства Хорватии» по инициативе Андрия Артуковича, министра внутренних дел, одного из творцов законодательных актов, предусматривавших подобные расправы.

Эта «варфоломеевская ночь», организованная уста-

шами, основательно подготавливалась с тем, чтобы ее чудовищные подробности глубоко врезались в психику свидетелей этого события.

«... Так, управляющий из Слуня Эдо Лончарич признался своему хорошему другу — православному священнику Нико Комадине из прихода Раковици, Слуньского района, что в Хорватии проводится политика полного уничтожения православия и что он в начале мая 1941 года получил приказ расстрелять всех сербских священников и учителей на территории района...»

Илия Перич, делопроизводитель из Вукманича, район Войничача, в отсутствие усташского муниципального уполномоченного получил циркуляр министерства внутренних дел, подписанный Андрием Артуковичем, в котором, в частности, «приказывалось усташским уполномоченным и властям уничтожить поголовно всех сербов, проживающих на территории Хорватии».

Однако подготовка массовых убийств велась в значительно более широких масштабах, чем предписывалось административными указаниями. В середине мая 1941 года, еще до массовых арестов и убийств сербов в Глине, в здании новой больницы была проведена встреча усташей, на которой присутствовали д-р Марко Елич, адвокат из Глины, и усташский министр юстиции д-р Пук. В речи, с которой последний выступил на этом собрании, он потребовал безжалостных репрессий по отношению к сербам. В соответствии с такого рода инструкциями сразу же после собрания начались массовые репрессии и убийства.

Власти отдавали распоряжения, готовя преступления не только на тайных встречах и с помощью секретных циркуляров, но и вполне открыто, на собраниях и конференциях, в прессе и по радио. Председатель усташского законодательного комитета д-р Милован Жанич, выступая в Нова-Градишке на так называемой большой усташской скупщине перед многочисленной аудиторией 1 июня 1941 года, сказал:

— Это должна быть страна хорватов, и ничья больше, и нет таких средств, которые мы, усташа, не применили бы, чтобы сделать нашу страну действительно хорватской и очистить ее от сербов, которые угрожали нам в течение столетий и при первой же удобной возможности будут угрожать нам вновь. Мы этого не скрываем, это является политикой нашего государства,

и когда мы выполним эту задачу, мы выполним тем самым принципы усташской организации («Нови лист», 3 июня 1941, стр. 3).

В тот же день на скупщине усташей в Глине д-р Мирко Пук без зазрения совести заявил:

— В грамоте царя Леопольда говорится, что пришельцы, переселившиеся к нам, уйдут, когда придет срок. Этот срок пришел, ведь народная мудрость гласит: «Или уходи прочь, или иди ко мне на поклон» («Нови лист», 3 июня 1941, стр. 5).

Всего лишь неделей позже на собрании усташей в Вуковаре выступал д-р Миле Будак. В заключение своей речи он сказал:

— Что же касается проживающих здесь сербов, то это и не сербы, а беженцы с востока, которых привели с собой турки в качестве своих слуг. Этих людей объединяет только православная религия, а мы не успели их ассимилировать.

Не менее прямолинейно высказался и Анте Якаша, представитель главной усташской ставки, выступая 24 июня 1941 года в Слатински-Дреноваце:

— Мы, усташа, вместе с нашим поглавником, советуем вам, нашим «гостям», в том числе и в Дреноваце: «Убирайтесь, собаки, за Дрину!»

Эти высказывания, не нуждающиеся в комментариях, недвусмысленно доказывают: усташские массовые бойни были заранее детально спланированы; в их подготовке участвовали и руководили ими самые высокопоставленные лица «Независимого Государства Хорватии», в том числе и Андрије Артукович, министр внутренних дел.

Во второй половине июля 1941 года церковь в Глине стала использоваться усташами в качестве тюрьмы. Сюда они доставляли сербов, которых не могли вместить переполненные тюремные казематы. В те дни жертвы поступали каждый день, главным образом из районов Глины и Вргинмоста. За короткий период из Вргинмоста и Чемерници были привезены тысячи сербов, несколько меньше из районов Бович и Топуско. Много сербов было заключено в тюрьмы из Класнича и других деревень глинского района. Всех отвезли в Глину, кого в тюрьму, кого в церковь.

«В июле, пожалуй, это было в конце месяца, я видел, как автобусами привозили сербов в глинскую цер-

ковь. Говорили, будто большинство из них из Вргинмоста и Топуско и что привезли их для крещения, поэтому они взяли с собой марки стоимостью в 25 кун, то есть деньги для оплаты крещения», — вспоминая те дни, свидетельствует **АНДРИЕ ШОЛНЕКОВИЧ**, электрик из Глины.

ДРАГАН БАКИЧ, земледелец из Чемерници, рассказывает более подробно:

«В те дни по всем деревням общины Чемерници управляющий общины **Йосип Живчич** объявил, что все сербы — мужчины в возрасте от 16 до 60 лет — должны в обязательном порядке явиться в Вргинмост, где их будут ждать католические священники, которые обратят их в католическую веру. Тогда никто больше не посмеет придирааться к перекрещенным сербам, и они будут равноправны с хорватами. Одновременно в распоряжении значилось, что те сербы, которые не явятся в Вргинмост на крещение, будут убиты у себя дома...»

По словам Бакича, это же распоряжение было объявлено и в других общинах района Вргинмост. А в назначенный день только из Чемерници в Вргинмост прибыло на «крещение» около 1600 сербов. И еще около 700 из других близлежащих мест. Но вместо ожидаемых католических священников и «крещения» вооруженные пулеметами и винтовками усташы окружили более 2000 сербов и погнали их в Соколану.

Людей охватила паника. Они поняли, что их ждет. Наиболее смелые среди обманутых попытались вырваться из кольца усташей. Многим это удалось — около 400 человек сбежали. Оставшихся 1800 человек с трудом вместила в себя тюрьма в Соколане. В ней сербы провели всю ночь, они ждали самого худшего.

На следующий день все стало ясно. Особенно когда их стали заталкивать в грузовики, а затем привезли в Глину и заперли в православной церкви.

Известный усташ **ЙОСИП МИСОН**, один из главных участников этой бойни, рассказывал:

«Я собрал в районе Вргинмост около двух тысяч сербов под предлогом крещения. Затем я приказал пулеметчикам окружить их и отправить на грузовиках в район Глины, где они были уничтожены».

Впечатляюще звучит рассказ **ФРАНЦА ЖУЖЕКА**,

католического священника церкви св. Ивана в Глине:

«Я вспоминаю этот день по церковным книгам. Сербов везли через город на грузовиках и автобусах из района Вргинмост. Их свозили в православную церковь, а затем везли дальше в Хаджер и Прекопу, где их убивали. В тот день один из сербов, которых впоследствии заточили в церкви, позвал меня посмотреть, как там все выглядит. Я пришел и увидел битком набитую людьми церковь, в которой стоял спертый воздух, так как многие вынуждены были справлять нужду прямо там же, и некоторые теряли сознание от духоты. Церковная утварь была повреждена, многое было уже уничтожено. Увидев меня, они, не скрывая страха, спрашивали, что с ними будет. Я не могу сказать точно, сколько людей было заперто в церкви, но судя по тому, что православная церковь по размерам была такой же, как и католическая, думаю, что там могло находиться до 700 человек».

Особенно тягостное впечатление производит свидетельство АНТУНА ГРЕГУРИЧА, строителя из Юкинаца:

«Я видел, как сербов на грузовиках привозили в церковь, а затем их везли в Глинско-Ново-Село и там убивали. В одном грузовике я увидел торговца Малбашу из Вргинмоста, кажется, его звали Джуро. О том, что их везли в Глинско-Ново-Село, я понял в тот вечер из разговора убийц-усташей Янко Кихалича, Николы Крешталицы и Пайи Крешталицы в закусочной Зибара в Юкинаце. Они говорили, что сербов убивают в Глинско-Ново-Селе. Усташи принесли что-то, завернутое в бумагу, они показывали этот сверток посетителям, а затем Янко Кихалич потребовал у жены хозяина Лерки Зибар масла, чтобы зажарить сердце. В ответ на ее вопрос, что это за сердце, они начали хохотать и рассказали, что это сердце серба, которому они в Глинско-Ново-Селе нанесли семь ран; потом, бросив его на землю, рассекли ему грудь и вынули сердце, которое еще билось в их руках. Поскольку потрясенная жена хозяина не захотела выполнить это требование, они снова завернули сердце в бумагу. Дальше я уже не помню, что было...»

Об этом зверстве вспоминает и ЛЕРКА ЗИБАР, учительница из Юкинаца:

«Я не помню точно, когда это случилось. Думаю, что в конце июля 1941 года, под вечер. Перед нашей закусочной остановился грузовик, и из него вышли усташа Янко Кихалич, Стево Крешталица и Пайо Крешталица. Они были пьяны. Ввалились в закусочную. Через некоторое время Янко Кихалич постучал в дверь кухни, где я находилась, требуя, чтобы я дала ему горячей воды. На мой вопрос, зачем ему горячая вода, он ответил: «Вот тут у меня человеческое сердце, можешь посмотреть». Моя падчерица Вера Зибар — тогда ей было 12 лет — прибежала на кухню и стала упрашивать меня не разрешать жарить это сердце. Посетители, присутствовавшие в закусочной в то время, позже рассказывали, что вместе с сердцем в свертке находились и человеческие глаза, но я их не видела. Меня охватил ужас, и мы с мужем выпроводили их на улицу, закрыли закусочную...»

Однако усташа не всех убивали подобным образом. По словам свидетелей, им надоедало однообразие.

Рассказывает АНДРИЕ ШОЛНЕКОВИЧ:

«Последняя группа осталась в церкви. Я не знаю, сколько их было там, но в городе ходили разговоры, что несколько сот человек. Церковь была набита битком. С жертвами расправились в разгар полевых работ, в ночь с 29 на 30 июля 1941 года».

«В то время,— вспоминает АНТЕ ШЕШЕРИН из Глины,— я работал на городской электростанции. Думаю, что было около 23 часов, когда ко мне подошел Никола Шафар, в прошлом крестьянин из Кихалаца, торговавший до недавнего времени железнодорожными шпалами, ставший усташом, который был известен своими зверствами. Он приказал мне отключить электрическое освещение в городе и не включать без его разрешения. Я сразу же отключил освещение и спустя некоторое время вышел из здания, чтобы посмотреть, что происходит на улице. Мне бросилось в глаза, что фасад церкви время от времени освещается прожектором. Часа через три вернулся Шафар и велел снова включить освещение в городе, что я и сделал».

Тем временем в глинской церкви разыгралась трагедия, повторявшаяся и в последующие дни, которую трудно описать словами, хотя это и пытались сделать оставшиеся в живых свидетели.

Вот что рассказывает ИВАН ПАЦИЕНТА, портной из Глины:

«... Я жил за церковью. Выглянув вечером из окна, я заметил, что пространство перед церковью было освещено. Слышны были доносившиеся оттуда глухие стоны... На следующее утро перед церковью я обнаружил лужи крови...»

Свидетелю МАТО БАКШИЧУ, столяру из Глины, удалось увидеть гораздо больше:

«... Я жил в пятидесяти метрах от бывшей православной церкви,— вспоминает Мато Бакшич.— Около девяти часов вечера я заметил из своего окна, что из церкви грузовиками вывозят людей. Затем я услышал, как из церкви доносились крики и стоны, похожие на завывания зверей или рев забиваемого скота. Выдержать это было трудно, и я отошел от окна. Но моя семья, все мы не могли заснуть от проникавших в нашу квартиру непрекращавшихся криков. Подойдя снова к окну, я увидел, что эти изверги выносят людей одного за другим из церкви, сваливая их в кучи. После этого их грузили на машины и увозили. Некоторых утащи убивали прямо перед церковью. До меня доносились приказы:

— Подыми ему рубашку! Где там у него сердце? После чего слышался хриплый стон жертвы.

Они бросали несчастных в грузовики — один утащ хватал жертву за ноги, другой за руки, третий поддерживал посредине — до тех пор, пока не заполняли их доверху. Мне неизвестно, откуда были эти люди, но потом в городе говорили, что их пригнали из Вргинмоста или Топуско, чтобы перекрестить из православной веры в католическую».

Мато Бакшич вспоминает одну подробность за другой:

«Около полуночи мы с женой заметили, как из церкви вышел утащ с засученными руками. Его руки были окровавлены. В правой руке у него был нож. Не сдержавшись, моя жена спросила его:

— Что происходит в церкви?

Приостановившись, он коротко бросил в ответ:

— Режем.

— Кого режете?

— Сербов режем. До тех пор, пока не вырежем их всех до одного, нам, хорватам, спасения не будет. Тогда и я вмешался в разговор:
— Почему это нам не будет спасения?
На это он только сказал:
— Хватит, я в эмиграции натерпелся».

Свидетельствует ЙОСИПА ШАРИЧ, домохозяйка из Глины. Вот как она вспоминает ту кровавую ночь:

«В ту ночь, когда происходила расправа, я была в доме усташа Янко Будака, который в тот день умер естественной смертью. Кроме меня, там были Мара Клаич и Драга Ликар. Около часа ночи в дом вошли трое усташей в форме, их одежда и обувь были в крови, в руках у них были окровавленные ножи. Подойдя к телу умершего, они подняли вверх свои ножи и стали размахивать ими, повторяя:

— Мы отомстим за твою хорватскую кровь!

В ответ на наш вопрос, почему они в крови, усташа сказали, если мы хотим знать, чтобы шли с ними. Подойдя вместе с ними к церкви, я увидела груды умерщвленных людей, вся земля вокруг была залита кровью. В церкви, которая время от времени освещалась прожектором, я тоже увидела убитых, слышались крики и стоны людей. Обращаясь к очередной жертве, один усташ спросил:

— Ну, куда тебе всадить нож?»

По свидетельству ДУШАНКИ БРЕКИ из Глины, это убийство совершили усташа из 13-й «сотни смерти». Об этом ей сказал Мича Михалец, который также находился в Глине, а затем в составе трудового батальона был переведен в Загреб. В числе тех усташей был и некий Зунац, который в 1943 году был жандармом в Петрине, а также механик Йосип Буткович из Беловара, который хвастался перед Душанкой Брекой, как он расправлялся в церкви с людьми, выкалывая некоторым из них глаза.

В этой бойне участвовало около пятнадцати усташей. Некоторые проявили при этом особую жестокость.

Проходивший в ту ночь мимо православной церкви ИГНАЦ ХАЛУЗА из Глины вспоминал:

«Я видел, как Йосип Мисон снимал с жертв одежду

и бросал в корзину. Когда я шел парком, мне навстречу попался человек в гражданском, с засученными рукавами, руки его были в крови. Он попросил закурить. Я ответил, что у меня нет сигарет. Тогда он позвал меня в православную церковь. При входе возле забора я увидел около пятнадцати усташей, которые пили ракию. Из церкви вдруг раздался голос мальчика:

— Папа, спаси меня!

Детский крик, скорее стон, со слезами повторился несколько раз. В церковь вошел Йосо Зинич. После этого детского голоса уже больше не было слышно».

О том, что творилось в церкви, лучше всего знают сами усташы. А также единственный из мучеников, оставшийся в живых, — чудом уцелевший человек, который не знает, что хуже — умереть или остаться в живых. Ибо после всего, что произошло, жизнь ему стала казаться сплошным кошмаром.

«... Через несколько минут после того, как нас заперли в церкви, появился Крешталица, мясник из Глины, а за ним — жандарм Йосо Миленкович. Через час после того, как они нас переписали, в церковь пришел человек в форме домобрана, который сказал: «Вы, сербы, еще в 1919 году были приговорены к смерти, но тогда нам не удалось привести приговор в исполнение, поэтому мы всех вас уничтожим сейчас».

Так вспоминает о начале кровавой бойни в Глине ЛЮБАН ЕДНАК, крестьянин из Белиште, единственный человек, уцелевший в ту страшную ночь. Продолжая свое свидетельство, Еднак говорит:

«Потом пришли еще какие-то усташы. Один из них спросил: кто будет Перо Милевич? Вперед вышел человек.

— Что тебе известно о партизанах? — спросил усташ.

— Мне ничего не известно, — ответил Перо Милевич.

Тогда к нему подскочили другие усташы, поставили его к стене и стали бить веревкой до тех пор, пока он не почернел. Затем его, избитого, бросили в угол церкви. Он потерял сознание. К вечеру пришли усташы, которые сказали, что нас повезут в Лику на работу, путь далекий, и, если кто-то хочет заpastись хлебом, можно сдать деньги на его покупку. Те, у кого были деньги, отдали их, и усташы все забрали себе».

И тут началась кровавая бойня. Вот как об этом вспоминает ЛЮБАН ЕДНАК, заново переживая весь этот ужас:

«Когда уже стемнело, мы вдруг услышали, что к церкви подъехал грузовик.

Как только смолк мотор, в церковь ворвались усташа. Прямо с порога они приказали:

— Немедленно зажгите свечи, чтобы лучше было видно.

Как только мы это сделали, последовал вопрос:

— Верите ли вы в нашего поглавника и в наше «Независимое Государство Хорватию»?

— Верим, верим...— ответили почти все, кто громче, кто тише.

И тогда раздались команды: «Лечь! Встать! Лечь! Встать!»

Пока мы послушно выполняли приказы, усташа стреляли из винтовок вверх, как бы пытаясь попасть в свечи. Из полумрака на нас падала штукатурка, которая сыпалась с церковных стен от пуль.

Затем усташа приказали нам снять с себя все, кроме нижних рубашек и трусов, и все свои вещи сложить в углу церкви. После этого нас заставили лечь на землю. Усташа ходили по нашим телам, как по бревнам, потом они приказали нам встать и снова стреляли по стенам церкви, ни в кого конкретно не целясь. Они хотели запугать нас. Затем опять вывели вперед Перо Милевича и вновь стали расспрашивать его, знает ли он что-либо о партизанах? И когда он снова ответил, что не знает ничего, один из усташей схватил его, и на виду у всех, вонзив нож в горло, распорол ему всю грудь. Милевич, не издав ни звука, замертво рухнул на пол.

На повторный вопрос, кому известно что-либо о партизанах, который на этот раз сопровождался обещанием отпустить домой того, кто сообщит о них, вперед вышел человек.

— Говори! — приказали ему.

— Я знаю, что партизаны недалеко от Топуско взорвали телеграфные столбы и остановили машину с усташами...— сказал человек, надеясь на освобождение.

Но вместо этого усташа приказали ему положить голову на стоявший в церкви стол, а когда он это сде-

лад, один из усташей перерезал ему горло и приказал петь. Но из горла брызнул фонтан крови на расстояние в несколько метров, и петь он не смог. Тогда усташ так ударил его прикладом по голове, что из черепа потекли мозги.

И тут началась настоящая резня. Убивали всех подряд. Усташи хватали одного за другим и бросали на стол. Один упирался коленом в грудь жертвы, а другой перерезал ей горло. При этом они даже не дожидались, пока жертва истечет кровью или испустит дух. Полуживых людей выволакивали из церкви и бросали в грузовик.

Уничтожив почти три четверти обреченных, усташи решили отдохнуть. Чтобы развлечься, они вытащили на середину церкви старика и, весело смеясь, спросили:

— Ты отдашь нам свою жену, сестру и дочь?

Старик медленно обвел всех по очереди испуганным взглядом, как будто размышляя о чем-то. Потом ответил:

— Я отдам вам все, что вы хотите, только отпустите меня.

Усташи разразились хохотом. Схватив зажженную свечу, они поднесли ее ко рту старика. Сначала они сожгли ему усы, затем ресницы и, наконец, выжгли ему глаза. Крики старика о помощи не остановили их. Наоборот, один из усташей крикнул другому:

— Чего ты тянешь, прикончи его!

И они вновь принялись убивать, пока нас не осталось пятеро или шестеро. Затем усташи стали выносить мертвых.

Улучив момент, пока усташи были заняты трупами, я бросился на пол среди убитых и притворился мертвым. Было страшно, но мне не оставалось ничего другого. Я притаился среди трупов и не шевелился. Меня охватил еще больший страх. Вернувшись в церковь, усташи, заметив, что кто-то из убитых еще шевелится, прикончили его. Один из них подскочил и добил несчастного ударом ботинка по голове, после чего бедняга скончался. Этот же усташ ударил меня по голове, но несмотря на нестерпимую боль, я и виду не подал, что живой.

Спустя некоторое время один из находившихся на улице усташей приказал тем, кто был в церкви, хорошенько проверить, не остался ли кто-нибудь в живых.

Чтобы быть уверенными в том, что все мертвы, усташа наносили удары ножом в сердце или спину каждому трупу, в зависимости от того, кто как лежал. Я ждал своей очереди. Но мне повезло: усташ встал на меня, чтобы дотянуться до очередной жертвы, меня же при этом миновал.

После того как они перекололи всех убитых, усташа начали вновь вытаскивать из церкви трупы. Они хватили их за ноги, за руки и швыряли в грузовик, как мешки. Поскольку убитых было много, получилось три или четыре слоя. Когда меня бросили в кузов, я оказался на самом верху. Но так как этот грузовик был переполнен, усташа решили часть трупов свалить в другой. Меня схватили за ноги и бросили туда. Падая, я сильно ударился головой о какой-то железный предмет. Этот удар и сейчас дает о себе знать. На меня бросили труп, и он упал таким образом, что его перерезанное горло, из которого еще сочилась кровь, оказалось над моим ртом. Я не смел даже мизинцем пошевелить. Я только сжал крепче челюсти, чтобы кровь не попала мне в рот.

Когда грузовики загрузили, нас повезли в Якинец. Усташа при этом восседали на трупах, два — возле моих ног, а два других — у моей головы, так что я чуть не задохнулся от недостатка воздуха. При приближении к небольшому лесу я услышал, как кто-то крикнул шоферу:

— Подъезжай поближе ко рву!

Нас наспех выбросили. Здесь я увидел много людей, которые ждали своего смертного часа. Тут же усташа изнасиловали одну женщину. Я слышал, как, отвечая на вопрос, она сказала, что работает учительницей в поселке Бович.

Когда трупы свалили в ров, я оказался рядом с учительницей, которую убили после изнасилования. Я услышал, как один из усташей сказал, что надо осмотреть учительницу, нет ли у нее колец, ведь их можно неплохо продать. Вслед за этим кто-то спрыгнул в ров и, обнаружив кольцо, снял его с пальца учительницы. В это время подъехал еще один грузовик, переполненный людьми, которых усташа один за другим поубивали молотками. Трупов было много, мне казалось, что во рву не хватит места для всех. Чтобы вместить побольше трупов, усташа стали складывать их рядами.

Одному показалось, что кто-то дышит, они открыли стрельбу из ружей, в результате чего пуля задела мою ногу. Но я не издал ни звука. Когда очередь дошла до меня, один из усташей заметил на мне хорошую майку, снял ее, хотя она была вся в крови. Все это время я старался сдерживать дыхание, чтобы не обнаружить признаков жизни...

Наконец все успокоилось. Усташа уехали. Я тайком выбрался из рва, спрятался в кукурузе, а потом через кустарник ушел довольно далеко. Из ноги непрерывно сочилась кровь. Но я не думал об этом. Мне хотелось как можно дальше уйти от смерти. Я потерял счет времени. Удивился, когда понял, что светает. До наступления рассвета мне удалось добраться до места, которое называлось Курета. Здесь я спрятался в дубе. Вскоре сюда забрел один знакомый, который, узнав меня, привел к себе в дом. Не прошло и двух часов, как мы услышали женские причитания. В деревню прибыли усташа, которые стали сгонять народ для очередной бойни. Я спрятался на сеновале. Там я провел безвылазно шесть месяцев. Еду мне приносили туда».

На следующий день усташа попытались замести следы своего преступления. Прежде всего они приказали привести в порядок улицу перед церковью, так как она вся была залита кровью. Вспоминая об этом, АНТЕ ШЕШЕРИН из села Глина рассказал следующее:

«Возвращаясь около четырех часов утра домой с работы, я обратил внимание на то, что усташа моют церковь, а в желобе около нее я увидел кровь, хотя в ту ночь шел дождь. Возле церкви стоял Стево Прайчич, сапожник из Юкинаца, который, распорядившись, что и где убрать в церкви, сам тоже мыл тротуар. Ему помогали усташа, одетые в гражданскую одежду. В тот же день они обработали церковь известью и карболкой. Но, несмотря на это, неприятный запах вблизи церкви сохранялся более двух недель. Я видел также, как на реке Глине усташа мыли грузовик, на котором они перевозили жертвы. Водителем этого грузовика был Мариан Хорват».

Не многим отличаются от вышеприведенного свидетельства и показания Мато Бакшича и Андрии Шолнековича. Вот что рассказал АНТУН ГРЕГУРИЧ:

«На стенах церкви и на лестнице, ведущей на колокольню, я заметил следы крови, хотя церковь и мыли после разыгравшейся здесь бойни. На полу была разбросана одежда жертв, а также церковный инвентарь... Чтобы смыть кровь, усташы поливали церковь водой, носили ее через все четыре двери, но неприятный запах все равно ощущался, хотя все было и вымыто. Несколько дней можно было наблюдать, как д-р Юрай Ребока посыпал чем-то пропитавшиеся кровью места...»

Жестокая кровавая бойня в Глине останется в памяти народа как одно из самых тяжких преступлений усташей в первые месяцы после прихода к власти Павелича и назначения Артуковича министром в «НГХ».

Торопясь добиться поставленных целей, доказать свою решимость во что бы то ни стало создать «этнически чистое», «независимое» государство, усташы с каждым днем увеличивали число беспрецедентных по садизму преступлений. Они не останавливались перед количеством жертв. Их лозунгом уже тогда было: «Нож — в горло, даже если виноват твой брат хорват!»

Так в соответствии с приказами Артуковича и его сподвижников Хорватия, Босния и Герцеговина все больше превращаются в места истребления невинных людей, в том числе женщин и детей, а «Независимое Государство Хорватия» — в машину смерти, беззакония и неслыханных ужасов.

Об этом красноречиво свидетельствуют выдержки из пунктов 6, 7 и 8 обвинительного акта:

«...В конце августа или начале сентября 1941 года он (А. Артукович) приказал членам своих групп уничтожить все население — мужчин, женщин и детей — деревень, расположенных на горном массиве Озрен, близ Добоя. Этот приказ сразу же был выполнен. В результате были убиты: 48 жителей села Српски Придьел; 25 человек — главным образом женщин и детей — сожгли в запертом сарае в селе Риечица».

В мае 1942 года по приказу обвиняемого Артуковича 102 человека из местечка Тенье (район Осиек) были помещены в концлагерь Ясеновац и там уничтожены. Среди них 20 семей полностью, включая 30 женщин и 40 детей в возрасте до 14 лет.

В мае 1942 года 60 жителей из Даля (тот же район) были депортированы в лагерь Ясеновац и там

убиты. Среди них — 17 женщин и 25 детей в возрасте до 14 лет.

В мае 1942 года по приказу обвиняемого Артуковича 247 человек — в том числе 95 женщин и 58 детей в возрасте до 14 лет — из местечка Врбань были заточены в Ясеновац и убиты...

В мае 1942 года около 120 человек из Жупани и 460 мужчин, женщин и детей из села Бошняци заключены в лагерь Ясеновац и там убиты.

Преимущественно в мае 1942 года по распоряжению обвиняемого Артуковича в застенки Ясеноваца бросили югославских граждан цыганского происхождения и там уничтожили. Их доставили из следующих мест:

— Илокский район: всего около 500 человек: 60 мужчин, женщин и детей из города Илока и около 40 из села Сусьека;

— Вуковарский район: 35 мужчин, женщин и детей из города Вуковар, около 150 человек из села Миклушевци, около 110 человек из Боготы, около 150 — из Трипини, 25 — из Могославаца;

— Джаковацкий район: около 150 мужчин, женщин и детей из села Стризивойно;

— Валповский район: около 500 человек из местечка Валпово; 42 — из села Петриевци, 90 — из села Сатница, 133 — из села Бистринац; 35 — из села Пизовац;

— Доне-Михоляцкий район: около 120 человек из местечка Доне-Михоляц, около 150 — из села Доне-Вилево, 31 — из села Подравски-Подайици, 20 — из села Св. Джурац, 42 — из села Подравска-Мославина, 46 — из села Радиковац.

В период с середины апреля и до начала октября 1942 года по приказу А. Артуковича о заключении в концлагеря и уничтожении в них абсолютно невинных людей, граждан Югославии (хорватов, сербов, евреев и др.), в том числе женщин, несовершеннолетних детей, стариков, а также священнослужителей разных вероисповеданий, было брошено в застенки концлагерей более 200 тыс. человек, которых уничтожили, а их имущество конфисковали. По его приказам в концлагерях были совершены, в частности, следующие убийства детей в лагере Джаковац: Аницы Рахан из Сараева, трех месяцев; Саломона Кабило из Сараева, шести месяцев; Гиты Маэстро, одного года; Ленчика

Маэстро, неустановленного возраста; Мориса Маэстро, десяти месяцев; Якицы Коэна, одного года; Леви Коэна, двух лет; Анны Калдерок из Сараева, полутора лет; Рафаэля Атиаса из Сараева, десяти месяцев; Изи Папо из Сараева, одного года; Миды Пано, одного года; Йозефа Клайна из Сараева, двух лет; Йозефа Мацаро из Сараева, одного года... К этому перечню следует добавить и 2 тыс. детей, чьи фамилии не установлены, которые были удушены в газовых камерах в августе 1942 года. Не удалось также установить фамилии 25 тыс. детей, уничтоженных в концлагере Стара-Градишка, первоначально находившихся в лагерях Лобоград, Ябланац и Млака (что около Ясеноваца), Острица, Сисак, Ястребарско и Горня-Риека. Эти дети были умерщвлены голодом, пытками, посредством добавления в пищу каустической соды, заражения инфекционными болезнями, о чем подробнее будет рассказано ниже.

Остальные — около 1500 женщин и детей, чьи фамилии установить не удалось, — были узниками концлагеря Джаково. Когда этот лагерь был ликвидирован, люди были перемещены в Ясеновац и там уничтожены. В их числе: 47 православных священников, среди которых — Милан Божич, преподаватель закона божьего из Сараева; Богдан Лалич, священник из Сараева; Джуро Алагич, приходский священник из Горня-Дубравы; Йован Зец, приходский священник из села Возуце; епископ Сава Трлаич; Йован Биегович, преподаватель закона божьего из Бихача; Никола Бугонович, приходский священник из села Дони-Ланац; Данило Бракус, приходский священник из села Биело-Поле; Петар Вучинич, член церковного суда из Плашко; Милан Диклич, приходский священник из Косинье; Милан Докманович, приходский священник из Плашко; Милойко Дошен, приходский священник из Почителя (район Госпича); Владимир Дуич, приходский священник и представитель архиепископата из Српска-Моравице; Милан Джукич, секретарь епископата. Было также уничтожено 48 раввинов и преподавателей еврейской религии, среди которых — д-р Дойчен, раввин из Лудбрега (около 70 лет); д-р Симон Унгар, раввин из Осиека (около 60 лет); Хинко Гринвальд, раввин из Подравска-Слатины (около 95 лет); Илия Гринвальд, раввин из Чаковеца (около 56 лет); Мирослав Фрайбергер, раввин из Загреба (около 40 лет); д-р М. Хайс, раввин из

Сисака (около 60 лет); д-р Рудольф Клик, раввин из Вараждина (около 70 лет); д-р М. Койн, раввин из Копривницы (около 58 лет)... Список преступлений Андрия Артуковича, за которые он несет прямую или косвенную ответственность, как усташ и министр «НГХ», как законодатель, заполняет все судебное обвинение, каждая его строчка свидетельствует о множестве загубленных жизней.

Хорватская комиссия по выявлению преступлений оккупантов и их пособников, проведя предварительное расследование, подготовила исчерпывающий документальный анализ под № F—3371 всех преступлений Андрия Артуковича, что дает основание утверждать, что он является самым крупным преступником.

Не менее важны и факты, выявленные краевой комиссией Воеводины, которые обобщены в документе под № F—5767 от 4 июля 1946 года. Хорватская комиссия составила список 21 преступления, в которых самым непосредственным образом виновен Артукович. В этом документе, в частности, говорится, что министр внутренних дел «НГХ» совершил следующие преступления:

«1. Присвоение имущества всех содержащихся в заключении лиц в период с 1941 по 1945 год в лагере Ясеновац; пытки и убийства заключенных.

2. Умерщвление узников лагеря Ясеновац голодом в течение 1941—1945 годов.

3. Уничтожение узников в лагере Ясеновац в течение 1941—1945 годов в результате изнурительного труда в каменоломне, в лесу, в поместье, в различных мастерских лагеря Ясеновац. Во время работ усташа избивали узников, а ослабевших убивали.

4. Ликвидация старых и больных узников лагеря Ясеновац с ноября 1941 до 1945 года; в Градине таким образом было уничтожено несколько тысяч заключенных.

5. В октябре 1941 года убийство 85 узников лагеря Крапье, расстрелянных Максом Лубуричем за то, что они требовали улучшения питания.

6. 15 ноября 1941 года расстрел узников в лагере № 1 (Крапье) общей численностью около 300 человек.

7. 15 ноября 1941 года ликвидация 500—800 узников.

8. 23 декабря 1941 года расстрел Любой Милошем 25 узников в лагере Ясеновац в качестве наказания за нападение одного из заключенных на усташского солдата.

9. 24 декабря 1941 года убийство Любой Милошем и другими усташами около 800 узников молотками в непосредственной близости от лагеря Ясеновац.

10. 25 декабря 1941 года убийство Любой Милошем и Йоцой Матиевичем 45 православных узников, доставленных в лагерь Ясеновац.

11. В период с ноября 1941 года по февраль 1942 года убийство усташами вблизи Кошутарицы узников из Срема, Боснии и Славонии (от 40 до 50 тысяч) топорами.

12. Январь 1942 года. Смерть около 300 узников в больнице лагеря Ясеновац в результате нанесения ударов ножами и дубинками по голове.

13. Февраль 1942 года. Расстрел Ивицей Матковицем 5 узников в лагере Ясеновац за то, что они пытались выкопать картофель.

14. Убийство усташами в период между 3 и 6 марта 1942 года 72 узников лагеря Ясеновац во время строительства кухни.

15. Январь 1942 года. Убийство 56 узников в лагере Ясеновац, совершенное железными лопатами Любой Милошем и другими усташами;

16. 1 февраля 1942 года. Ликвидация Юсичем Муйей и другими усташами доставленных в лагерь Ясеновац крестьян (от 400 до 500 человек) из окрестностей села Млака возле Глины.

17. Ликвидация в период с февраля до конца мая 1942 года неустановленного числа мужчин, женщин и детей, сожженных усташами в печи.

18. Убийство в период с весны до августа 1942 года цыган, узников лагеря Ясеновац, общей численностью около 40 тыс. человек и других заключенных (количество неизвестно), совершенное усташами в Градине и Уштице с использованием молотков и ножей.

19. Ликвидация усташами нескольких тысяч мужчин, женщин и детей, доставлявшихся в лагерь Ясеновац в период с весны до поздней осени 1942 года, в Градине и окрестностях Ясеноваца.

20. Летом 1943 года по распоряжению Марко Павловича и Йовицы Брклячица заключенных лагеря

Ясеновац при выходе на работу за его пределы стали заковывать в цепи. Питание было сокращено на 10%, ухудшилось обращение усташей с узниками, участились случаи их избияния, вследствие чего погибло около 50 заключенных.

21. Издевательство над 15 пленными партизанами из Далмации в лагере Ясеновац летом 1943 года, избияние их дубинами, в результате чего трое умерло, а остальные надолго попали в больницу. Преступление совершили 10 усташей из 1-й сотни...»

Решение комиссии Воеводины по выявлению преступлений оккупантов и их пособников, которое относится также и к Андрию Артуковичу, выдвигает следующие обвинения в разделе «Краткое описание и квалификация преступления», «Массовые преступления»:

1) убийства и резня — систематический террор; 2) убийство заложников; 3) истязание гражданского населения; 4) изнасилования; 5) интернирование граждан и их содержание в нечеловеческих условиях; 6) преднамеренное разорение населения и уничтожение недвижимого имущества; 7) мародерство.

Далее в документе следует указание: «Подробности смотри в решении комиссии F № 1224». Эти подробности повергают в ужас.

Самыми страшными орудиями власти в «НГХ» были: выездной полевой суд, расстрел заложников и заключение в лагеря. Именно они определяли законодательство в «НГХ» в том виде, в каком оно было задумано Павеличем, Артуковичем, Будаком, Пуком...

Выездной полевой суд. Предшественниками выездного полевого суда были созданные в те годы чрезвычайный народный суд и полевой суд.

Чрезвычайный народный суд был создан в соответствии с законом о защите народа и государства от 17 апреля 1941 года для рассмотрения преступлений, связанных с государственной изменой. Закон от 17 мая 1942 года об учреждении полевых судов предоставил право министру юстиции (в ту пору Андрию Артуковичу) по своему усмотрению учреждать полевые суды, которые должны были судить лиц, обвинявшихся в совершении уголовных дел по статьям 154 и 167, параграф 3, статьям 188, 191, 201, параграфы 1 и 2, а также статьям 206, 207 и 326—328 уголовного кодекса Югославии.

Эти суды не оправдали ожиданий, поэтому 24 июня 1942 года был принят закон об учреждении выездного полевого суда. К компетенции этого суда были отнесены все преступления, которые рассматривались и полевым судом, а именно уголовные дела, предусмотренные статьями 91—98а, 108, 128 и 307 уголовного кодекса Югославии.

Закон о выездном полевым суде дополнялся позднее законами от 26, 27 и 28 июня, 5 и 10 июля, 22 сентября и 12 декабря 1942 года, которые расширяли полномочия этого суда. Выездной полевой суд рассматривал и дела по статьям 225—241 уголовного кодекса.

За нарушение вышеперечисленных статей предусматривалось лишь одно наказание — смертная казнь. Только принятым позже законом от 12 декабря 1942 года № CDLII-1227 было сделано исключение в отношении хозяйственных преступлений, что несколько не изменило характер разбирательства дел, рассматривавшихся этим судом.

Расстрел заложников. Этот вид преступления особенно широко был использован в «Акции Виктора Томича», результатом которой было огромное количество жертв. Закон от 2 октября 1941 года N CCC XXXI-1680 предписывал образ действий «при коммунистическом нападении в случае, если виновник не сдается». В соответствии с его статьями, в случае «коммунистического нападения» на жизнь и имущество граждан, в ходе которого погибнет одно или несколько лиц, а виновник не будет найден в течение 10 дней, управление по поддержанию общественного порядка и безопасности может распорядиться расстрелять по десять человек за каждого погибшего из числа выявленных полицией коммунистов. Этот закон легализовал убийство невинных людей, не причастных к совершению той или иной акции.

Возложение ответственности на какое-либо лицо лишь на основании его принадлежности к организации, членом которой является тот, кто совершил определенную акцию, противоречит основным принципам уголовной ответственности, в соответствии с которыми наказанию подлежат, кроме исполнителя, только подстрекатели и пособники.

Заключение в лагеря производилось в соответствии с двумя законами: законом о направлении ненадеж-

ных и опасных лиц для принудительного пребывания в концентрационные и трудовые лагеря от 25 ноября 1941 года № СС XXVII-2098 и законом о предотвращении наказуемых насильственных действий против государства, отдельных лиц или имущества от 20 июля 1942 года № СС IX-1779, измененным и дополненным законоположением от 3 августа 1942 года за № ССХV.

Первый закон предписывает, что ненадежные люди, представляющие опасность для общественного порядка и безопасности и способные поставить под угрозу мир и спокойствие хорватского народа или завоевания освободительной борьбы усташского движения, могут быть принудительно направлены в концентрационные или трудовые лагеря, которые уполномочена создать усташская надзорная служба.

Второй закон, в который были внесены дополнения и изменения спустя всего 14 дней после его принятия, предписывает принудительно направлять в концентрационные и трудовые лагеря следующих лиц: жен, родителей, детей, братьев, сестер, проживающих вместе с лицами, нарушившими в одиночку или сообща с вооруженными группами общественный порядок и безопасность или поставившими под угрозу мир и спокойствие «хорватского народа», или осуществившими иное уголовно наказуемое деяние, направленное против государства, отдельных лиц, имущества, или же бежавших из дома.

Решение о направлении таких лиц в концентрационные лагеря принимает усташская надзорная служба. Органы управления и самоуправления, а также усташские учреждения выявляют лиц, угрожающих безопасности, членов их семей, а также сообщников.

То обстоятельство, что организация лагерей и управление ими были поручены усташам, дало им возможность преследовать всех неугодных; они могли их арестовывать, пытаться и уничтожать. Создание выездных полевых судов, введение практики расстрела заложников, заключение в лагеря — являются уголовными преступлениями лиц, узурпировавших власть в «НГХ» и присвоивших себе право от имени хорватского народа издавать законы.

Закон о создании выездных полевых судов подписали Анте Павелич, Андрије Артукович и Мирко Пук. Закон о заключении в лагеря подписали Анте Паве-

лич, Мирко Пук, Андрије Артукович и Владимир Кошак. Все они — создатели вышеназванных преступных законов, с помощью которых уничтожена часть нашего народа.

Поскольку А. Артукович подписал упомянутые законы, тем самым он совершил уголовное преступление по ст. 3, параграф I, пункт 3, закона об уголовных преступлениях против народа и государства, за что должен нести ответственность.

В качестве доказательства вкратце приводим анализ массовых преступлений, озаглавленный «Акция Виктора Томича» и «Выездной полевой суд в Среме» (Сремский краевой архив, инвентарный № 22 250).

О каких тюрьмах, судах и убитых заложниках идет речь?

Одна из самых страшных усташских тюрем находилась в Загребе на улице Рачкого, 9. Большое количество заключенных после пыток было уничтожено в самой тюрьме или на месте массовых убийств в Максимире.

СЛАВКО РАДЕЛЬ рассказывает об этом:

«...Каждый раз, когда в Загребе совершалось какое-либо покушение, например на почте или в ботаническом саду, сразу же после этого проводились аресты и уничтожение заложников. В газетах сообщалось, что их судил полевой суд, но в действительности никакого суда не было. Таким образом, в Загребе было убито большое число людей. Многие из них прошли через усташскую тюрьму, расположенную на улице Рачкого, № 9. В этой тюрьме усташаи применяли многочисленные пытки: загоняли иглы под ногти, жгли подошвы, били по голове, подвешивали за различные части тела, прижигали сигаретами...»

НЕЛЛА ГАВРАНЧИЧ свидетельствует:

«В связи с массовыми арестами сербов, евреев и «ненадежных» элементов тогдашней так называемой усташской полицией, управление которой находилось на улице Рачкого, № 9, 1 августа 1941 года был арестован мой муж и помещен в подвале здания этого управления.

С арестованными там обращались очень плохо. Подвал был без окон, без дневного света, не имел

вентиляции, так что заключенные задыхались там от недостатка воздуха. Чрезмерно яркое электрическое освещение, никогда не выключавшееся, ослепляло их, что становилось особенно невыносимым во время короткого отдыха, при попытке заснуть. Они не знали, когда день, а когда ночь, догадываясь об этом лишь по времени раздачи пищи. Часов у них не было. Жара была нестерпимой, все лежали голыми, не шевелясь, стремясь тем самым потреблять как можно меньше кислорода. Стены были снизу доверху мокрыми от испарений.

Созданные выездные полевые суды циркулировали с места на место по всему «Независимому Государству Хорватии», их появление повсюду вызывало страх, так как их приезд, как правило, означал смерть для многих ни в чем не повинных людей.

Тех, кого назначили к уничтожению в качестве заложников, выездные полевые суды зачастую даже не судили. Усташи подвергали их чудовищным истязаниям во время предварительного заключения, после чего убивали. «Судьи» же полевого «суда» задним числом выносили приговор как будто бы в результате проведенного следствия. А если где-либо и проводилось следствие, то оно использовалось только для того, чтобы максимально ущемить достоинство жертвы».

АЛЕКСИЕ ЛУТЕНБЕРГЕР так описывает следствие:

«В связи с прибытием печально знаменитого полевого суда в Беловар меня несколько раз, порядка ради, назначали адвокатом осужденных. Следствие велось в общем плане, обвиняемых допрашивали весьма поверхностно, даже их заявления неправильно записывались в протокол. Могу утверждать, что любая защита обвиняемых была невозможна, ибо суд принципиально отвергал все, что говорила защита, и вообще не принимал во внимание то, что приводилось ею в пользу обвиняемого. Доказательный материал, призванный подтвердить вину обвиняемых, строился исключительно на основе показаний политических органов.

Группа, которую тогда судили, состояла из 15 обвиняемых, преданных суду за различные проступки. Обвинение было объемистым, но судебный приговор был вынесен очень быстро. Помнится, что, как только суд удалился на совещание, я закурил, но не успел докурить свою сигарету, как меня позвали снова в зал

заседаний суда, где уже объявляли судебный приговор. Это значит, что судебный приговор был вынесен еще до следствия, ибо технически невозможно продиктовать материал такого объемного обвинения со всеми показаниями обвиняемых в течение пяти минут. Все обвиняемые были осуждены на смерть, хотя не имелось ни одного конкретного доказательства их вины.

Что касается работы выездного суда, то могу сказать, что это был не судебный процесс, а обычный трагический фарс. Любой человек, находившийся под судом и следствием, был заведомо осужден на смерть. Суд вообще не учитывал мнение защиты обвиняемого, его не интересовал доказательный материал. Ему было абсолютно безразлично, доказан или не доказан тот или иной состав преступления».

Выездные полевые суды осудили на смерть и «легализовали» вынесенными задним числом приговорами убийство нескольких тысяч югославов различных национальностей. Иногда усташа считали полезным для устрашения населения обнародовать результаты «суда» или выдержки из выносившихся «приговоров».

В Петрушевацком лесу, неподалеку от Рабочей улицы Загреба 4 июля 1941 года был найден труп полицейского. Министерство внутренних дел сообщило 10 июля 1941 года, что выездной полевой суд осудил на смерть как «идейных вдохновителей преступления» 10 видных представителей интеллигенции, и они были тут же расстреляны. Все расстрелянные в момент убийства полицейского находились в Загребе. Некоторые из них отбывали тюремное заключение в Керестинце еще с 6 апреля 1941 года.

В другом своем сообщении министерство внутренних дел объявило, что 4 августа 1941 года (возглавлявшееся с этого дня А. Артуковичем) в 11 час. 45 мин. было совершено нападение на охрану усташского военного училища. Выездной полевой суд осудил на смерть 4 коммунистов как «непосредственных участников» этого нападения и еще 98 коммунистов как «идейных вдохновителей». Осужденные были в тот же день расстреляны.

В течение всего лишь нескольких часов усташам удалось обнаружить, осудить и расстрелять не только непосредственных участников нападения, но и 98 «идейных вдохновителей».

Более того, днем позже полевой суд выявляет, осуждает и расстреливает еще 87 «виновников» этого преступления.

В конце октября 1943 года был принят «Закон о мерах борьбы с нарушениями и актами саботажа общественного порядка и безопасности», в соответствии с которым предусматривалось, что в отношении лиц, совершивших нападения, акты саботажа или признанных полицией активными коммунистами, а также их супругов, родителей и детей будут приниматься защитные меры. Такими мерами, как правило, являлись расстрел, повешение, депортация в лагеря с конфискацией имущества.

По всем случаям, предусмотренным этим законом, первой и последней инстанцией, рассматривающей дело, было главное управление по поддержанию общественного порядка и безопасности, причем какое-либо обжалование его действий исключалось. Тем самым, по существу, признавалось, что речь шла не о «суде» или «судебном процессе», а о мести и уничтожении заложников.

АЛЕКСАНДАР БЕНАК, советник министерства внутренних дел «НГХ», рассказал о том, как выбирались усташскими органами для расстрела заложники:

«...Репрессии и карательные меры осуществлялись в соответствии с Законом 1943 года на основе письменных предложений территориальных полицейских управлений, направлявшихся главному управлению по поддержанию общественного порядка и безопасности. Начальник этого управления с учетом поступивших предложений принимал решение о целесообразности проведения карательных мер, их масштабах и формах. В частности, для примера скажу, что загребское областное полицейское управление обычно предварительно условливалось по телефону с начальником главного управления или его заместителем, или начальник политического отдела согласовывал с начальником главного управления вопрос о том, проводить ли карательные меры, в каких размерах и в отношении какого количества человек.

Областное полицейское управление посылало затем письменное предложение с перечислением лиц, подлежащих аресту, число которых превышало предваритель-

но оговоренное. Об этом предложении референт, а иногда и лично начальник политического отдела докладывал начальнику главного управления, который помечал в списке лиц, в отношении которых следует применить меры возмездия. При этом на самом списке он ставил краткую резолюцию, которая обычно гласила «К исполнению», и скреплял ее своей подписью. Соответствующее полицейское управление на основании этого распоряжения могло отдать нижестоящему управлению необходимые в связи с этим приказание для практического выполнения порученного задания, в то время как главное управление по обеспечению общественного порядка и безопасности, его политический отдел, готовило бы сообщение для газет или, в случае необходимости, другие целесообразные, на его взгляд, материалы.

Полицейские управления провинций свои предложения о проведении акций возмездия передавали, как правило, телеграфом; телеграфом им сообщался и ответ о согласии с этими предложениями или об их отклонении. Вообще же официальная процедура была аналогична вышеизложенной, с той лишь разницей, что после получения принципиального одобрения по телеграфу посылалось более детально аргументированное предложение, и если по телеграфу сообщалось согласие на проведение операции, то других документов больше не составлялось.

Проведения акций возмездия требовали также и немецкие власти, и, насколько мне известно, в большинстве случаев на карательных операциях настаивали служба безопасности и полиция Германии. Подобные требования подписывал штандартенфюрер Гюнтер».

Уничтожали заложников различными способами — расстреливали, вешали, убивали ударами молотка, — словом, расправлялись так, как заблагорассудится палачам. Большая часть жертв была убита и погребена недалеко от Загреба, в лесу, носящем название «Докторщина». Это место уничтожения и захоронения усташами своих жертв в народе получило название «Максимир», что не следует смешивать с загребским лесом Максимир, расположенным около 2 км севернее шоссе Максимир — Дубрава.

После освобождения специальная комиссия обследовала Максимир. Была произведена эксгумация части по-

гребенных там жертв, заслушаны показания многих свидетелей.

Ниже приводится выдержка из протоколов, которая свидетельствует о том, какими методами уничтожались жертвы.

«...Способы ликвидации были различными. Жертвы душили проволокой, били деревянными палками, молотком или другими тупыми предметами по голове, убивали выстрелами из пистолета или ружья в затылок, залпом из двух-трех или четырех-шести выстрелов в грудь или в голову и другими способами».

Заключение в концентрационные лагеря в «НГХ» представляет особую главу этой трагической истории. И здесь Андрие Артукович внес свой максимальный вклад, создавая законы, разрабатывая планы и поручая их исполнение своим ставленникам: Эугену Кватернику, Мийо Бабичу и Векославу Лубуричу...

Организация лагерей и заточение в них «ненадежных и опасных лиц» предписывались законом от 23 ноября 1941 года и, подобно всем усташским «законам», легализовавшим уже совершенные преступления, этот закон был обнародован лишь после того, как усташские лагеря были созданы, а некоторые из них, такие, как Паг, Даница и Ядовно, в которых уничтожено несколько тысяч мужчин, женщин и детей, уже были ликвидированы.

В соответствии со статьей 1 упомянутого закона, создание лагерей находилось в компетенции усташской службы надзора, а по статье 3 «Решения о принудительном направлении в лагеря» вопрос о сроках пребывания в них, о режиме содержания узников решался усташскими полицейскими управлениями, являвшимися составной частью усташской надзорной службы. Против решения усташского полицейского управления не имелось юридической защиты, его нельзя было обжаловать в административном суде.

Решение о заключении в лагеря, которое означало, как правило, мучительную смерть, принималось не судом и не каким-либо органом власти, а усташской, чаще всего местной территориальной организацией. Но и этого «порядка» усташа не придерживались, все их инстанции, да и отдельные усташа по своей воле отправляли безвинных людей в лагеря.

В соответствии со статьей 2 того же закона, дли-

тельность пребывания в концентрационных лагерях не могла быть меньше трех месяцев и не должна превышать трех лет. Однако и этой своей установки усташа не соблюдали. Из «Положений о принудительном пребывании в лагерях», найденных в архиве усташского полицейского управления города Винковци, следует, что евреев отправляли в лагерь на пять лет, а то и без указания определенного срока.

Вместо тех лагерей, которые перестали существовать еще летом 1941 года, были созданы так называемые женские лагеря в Лобограде и Джаково, смешанные лагеря в Ясеноваце и Стара-Градишке. Лагерь в Тенье возле Осиека первоначально функционировал как гетто, а затем использовался как концентрационный лагерь для евреев из Осиека и близлежащих населенных пунктов. Лагерь в Яске был детским... Лагеря в Лобограде, Джаково и Тенье были ликвидированы в 1942 году. Кроме вышеназванных, имелся еще лагерь в Крушчице.

Первым законом, принятым в «НГХ», был Закон о гражданстве от 30 апреля 1941 года. Затем последовали другие законы, в соответствии с которыми все граждане неарийцы были поставлены вне закона. Упомянутый закон различал два вида гражданства: собственно гражданство и принадлежность к государству. Гражданином могло быть только лицо арийского происхождения.

30 апреля 1941 года были приняты также Закон о расовой принадлежности и Закон о защите арийской крови и чести хорватского народа. В соответствии с первым законом предусматривалось создание управления по политическим вопросам, которому вменялось в обязанность «принимать решения по всем сомнительным случаям расовой принадлежности».

Вторым законом запрещались заключение браков между «арийцами» и «неарийцами», внебрачные связи мужчины «неарийской» крови с женщиной «арийского» происхождения (за нарушение этого предписания применялась смертная казнь), работа женщин «арийского» происхождения моложе 45 лет в качестве домработниц в семьях «неарийцев», вывешивание хорватских флагов, а также использование национальных цветов и эмблем евреями. Объявлялись недействительными все изменения фамилий евреев, осуществленные

после 1 декабря 1918 года, предписывалось восстанавливать их в первоначальном виде.

Закон о защите национальной арийской культуры хорватского народа от 4 июня 1941 года запрещал «неарийцам какое-либо участие в работе общественных, молодежных, спортивных и культурных организаций и учреждений хорватского народа, а также в литературной и журналистской деятельности, в сфере живописи, музыки, архитектуры, театра, кино».

Применялись и такие меры, которые не могли быть включены ни в какие законы, в том числе и усташские. Например, «чистки». Они широко использовались и предполагали безжалостное истребление всех — от грудных детей и женщин до немощных стариков. В подтверждение приводим два документа — один из немецких архивов, второй — из домобранских, а также свидетельские показания лиц, чудом спасшихся после проводившихся усташами чисток.

Положение в районе Баня-Луки.

6 февраля 1942 года в окрестностях Баня-Луки произошла страшная бойня, которую учинил усташский батальон капитана Зелича.

Село Дракуличи было окружено усташами, и все его сербское население, независимо от возраста и пола, было расстреляно или вырезано.

То же самое произошло 7 февраля 1942 года в селе Мотика, где были вырезаны все жители, от грудных детей до стариков.

9 февраля 1942 года в селе Сарговац также была учинена бойня. Одна из свидетельниц, католичка, рассказала, что только в одной школе было убито 53 ученика. Она также сказала, что видела, как проткнули штыком и застрелили годовалого ребенка.

Усташский поручик Татек на следующий день хвастался перед друзьями, что он собственноручно отправил на тот свет 1500 человек. Как стало известно, за день до этой бойни в монастыре Петришевац возле Баня-Луки состоялось совещание, на котором присутствовали д-р Виктор Тучич, бывший жупан¹, д-р Стилинович, председатель окружного суда Баня-Луки, несколько священников, среди которых был и священник Филипович, который принял участие в состоявшейся после этого бойне.

Приказ православному населению перейти в католическую веру.

Письменного приказа на этот счет д-ра Саболича, жупана окружной жупании Босански-Брода, не было. Но в соответствии с единодушными показаниями официальных лиц события развивались таким образом: католический священник из Босански-Брода Стефан Кочич при содействии усташей развернул в общинах своего церковного прихода активную агитацию за переход в католическую веру, затем к этой агитации присоединились священник из Брусницы, работники

¹ Начальник жупании — области, округа.

организаций «Хорватский дом» в Босански-Броде. Даже окружная жупания советовала людям перейти в католическую веру, мотивируя это тем, что в этом случае они будут пользоваться покровительством государства и усташей. Тем самым они доказали бы, что являются не сербами, а верными сторонниками хорватского государства. Люди, которые противились этому, бесследно исчезали или за «антигосударственную» деятельность отправлялись усташами в концентрационные лагеря, а их имущество конфисковывалось. Таким образом оказывалось мощное давление на население. Создавалось впечатление, будто бы оно добровольно в массовом порядке высказывается за переход в другую веру. Итак, хотя соответствующего письменного распоряжения и не было, поставленная цель — заставить население изменить свою веру — была достигнута. Так, в воскресенье 11 октября 1942 года была проведена торжественная церемония крещения почти всех жителей села Лиесце, что возле Босански-Брода, в католической церкви города. Затем был устроен торжественный обед в «Хорватском доме», в котором приняли участие два заместителя жупана. Один из них, Милошич, произнес речь. В числе других ораторов были секретарь «Хорватского дома», комендант усташского лагеря в Босански-Броде Драго Кламочак и католический священник.

Приложение № 2 к отчету германской миссии в Загребе от 26 октября 1942 года.

Методы борьбы против гражданского населения:

1.

а) 25 мая 1941 года были убиты без суда и следствия епископ Платон из Бая-Луки и депутат Душан Суботич из Босанска-Градишки. Их трупы были изуечены и в течение нескольких последующих дней не предавались земле;

б) За несколько дней в конце мая 1941 года из рек Врбас и Вбана было извлечено 58 трупов сербов;

в) В конце мая 1941 года возле Босанска-Градишки один за другим всплыли связанные вместе трупы отца, матери и двух детей в возрасте до 10 лет. К шее одного из трупов была прикреплена табличка: «Счастливого пути в Белград»;

г) В течение первых дней июня 1941 года в различных местах реки Савы всплыло 34 трупа. На всех трупах были видны следы пыток и истязаний;

е) В Бая-Луке немецкими властями были арестованы заложники. Один из них, Бошко Пани, был 30 мая 1941 года без суда и следствия убит усташом; 31 мая 1941 года таким же образом было убито еще двое заложников, одному из которых предыдущей ночью выкололи глаза;

ф) Тогдашний усташский стожер в Бая-Луке д-р Гутич заявил 28 мая 1941 года в одной из своих речей в местечке Сански-Мост: «Мною отдан приказ относительно их (сербов) экономического разорения, вскоре последуют новые указания об их полном истреблении. Ни к кому не проявляйте мягкотелости, никогда не забывайте, что они всегда были нашими врагами, уничтожайте их, где бы вы их ни встретили, а благословение поглавника и мое вам обеспечены» (перевод из газеты «Хрватска Краина», Бая-Лука, № 19 от 30 мая 1941 года).

Вышеприведенные факты сообщены в письме от 17 июня 1941 года фельдмаршалу Кватернику (исх. № 3-а, 32/41). Одновременно они были предметом обмена мнениями с министром иностранных дел.

2.

В начале июня 1941 года жестоким пыткам были подвергнуты православные жители села Ново-Личко, округ Нашице, которые находились в заключении в тюрьме города Осиека. В ночь с 12 на 13 июня вооруженные усташы убили 10 православных крестьян из этого села. Главарем этих усташей был некий Галичич из соседнего села Прибишевци.

Сообщено письменно министру иностранных дел 25 июня 1941 года (исх. № 2, 3—1087/41) с просьбой доложить поглавнику.

3.

Начиная с июня 1941 года различными усташскими органами были совершены многочисленные самовольные акты насилия в отношении православного населения в Хорватии.

О ряде таких случаев было сообщено в записках от 7, 10 и 15 июня (исх. № 3, 4—1180/41) на имя министра иностранных дел.

4.

а) Партизаны, вернувшиеся из лесов в районе Госпица, после того как им была обещана неприкосновенность, сдались. Несмотря на это, все они были убиты;

в) Комендант лагеря в Госпице Рубинич 17 августа 1941 года в ответ на требование немецкого фельдфебеля освободить из лагеря по приказу министерства внутренних дел ряд лиц заявил: «Пусть даже десять министерств ходатайствуют об этом, все равно я их не отпускаю».

Сообщено в письме на имя поглавника 4 сентября 1941 года (исх. № 2, 3—1971/41).

5.

В конце августа в усташском лагере для беженцев в Славонска-Пожеге, комендантом которого был усташ Клаич, заключенных православной веры подвергали постоянным пыткам и мучениям, после чего убивали.

Об этом имеется докладная очевидца (приложение № 2а). 16 сентября 1941 года этот факт был предметом разговора с министром иностранных дел.

6.

В сентябре 1941 года в округе Брчко против православного населения были применены самовольные меры насилия, в результате чего пропал урожай пшеницы. Аналогичные акты произвола повторились в начале декабря 1941 года. Инициатива проведения ужасающих погромов принадлежала Монтани, управляющему округа, его сообщниками были усташы из местного усташского лагеря.

Об этих событиях сообщалось в письме от 29 января 1942 года (исх. № 2, 3б 295/42) тогдашнему представителю правительства, государственному секретарю д-ру Вранчичу, которое он переслал министру внутренних дел д-ру Артуковичу. Об этом шла речь в беседе с поглавником и министром иностранных дел, состоявшейся 13 февраля 1942 года. Монтани был арестован на короткий срок, но судебный приговор — насколько нам известно — так и не был вынесен.

7.

19 ноября 1941 года усташские отряды из Загреба и Костайницы убили на территории восточнее и юго-восточнее Майи около 800 мужчин, женщин и детей, сожгли несколько сел и угнали 20 вагонов со скотом.

Заявления этих усташей о том, что убитые были четниками, не подтверждаются хорватскими военными властями. Согласно единой информации на упомянутой территории были захоронены тысячи трупов людей, сожженных усташами.

Генерал, представитель Германии в Загребе, запросил у хорватского министерства сухопутных сил соответствующую информацию об этом случае. О принятых мерах ничего не известно.

8.

В ночь с 28 на 29 ноября 1941 года управляющий округа Ириг арестовал без всяких на то оснований православных крестьян села Ривици (округ Ириг). В результате пыток и угроз их принудили перейти в католическую веру. Это вызвало в отличавшихся довольно спокойной обстановкой Среме и Славонии сильное волнение.

Сообщено в письме министру иностранных дел 15 декабря 1941 года (исх. № 2—3, Серб.— 2997/41) с просьбой доложить об этом поглавнику.

9.

6, 7 и 9 февраля 1942 года было организовано кровавое избиение православных жителей сел Мотика, Дракуличы и Шарговац (северо-западнее Баня-Луки). Его учинил усташский отряд в составе 100 человек из Загреба под командованием усташского капитана Зелича и усташского поручика Татека, а также францисканского монаха Филиповича из Баня-Луки. Жертвами этой акции в селе Мотика стали около 100 семей общей численностью в 700 человек, в селе Дракуличы (недалеко от рудника Раковица) — 60 человек, в селе Шарговац — 120 человек.

24 февраля 1942 года состоялся разговор о случившемся с поглавником, который сообщил, что обвиняемый офицер находится под стражей, а францисканец — в тюрьме. Информация о результатах расследования и приговоре виновным до сих пор не поступала. Отчет об этой бойне прилагается (приложение № 2b).

10.

В начале февраля 1942 года в ходе операции против повстанцев в горах Папук усташскими полицейскими были истреблены православные жители Секулинаца (возле Вочина), не имевшие никакого отношения к повстанцам. В результате этого в районе Вочина усилились волнения среди местного населения.

Об этом случае имеется специальный отчет (приложение № 2c).

11.

7 февраля 1942 года усташы из села Прнявора замучили и убили многих мирных жителей православного вероисповедания в общинах Муша, Граница, Грняни, разграбив их имущество.

Сообщено министру иностранных дел 4 марта 1942 г. (исх. № 2, 3 Серб.— 114/42).

12.

В апреле и мае 1942 года хорватские усташы убили в восточной Боснии на реке Дрина большое количество беженцев православного вероисповедания, в том числе женщин и детей. О случившемся стало известно из немецких военных донесений.

Об этом сообщено в письме от 20 мая 1942 года (исх. № 3—4с-312ä42) министру иностранных дел с просьбой сообщить о мерах, которые надлежит принять. Письменный ответ на него до сих пор не поступил.

13.

В начале июня 1942 года при проведении мер по выселению населения с территории, прилегающей к Дубице, находящиеся там православные села полностью обезлюдели. Эвакуации не избежали ни старики, ни дети.

Об одном подобном случае, касающемся Васы и Драгини Пантелич, сообщалось в записке от 22 июня 1942 года (исх. № 2, 3b-1338/42) хорватскому министру иностранных дел.

14.

В соответствии с собранной 25 июня 1942 года надежной информацией, в лагере Ясеновац и близлежащих православных селах под руководством усташского капитана Лубурича, поручика Любы Милоша, а также Матковича — постоянно совершались жесточайшие преступления в отношении узников и православного населения.

По заявлению министра иностранных дел, сделанному в беседе с представителями германской миссии в Загребе 8 июня 1942 года, поглавник намеревался предпринять соответствующие меры (исх. № 3 4с—А 411/42).

15.

В августе 1942 года слушатели усташского училища младшего командного состава Загреба эвакуировали православных жителей из сел Набрдже, Боровник и Банчия возле Джаково. При этом, кроме расстрелов, имели место случаи грабежа и уничтожения продуктов питания.

Записка об этом направлена 8 сентября 1942 года министру иностранных дел (исх. № 3 4с-1961/42).

16.

12 августа 1942 года и в последующие дни усташы под командованием майора Лубурича убили около 100 мирных жителей православного вероисповедания из сел Орлевац, Брестовац, Вилич-Село, Скендеровац и Завршай возле Пожеги, а также рабочих из Германии, находившихся там в отпуске. При этом их имущество было разграблено. В лагере для беженцев Павловци постоянно уничтожались содержавшиеся в нем узники.

Сообщено в записке от 15 сентября 1942 года (исх. № 3 4с 2159/42), адресованной министру иностранных дел.

17.

а) Принятые хорватским правительством в конце сентября 1942 года меры по выселению мирного населения с территории, прилегающей к Беловару и Вировитице, имели своим следствием массовое

бегство людей в леса. (Из немецкого донесения от 29 сентября 1942 года);

в) Меры по выселению нанесли большой ущерб экономике;

с) С конца 1942 года началось выселение православного населения из жупани Билогора, особенно из округа Беловар, которое было отправлено в лагеря Стара-Градишка и Сисак. 12 октября 1942 года в эти лагеря поступили из села Велике-Писанице члены семей лиц, угнанных на работу в Германию или же находившихся на военной службе в НГХ. Осуществлявшие акцию усташа зачастую были пьяны, избивали детей и женщин кнутами.

(В подтверждение этого прилагаются обширные показания надежных свидетелей).

18.

Утром 18 октября 1942 года усташа из Ясеноваца вывели и уничтожили мирное православное население села Лукуевац возле Липика. Немецкий поручик, посетивший село через несколько дней, установил, что оно почти полностью обезлюдело. Он обнаружил там массовое захоронение.

Отчет немецкого поручика прилагается (приложение 2d).

19.

Население, проживающее в районе Славонски-Брода, по приказу жупана д-ра Саболича в сентябре—октябре 1942 года было принудительно обращено в католическую веру. Те, кто противился этому, были заключены в концентрационный лагерь, а их имущество разграблено.

В подтверждение этого прилагается немецкое военное донесение от 17 октября 1942 года (приложение 2e).

Ниже приводится строго секретное донесение командира 1-го стрелкового домобранского полка, направленное в управление общественного порядка и безопасности:

«До 27 июля с. г. положение, с учетом того удара, который был нанесен сербскому населению созданием Независимого Государства Хорватии, было в целом удовлетворительным. Значительная часть сербского населения уже смирилась с судьбой. Многие изъявили готовность перейти в католическую веру. Верно то, что немногие поступали так, исходя из своей внутренней убежденности, но если бы была достигнута цель четников, то сербы, перешедшие в католическую веру, оказались бы в большей опасности, чем сами католики, так как их считали не только национальными, но и религиозными предателями, следовательно, можно было бы думать, что они сделали это, исходя из добрых намерений. И что самое важное, большинство сербов не занималось бы активной антигосударственной деятельностью, более того, в своих собственных интересах они способствовали бы укреплению государства.

После того как 27—30 июля с. г. на территории района Войнич была выведена из строя телефонно-телеграфная связь (идея о проведении такого диверсионного акта принадлежала коммунистам из Карловаца, осуществляли же его местные жители, симпатизировавшие коммунистам), сербское население охватил страх, так как оно понимало, что подозрение падет на него, хотя подавляющее его

большинство не только ничего не знало об этом, но и не хотело, чтобы это случилось, возможно, не из-за любви к НГХ, а исходя из личных интересов, так как сербы знали, что им придется расплачиваться за это.

С 29 июля усташаи начали проводить «чистки». Это вызвало панику среди сербского населения, которое из страха скрылось в леса. Они продолжались до 8 августа с. г., но в последние дни с меньшим успехом, поскольку люди знали о «чистках» и прятались в лесу. Их охватил всеобщий страх. С психологической точки зрения «чистки» вызвали, с одной стороны, проявления трусости и приспособленчества, а с другой стороны — ярую ненависть.

Кроме того, усташаи действовали тактически неправильно, в результате чего не только враждебно настроенные молодые и здоровые мужчины, но и женщины, и малые дети скрылись в лесах. Одним словом, можно сказать: **«ЧИСТКАМ» ПОДВЕРГЛИСЬ ТЕ, КТО НЕ БОРОЛСЯ,— БОРЦЫ ЖЕ ОСТАЛИСЬ В ЛЕСАХ.** Более наивные и доверчивые люди вначале не уходили в леса, так как полагали, что с ними ничего не случится.

Тотальные «чистки» были проведены в Слуне и в его окрестностях, в то время как в более отдаленных местах они не совсем удались.

Охарактеризовать нынешнюю ситуацию невозможно из-за отсутствия точных данных, так как часть людей и сейчас скрывается в лесах, однако несомненно, что многие семьи потеряли по крайней мере по одному человеку.

Усташаи проводили «чистки» почти в открытую, что стало одной из причин бегства населения в леса. Людей арестовывали в домах, дворах, на дорогах, как правило, в присутствии родителей и детей. Дома и имущество подвергались разграблению, причем усташаи выбирали дома наиболее зажиточных людей в надежде основательно поживиться. Между ними разгорались ссоры из-за дележа добычи. Усташаи напивались, дело доходило до диких случаев, забирали грудных детей, стариков, уводили семьи в полном составе, применяли садистские методы, страшные пытки. Такое обращение с людьми вызвало негодование даже среди преданных и стойких хорватов, которые, хотя и вполголоса, говорили: **«ЭТО — ПОЗОР ДЛЯ НАРОДНОЙ ХОРВАТИИ, ЕЕ КУЛЬТУРЫ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЕРЫ».**

Рвы, как правило, копали заблаговременно. Иногда сами арестованные приносили с собой инвентарь для рытья рвов.

Нередки были случаи погребения полуживых людей, порой рвы оставляли незакопанными или же слегка присыпанными землей. Родственники погребенных, а также те, кто бежал в лес, приходили к местам таких захоронений в надежде отыскать близких.

Все это породило такой страх и ненависть, что о примирении не могло быть и речи. Если бы имелась хотя бы малейшая возможность, то об этом можно было бы подумать, но здесь не было и нет необходимых условий для примирения.

Я, как и все солдаты, был абсолютно беспомощен. Все делалось без нашего ведома. К нам проявлялось большое недоверие. Даже не очень существенное замечание с моей стороны могло поставить мою жизнь под угрозу, нам давали понять, что «сейчас пришло время действовать жандармам».

Возможно, главная причина недоверия к солдатам состояла в том, что они не проявляли особого рвения в ходе «чисток». Я говорил

солдатам, что мы представляем органы государственной власти и должны поддерживать ее авторитет.

Среди хорватского населения (по крайней мере среди многих его представителей) наблюдается проявление чувства негодования против «чисток», поскольку им подвергались многие, о которых твердо известно, что они ничего плохого хорватам не сделали, более того, их преследовали прежние режимы именно потому, что они отстаивали интересы хорватов. Такие люди были бы сейчас нужны, так как через них можно было бы оказывать влияние на тех, кто бежал в лес.

В связи с приказом прекратить «чистки» и вернуть людей к своим очагам солдаты старались помочь им и агитировали людей за возвращение, но результаты были незначительны. Люди утратили доверие, причина, вызвавшая их уход в леса, постоянно давала о себе знать. Они думали, что в результате малейшей ошибки в случае возвращения могут потерять все. Я вновь подчеркиваю, что добиться возвращения всех из лесу вряд ли удастся.

В ответ на вопрос солдата «Почему вы бежите?» один из беженцев сказал: «Бегу, господин, чтобы на полчаса больше прожить».

В некоторых домах остались только дети, иногда даже один малолетний ребенок, или старики. Подобных случаев было немало. Пострадали фруктовые деревья, много скота было угнано. Некоторые беженцы заявляют, что им некуда возвращаться.

Люди были готовы на все: выселение, заточение в концентрационные лагеря, обращение в другую веру, лишь бы не подвергнуться «чисткам». Но охотнее всего они остались бы в своих домах и выполняли бы то, что от них требуется (конечно, не все, но большинство). Лучше всего удался бы перевод в католическую веру с помощью миссионеров, ибо таким путем наверняка это можно было бы осуществить.

В тот день, когда в районе Войничача началась «чистка», оттуда уходила итальянская армия. Были такие случаи, что солдаты говорили жителям: «Бегите, сербы, идут усташи и всех подряд вырезают...»

МИЛА ДЖОДАН:

«Мы бежали на гору Петра. И оказались в кольце. Мы жгли листья, чтобы сварить себе что-нибудь. Место, где мы скрывались, называлось Белевине. Нас было много: из Малевца, Гейковца и Свиницы. Целая толпа. Немало народу было тогда вырезано. Когда мы прятались в кустарнике, появились усташи. Один из них скомандовал:

— Орешкович, прикрой левый фланг!

Начали стрелять, кричать, чтобы мы вышли. Говорят:

— Вот они, партизаны!

Мы их упрашивали:

— Господа, бог с вами, ведь тут одни дети и женщины, мы ничего плохого вам не сделали.

Они в ответ:

— Выходите!

Привели нас в Калове, обыскали. Все, что им нужно было из наших вещей, взяли себе, остальное — выбросили. После этого нам связали проволокой руки и погнали в Метальку на смерть.

Местность была равнинная. Мы вновь начали их упрашивать, а они велели нам встать на колени в грязь. Мы снова просили их смилостивиться над нами, а они приказывали встать на колени, твердя, что мы скоро высохнем. Тогда мы поняли, что нас ждет. Встав на колени, мы соединили руки и снова стали умолять их:

— Господа, побойтесь бога! Здесь же одни дети и женщины, мы ни в чем не виноваты!

Один из них, выругавшись матом, в ответ спросил:

— Где партизаны?

И вновь обругал нас матом. Всего их было 15 головорезов.

Один усташ приказал:

— Обайдин, приступаем!

У этого Обайдина за поясом виднелся нож. Нож был в деревянном футляре. Это я помню, хорошо помню. Лезвие ножа было узким. Он выглядывал из-за пояса. Обайдин ответил:

— Нет, я сам...

Усташ, который обращался к нему, сказал:

— Значит, ты будешь...

Мы поняли, что Обайдин был палачом. Палачи остались с нами, а остальные пошли дальше. Сначала стали убивать девушек, выкрикивая:

— Это партизанки, мать их так!

Усташи зарезали четырех девушек. Потом пришел наш черед — женщин и детей. Я сказала своей одиннадцатилетней дочери, чтобы она спряталась за какой-нибудь женщиной. Она так и сделала, бедняжка. Меня ударили ножом чуть ниже глаза. Кровь брызнула мощной струей. Усташ схватил меня за волосы и стал наносить удары ножом. Когда моя дочь это увидела, она, бедняжка, запричитала:

— Ой, мамочка моя! — и подбежала ко мне, сжав кулачки. Они схватили ее и вонзили нож в горло. Ее шейная артерия лопнула, как спресованные волокна конопля. Она тут же замертво рухнула. Я упала, а усташ бросил ее на меня. Я оказалась под ней. Вот так... Бедная моя девочка, родненькая моя. Мы, как цыплята, скачущие взад-вперед, когда им голову отрежут; смот-

ришь на них и жалость берет — не могут ни жить, ни умереть. Уходя, усташи обыскали нас, забрав продукты, у кого что было. У меня с собой было немного хлеба и мяса. Один из них, взяв их, тут же стал резать окровавленным ножом и есть.

После этой бойни осталось несколько человек в живых, хотя мы все были изранены и изувечены: жена и сын Яна Гушича, Джукан Михайлович и Анджелия Гушич, Сока Напияло и я».

ДАНИЦА МАМУЛА-ГВОЗДЕНОВИЧ:

«...1 апреля 1942 года усташи отправились на гору Петра. Ночью шел снег, и всюду было мокро. Бедные дети. Мы разжигали костры и готовили какую-то еду. Пришли партизаны. Среди них был и мой дядя. Они сказали нам:

— Дайте нам что-нибудь поесть. Из Ключара сюда идут усташи.

Мы сварили макароны и отнесли партизанам. Когда мы вернулись, усташи уже были тут как тут. Мы не очень боялись, так как вокруг было много народу. Все знают друг друга. Спрашивают:

— Есть тут партизаны?

Женщины ответили отрицательно. Усташи сказали, что поведут нас к развилке, ведущей в Присеку, Крсиню и Войнич.

Наши открыли по ним огонь. Один из усташей пошел в том направлении, откуда стреляли. Он был молод. Вернувшись, сказал:

— Вы говорите, что нет никого, а кто же стрелял в нас?

Мы немного растерялись, а он говорит:

— Ну-ка, постройтесь в колонну по три человека!..

Божо Вуйич попросил у усташа сигарету. Он протянул ему полную ладонь сигарет и сказал:

— Почему вы не убежали? Тебе не удастся все их выкурить!

Тот же усташ украдкой от других, с глазами, полными слез, отламывал кусочки хлеба и раздавал их детям, повторяя:

— Убьют вас, почему вы не убежали?

Усташи приказали выйти вперед 12 наиболее сильным мужчинам якобы для того, чтобы что-то нести. Среди вызвавшихся был и Никола Поляк из села Брда.

Их всех увели. Спустя некоторое время раздалась выстрелы и крики. Вскоре к нам вернулись усташи и сказали, что нас тоже перебьют партизаны, а в действительности это они расстреляли тех 12 мужчин, которых увели.

Они опять приказали нам построиться по трое. Я вспомнила то, что мне говорили Драгица Булат и Божо Спачек: когда начнут стрелять, надо броситься на землю, чтобы пули летели над тобой. Я взяла своего одиннадцатилетнего брата Милоша за руку и, повалив его на землю, прикрыла своим телом. Мать же держала семилетнюю сестру Милу. Старшая сестра сидела возле меня.

Раздалась команда:

— Пулеметчики, по местам!

Начали стрелять. Пулемет, стоявший сбоку, был направлен прямо на то место, где были мать, тетка София Шимулия и тетка Милева Вучинич, и он их сразу же подкосил. Брат Милош закричал:

— Пусти! Ты меня задушишь!

Он вырвался... и тут же был сражен пулей, которая попала ему в шею. Пуля задела и меня — скользнула по лбу. Одна девушка из села Брда поднялась и, увидев мертвой свою мать, забилась в истерике. Усташ прицелился и выстрелил в нее. Меня ранило в плечо и руку. Потом усташи забросали нас гранатами, вследствие чего я получила семь ран в области бедра.

Когда усташи ушли, многие зашевелились. В это время они снова вернулись. Сынишка Милана Цвияновича Йовица встал на ноги (Милан был в партизанах). Мальчику было полтора года, и он остался в живых. Он просил грудь у матери, которая лежала рядом мертвая.

Усташи заметили его, но не убили.

Когда они наконец ушли, раненые попытались подняться. Я увидела мертвую женщину, державшую в объятиях мертвую дочь Милеву. Эта страшная картина и сейчас стоит у меня перед глазами. Старшая сестра Стана была тяжело ранена. Я хотела увести ее оттуда. Она вырвала свою руку и тут же умерла. У младшего брата Милоша было прострелено горло.

Восемнадцатилетний юноша Бранко Поляк поднялся, держа обеими руками свои кишки. Его отец и мать были тяжело ранены. Мать приблизилась к нему, ры-

дая. Он прошел несколько метров и упал замертво.

Только Нино Маджерчичу удалось бежать. Я видела, как он шагал в колонне в военной форме без фуражки. Он нес коровью ногу. Его на ходу били прикладом. А он продолжал идти, не бросая эту ногу. Вдруг он бросился наутек. Все повернулись в его сторону, открыли стрельбу. Он упал на землю. И снова побежал. Бежал тогда, когда бежали и усташи. Другие усташи не могли стрелять из опасения убить своих. Нино убежал, не получив даже ранения».

НИКОЛА БИЗИЧ:

«Время от времени входили, ругаясь матом, усташи, каждый раз по двое, но нас больше не били. Это убеждало нас, что Муйич говорил правду. Отправка в Германию все же не самое худшее. К тому же все мы начали верить в то, что нас действительно подвели те, кто перерезал проволоку. В беде человеку трудно рассуждать разумно. Вдруг к зданию подкатили грузовики. Усташи вызвали человек 10 или 20, меня в том числе, и перевели в другое помещение. Там нас связали по двое, а затем протянули через связанные руки проволоку, соединив всех вместе, вывели на улицу и затолкали в грузовик, где уже находились какие-то люди. До грузовика нас вели через плотный строй усташей, которые осыпали нас ругательствами, но на этот раз не избивали. Выехали мы ночью, но нам удалось установить, что везут нас по шоссе, ведущему к Карловацу. Ехали мы недолго. Грузовик внезапно остановился. Нас вытолкнули из грузовика и опять повели сквозь строй усташей. Обе связки людей погнали к речушке в направлении Лоскуне. Мы хорошо знали эти места и поняли, что находимся недалеко от Ивановича и Божича. Не успели мы отойти от шоссе, как нас стали молча избивать прикладами. Недалеко виднелись четыре дома, но ни в одном из них не горел свет. Подойдя поближе к речке, мы слышали доносившиеся изо рва на противоположном ее берегу стоны, крики вперемешку с матерной бранью. Только теперь мы поняли, куда нас ведут. Тем более, что усташи принялись безжалостно бить нас прикладами, дубинами, ружейными стволами, сопровождая побои криками и бранью, так что мы больше не слышали стонов изо рва, вообще ничего не слышали. Мы уже брели по воде, когда при свете карманного

фонарика я заметил, что все идут без головных уборов, головы у многих окровавлены. Я знал, что впереди в группе связанных людей идут Перо Кресоевич и его сын. Впереди меня шел также Михайло Симич, а я и еще один человек оказались в середине. Через речку был переброшен деревянный мостик. Здесь было неглубоко. Усташи шли через мостик. Один из них держал веревку, которая была привязана к проволоке, связывавшей узников, переходивших речку вброд. Вода освежила меня, я полностью пришел в сознание. Во мне крепла решимость бежать. Я попытался высвободить руки. Если бы это удалось, я бы нырнул в воду в темноте и поплыл бы вниз по течению. Может быть, и удалось бы убежать. А может быть, и нет. Кто его знает. Но прежде чем я сумел развязать руки, мы уже были на другом берегу реки. Он оказался пологим. Вдруг раздалась команда: «Ложись! Животом вниз, носом в землю!» Падая, я шепнул товарищу, с которым был связан, чтобы он помог мне избавиться от проволоки. Кажется, он думал о том же. Мы быстро стали высвобождать руки. Вскоре мы уже могли вытащить их, когда захотим, хотя внешне они казались связанными. Теперь мы были совсем рядом с ямой и, несмотря на крики и побои, хорошо слышали плач, стоны и брань, а также тупые удары молотков по головам людей. Ружейных выстрелов не было слышно. Усташи добивали у края ямы ту группу людей, что шла впереди нас. Мы лежали на земле и ждали своей очереди. Мой мозг четко работал. Товарищ, который был связан вместе со мной, ущипнул меня за руку, как бы спрашивая, не пора ли. Но как только мы попытались поднять голову, усташи тут же оглушили нас ударами прикладов по головам:

— Не двигаться, мать твою...

Я снова плюхнулся носом в землю. Вдруг десять усташей в один голос заорали над нами:

— Встать и вперед!

Мы тут же поднялись и двинулись вперед под градом ударов. Вдруг слышу, идущий впереди меня Михайло Симич говорит:

— Господа, не бейте нас, ведь мы не сможем работать.

В тот же миг один из усташей направил на него луч фонарика, а другой, ударив что было силы киркой по

лицу, отрубил ему нижнюю челюсть. Он застонал и упал навзничь, потянув за собой проволоку, которая, соскользнув с моих рук и рук соседа, высвободила нас, после чего мы оба, как в бреду, кинулись прочь и скрылись в темноте. Я больше ничего не помню: не помню, ни куда я бежал, не знаю, что произошло с моим напарником. Слышал только, что сразу же поднялся крик, шум, началась стрельба из ружей. В конце концов я выбился из сил и упал на землю. Сколько и где я пролежал, потеряв сознание, неизвестно, но когда я пришел в себя, выстрелов больше не было слышно, только откуда-то доносился гул мотора грузовика. Я сидел и думал, не сон ли это. Ущипнув себя за ногу и почувствовав боль, я понял, что жив. Нет, я не могу передать словами то, что я пережил в действительности, в голове у меня все как в тумане. Позже я узнал, что еще несколько человек попытались бежать, но их настигли пули. Потом их тела обнаружили в кустарнике. Больше всего мне жаль, что я единственный живой свидетель, вырвавшийся из этого ада. Как вам известно, с тех пор прошло семь месяцев, а я еще не пришел в себя и не знаю, приду ли вообще. Спать я не могу и мне часто кажется, что я схожу с ума».

В отчете о страшных преступлениях, совершенных усташиами в Боснии и Герцеговине, который направил Светозару Вукмановичу УГЛЕША ДАНИЛОВИЧ, говорится следующее:

«...Усташи в районе Берковица бросали детей в кипяток и заставляли матерей есть их, а потом их убивали. Насиловали женщин и девушек и т. д. Люди говорили, что умереть от пули считалось счастьем...»

РАДЕ КЕВИЧ:

«Только в нескольких селах и хуторах нынешней общины Баня-Лука усташи Анте Павелича, Андрия Артуковича и стожерника города Баня-Лука Виктора Гутича расстреляли и вырезали в начале февраля 1942 года более 2 тыс. мужчин, женщин и детей сербской национальности.

Это тяжкое преступление было совершено 4—8 февраля как раз во время больших снежных заносов, достигавших двух метров, поэтому большинство жителей предпочитало оставаться дома. Самая крупная бойня

была учинена в те дни в селе Пискавца, на хуторах Милошевича, Кевича, Шутиловича, в селах Мотика, Дракулич и Шарговац. В трех последних селах операция отличалась продуманностью всех деталей, так как была спланирована заранее. В них проживало смешанное население — и сербы, и хорваты. Сама бойня началась утром 7 февраля, но села были блокированы еще с вечера.

Вначале усташи вырезали рабочих — шахтеров рудника Раковец, расположенного в районе села Дракулич, в непосредственной близости от него. Ранним утром были убиты все рабочие сербской национальности, которые находились на территории рудника, — всего 36 человек. Они были убиты железными прутьями, без единого выстрела. Затем операция распространилась на села Мотика, Дракулич и Шарговац. Прежде всего усташи, заблокировав эти села, отрезали их от остальных сел. Еще раньше все села этого района были отсечены от города. И здесь усташи, как и в других местах, показали свое настоящее лицо. Они убивали ножами, молотками, топорами, кувалдами. Мужчинам усташи отрезали головы, головы детей рубали пополам.

В доме Джордже Стияковича, в котором в тот день оказалось 36 членов семьи, усташи схватили хозяина и, бросив его на раскаленную плиту, оставили жариться на глазах у всех. Остальных же принялись убивать ножами и топорами. Было убито 34 человека. В живых остались только двое детей, которым были нанесены тяжелые телесные повреждения — Мирко Стиякович и девочка Рада, получившая многочисленные ножевые ранения. Мирко спасся тем, что упал, спрятавшись среди мертвых, а усташи этого не заметили. Их на следующий день взяли к себе братья Пейо и Марко Мартинович, хорваты по национальности. Рада и Мирко дожили до конца войны и сейчас вместе со своими семьями живут в селе Дракулич.

В тот же день крупное преступление было совершено и в доме Пейи Стияковича, где было вырезано и изрублено топорами все живое, обнаруженное усташами в доме и вокруг него. Только благодаря случаю остался в живых сын Пейи — Драгутин, который сейчас живет со своей семьей в Нови-Саде. В доме Пейи в то утро были убиты его сыновья — Станоя, Лазо, Йово и Богдан, а также дочери Драгица и Славица. Было

убито шесть детей сына Станои — Мирко, Велько, Петар, Данило, Новак и Милица, которой не исполнилось еще и шести лет. Кроме шести детей Станои была убита и их мать Даринка. Погибли также и трое детей Лазо — Перо, Мара, Добрила — и их мать Зорка. Кроме упомянутых женщин, была убита сноха Йока и двое ее детей — Деса и Ратко, которому было всего шесть месяцев. Йока была женой Пейи, сына Младжана, находившегося тогда в плену, куда он попал будучи солдатом. Старую Зорку смертельно ранили несколькими ударами ножа в грудную клетку и голову, но она долгое время находилась в сознании. Резню в доме Пейи Стяковича наблюдал его сын Драган, который тогда был мальчиком. Он спрятался под кровать в тот момент, когда усташи входили в дом. Он единственный из всей семьи, кто пережил эту трагедию, когда всего за 10 минут было вырезано и изрублено 21 человек. После того, как усташи покинули дом, отправившись продолжать резню в соседних домах, Драган в полубеспамятстве выбежал на улицу и понесся вниз к речке. Там он пробыл до вечера. Замерзнув от сильного холода, он стал осторожно пробираться через глубокие сугробы к своему дому. Войдя в дом, он увидел ужасающую картину. До этого у него не было полного представления о совершенном преступлении. Он застал мать Зорку и еще пять человек полуживыми. Мать была в полном сознании, и Драган вскипятил ей молоко. Она пила его вместе с двумя детьми, которые были в несколько лучшем состоянии, чем остальные.

Драган в ужасе бросился к соседнему дому, где жила семья Цвийи Стяковича. Войдя в дом, он увидел трупы членов трех семей (семей родных братьев Цвийи — Или и Николы), которых усташи зарубили топорами. В доме было вырезано 18 человек. Детям же усташи не только отрубили головы, но и рассекли их пополам. Медленно идя от дома к дому, Драган обнаружил еще двух оставшихся в живых детей. Ими оказались Даница Стякович — тринадцатилетняя дочь Цвийи, и Джуре Славко Стякович, того же возраста. Он получил тяжелые раны топором по голове, две ножевые раны и вскоре скончался.

Несмотря на горе и страх, охвативший Драгана, эта встреча, а также встреча с еще несколькимицелевшими людьми несколько ободрили его. Как более

старший по возрасту по сравнению с Даницей и Славко и к тому же не получивший ранений, он сделал все возможное, чтобы помочь им. Дети увидели, что группа усташей вновь приближается к их домам. Возглавлял ее Илия Марич по кличке Криворотый, которого Драган знал раньше. Он был их соседом. Усташи обходили дома, грабили имущество убитых ими хозяев, добивали раненых, если они попадались им под руку. Драган с детьми бросился под гору к мельнице, находившейся на реке чуть ниже дома. Усташи открыли огонь, но, к счастью, пули не задели детей. Пробиваясь через глубокие сугробы, они направились по льду замерзшей реки к селу Бистрица и так спаслись. Правда, Славко очень скоро умер от ран. А Даница выжила и сейчас живет в соседней деревне Драгочай. Драган Стиякович, самый старший из них, вступив в ряды народно-освободительного движения, стал партизаном. Его мать и ее внуков добил их сосед Илия и его банда убийц.

В тот же день монах Мирослав Филипович-Майсторович из соседнего села Дракулич приказал отделить в сельской школе детей православных от детей католиков. Построив отдельно школьников сербской и хорватской национальности, он на глазах у них и их учительницы убил ножом дочь Джуры Гламочанина. При этом он сказал: «Именем Бога я перекрещиваю этих выродков, и вы поступайте так же, следуйте за усташами. Я первым принимаю грех на свою душу. Вас я исповедую и отпущу все ваши грехи».

После этого усташи во главе с их предводителем монахом Филиповичем учинили в школе резню, в результате которой в течение нескольких минут в живых не осталось ни одного школьника сербской национальности.

На следующий день, 8 февраля, усташи отправились в соседние сербские села Рамиче, Драгочай и Прияковце. Они не ожидали, что встретят там сильное сопротивление со стороны католического монаха Йозо и других граждан, честных хорватов, решительно вставших на защиту своих соседей сербов. Какой разительный контраст между двумя священнослужителями, представителями святого престола! Монах Йозо защищает людей, Мирослав Филипович приказывает вырезать всех сербов, подавая личный пример усташам, как надо во имя Бога убивать людей. В результате

было уничтожено в тот день 1400 жителей сел Мотика, Дракулич и Шерговац.

В эти дни усташи устроили кровавую бойню и в селе Пискавица. Ужасающие зверства они совершили на хуторах Милошевича, Кевича и Шутиловича. Больше всего пострадала семья Симы Милошевича. Его дом всегда был одним из самых зажиточных на хуторе, многие усташи знали его давно. И вот в течение одного дня усташи жестоко расправились с 12 членами семьи Симы, убив при этом и самого хозяина. В доме Йована Милошевича усташи вырезали всех живых, пригнали сюда еще десятерых соседей, которых тоже прикончили, а дом подожгли. Йово Кевича убили на пороге его родного дома и оставили труп там для устрашения жителей аналогичной расправой. Старушке Марии Милошевич и ее внукам усташи нанесли серьезные ранения, но оставили в живых, чтобы она могла рассказать о случившемся бежавшим из дома жителям, когда они вернутся. Здравке Милошевич (девичья фамилия Кевич) усташи прострелили руку, которой она придерживала дочь Станку, затем они зверски изуродовали их, исступленно твердя при этом: «Смотри, сербская свинья, как умеют убивать парни из Беловара!»

Ее свекровь Джую усташи, ранив ножом, бросили на снег рядом с убитым ими мужем Миланом. Она еще дней десять боролась со смертью. В тот день в семье Шушняр усташи убили Глишу, Остою и Милю. Трупы усташи бросили в загон к голодным свиньям, и от них остались только кости.

То, что произошло с Раданом Милошевичем, заслуживает отдельного рассказа. У Радана был брат по имени Велимир. Надеясь спастись от смерти, братья устремились на хутор Шутиловича вместе со своими единственными сыновьями — Небойшей и Ерком. Объятые ужасом, они прибежали туда, не подозревая, что и там свирепствует бойня. Попав, так сказать, в самое пекло, они стали сбивчиво умолять усташей оставить в живых хотя бы сыновей. Усташи же ответили, что они получают особое удовольствие, когда режут единственных сыновей на глазах отцов. Всех четверых они лишили жизни не торопясь, вначале убив на глазах у отцов сыновей.

В тот день в нескольких хуторах усташи уничтожили сыне 150 жителей. Остойе Шутиловичу они выстрелили

в затылок. Пуля прошла насквозь. Они думали, что он умер, но Остоя прожил еще более 20 лет. В селе Драксенич, расположенном по ту сторону горы Козара, усташи в тот день также совершили преступление. Они убили в церкви этого села 64 человека. Всего же в селе тогда было убито 366 ни в чем не повинных жителей. Полностью были уничтожены некоторые семьи, как, например, семья Петраковича, состоявшая из 18 человек, Грабоваца — из 16 человек, Маринковича — из 11 человек и Бабица — из 9 человек.

За год до этого, в августе 1941 года, из села Пискавица было угнано в село Иваньска более 60 человек, которых там убили. В основном это были люди более образованные по сравнению с остальными жителями — студенты, учащиеся, лесники, железнодорожники, писари, торговцы, владельцы магазинов и закусовых. Усташи вместе с католическими священниками пригласили всех наиболее влиятельных жителей села Пискавица на церемонию перекрещивания в католическую веру, которая должна была состояться в канцелярии общины. По окончании этой церемонии усташи стали плевать в рот этим старым и уважаемым жителям и заставлять их глотать плевки, поскольку, по их словам, только так они смогут стать настоящими католиками. Те вынуждены были повиноваться. Сгорая со стыда, они решились рассказать об этом другим.

Алекса Бранкович, глава многочисленного семейства, встретив усташей, сказал им, что он перешел в католическую веру, и в доказательство этого подтвердил, что глотал плевки усташей. Один из усташей, похвалив его, сказал, что сейчас он покажет, как настоящий католик убивает католика. Алекса Бранкович разделил участь других жителей села, которых не миновал нож усташей».

ФАБРИКИ СМЕРТИ

ПАГ. Лагерь на острове Паг был усташским лагерем в Хорватском приморье. В шести километрах от лагеря располагался итальянский гарнизон численностью в 150 человек. Заключенные прибыли на Паг из концентрационного лагеря в Госпиче в конце июня 1941 года. Усташаи приказали им построить бараки и обнести лагерь колючей проволокой.

Лагерь находился в двух местах: в Слани и в Метайне. В Слани содержались взрослые мужчины, в Метайне — женщины и дети. Лагерь в Слани был разделен на две части. В северной части содержались главным образом сербы и в меньшем количестве хорваты, в южной части — только евреи. Заключенные жили в тяжелейших условиях в недостроенных бараках, из-за отсутствия настила спали на голых камнях. Многим не хватило места в бараках, и они спали под открытым небом. Пищи узникам давали ровно столько, чтобы они не умерли с голоду, хотя им приходилось выполнять тяжелые работы и трудиться более 12 часов в сутки. Многие болели, были истощены от голода и непосильной работы. И тех, и других усташаи сгоняли в место, которое называлось Фурнажа, там их убивали и сбрасывали в ров.

Усташаи часто собирали всех заключенных и предлагали тем, кто желает, перевести их в другой лагерь или в больницу. Этих людей они забирали ночью и после страшных издевательств убивали недалеко от лагеря.

Иногда на так называемых общих сборах в лагере усташаи вызывали несколько узников, говорили, что они свободны и могут отправляться по домам, приказыва-

ли немедленно идти собирать вещи. А потом, после зверских пыток, убивали их на Фурнаже или пагском проливе.

На Фурнаже усташи сбрасывали в пропасть и живых людей. Одному из узников удалось увлечь с собой двоих палачей. Фамилию этого храброго человека установить не удалось. Усташи погружали группы узников на суда, говоря им, что их переводят в другие лагеря или отправляют на волю. Потом в море они проволокой связывали им руки за спиной, вешали на шею камень и выбрасывали за борт. В этом особенно отличился Макс Очич, комендант лагеря в Метайне, усташский взводный из Загреба.

Не проходило и дня, чтобы усташи не совершали в Метайне изнасилования. Католический священник с острова Пага Любо Магаш приезжал каждое воскресенье в лагерь и насиловал узниц. Он хвастался перед своими знакомыми, как они вместе с усташом Павицей изнасиловали восемнадцатилетнюю еврейскую девушку, а потом убили ее. Часто после изнасилования усташи распарывали ножом женщине живот и грудь до самого горла.

Усташ Иван Бадурин рассказывал в закуской, как он режет и убивает людей: «Трудно зарезать первых трех-четырёх, а потом уже идет как по маслу».

ИВАН ФЕСТИНИ, владелец закуской на Паге, выступавший в качестве свидетеля, показал:

«Сразу же после создания лагеря в Слани в мою закускую стали заходить усташи из лагерного гарнизона. Они пьянствовали и сорили деньгами. Однажды вечером в июле, точную дату не помню, усташ Мараш Мартин, по прозвищу Жицар, рассказывал, как он убивает в лагере женщин, как он им, живым, отрезает груди, и что нет ничего прекрасней этого, надо только привыкнуть. Такими жуткими преступлениями хвастались и другие усташи. Один из них, имени которого я не знаю, хвастался передо мной и присутствовавшими усташами, как он распорол живот беременной женщине, вытащил плод, а на его место запихнул живого трехлетнего ребенка, а затем сбросил их в ров. Он рассказал, где на Фурнаже находится этот ров. На следующую ночь я в лодке переправился на Фурнажу и убедился в правдивости его слов».

Многие другие усташы также публично хвастались на Паге, что они убивают женщин, распарывают им животы, а затем стягивают их проволокой. При этом они показывали окровавленные ножи.

Иван Девчич, по прозвищу Пивац, один из самых кровожадных усташских палачей, развлекался тем, что, построив обнаженных узниц лагеря, стрелял из револьвера им в груди.

Усташы убивали узниц и в Метайне, сбрасывая их затем ночью в море. И хотя лагерь в Метайне был расформирован в августе 1941 года, большие пятна крови на стенах и полу можно было увидеть и в ноябре 1943-го.

По указанию из Загреба в середине августа 1941 года началась ликвидация лагеря. Комендант Иван Девчич за несколько дней до 15 августа, покупая в местечке Паг фасоль для узников лагеря, говорил: «Последний раз покупаю, больше мы с ними не будем мучиться».

Ликвидацию лагеря усташы начали 15 августа. Это заняло несколько дней. Часть заключенных была убита на Фурнаже, другая — большая часть — утоплена в море, а около 3 тыс. сербов было отправлено для уничтожения в Ядовно. В лагере осталось около 450 евреев, мужчин и женщин, которых через несколько дней отправили в другие места: женщин — в лагерь в Крушице, мужчин — в Ядовно и Ясеновац.

Через несколько дней после ликвидации лагеря и ухода усташей с Пага итальянцы эксгумировали и сожгли все трупы.

При проведении следствия нашими властями сразу после освобождения, кроме могил, нельзя было обнаружить другие следы преступлений. Некоторые детали преступлений были установлены на основании показаний свидетелей. Кроме них следственная комиссия заслушала очевидцев эксгумации и сожжения трупов итальянскими войсками. Установлено следующее:

«Массовые убийства на острове совершались в месте под названием Фурнажа. Жертвы закапывали в общих могилах — больших и меньшего размера, но были и отдельные могилы на территории вокруг лагеря.

Большинство общих могил находится в Фурнаже и непосредственной близости от нее. Здесь обнаружены следы трех больших общих могил в форме рвов, кото-

рые были выкопаны итальянскими солдатами. Первая общая могила состоит из 6 продольных рвов, соединенных поперечным рвом. Поперечный ров составляет в длину 56 метров и в глубину 2—3 метра, в ширину — около 3 метров; глубина шести продольных рвов — около 2 метров, длина — до 7 метров. Несколько дальше в направлении моря обнаружены следы еще одного рва длиной 13 метров, 1,5 метра шириной и 0,5 метра глубиной. Несколько севернее от Фурнажи находится еще один ров длиной 19 метров, шириной 5 и глубиной 3 метра».

Согласно показаниям свидетелей Павла Ловрича и Николы Цара, присутствовавших при эксгумации, рвы были доверху заполнены трупами, среди которых были трупы женщин, детей, стариков и взрослых мужчин. Почти у всех жертв руки были связаны за спиной проволокой. Иногда женщины были связаны с маленькими детьми спиной к спине. Предполагается, что это были матери со своими детьми.

Следы на трупах свидетельствовали, что жертвы были или расстреляны, или заколоты ножами, или же убиты ударами тупых предметов. У многих детей незаметно внешних следов повреждений, поэтому делается предположение, что дети были брошены в ров живыми и там задохнулись.

Павел Ловрич видел труп женщины с распоротым животом, стянутым проволокой. В животе находился ребенок около 6 месяцев. В другом месте он видел труп женщины, связанной с 4 детьми, один из которых в предсмертной агонии схватил зубами мать за ногу выше колена и в таком положении скончался.

Свидетель Иво Билич видел труп женщины, живот которой был распорот, а в нем находился ребенок; второго ребенка мертвая женщина сжимала в руках. Были также трупы молодых обнаженных девушек с отрезанными грудями; у большинства из них по всему телу виднелись следы ножевых ран или ударов тупым предметом.

Донесение об эксгумации командира итальянского санитарного отряда, поручика санитарной службы д-ра Санте Стации директору санитарного отделения V армейского корпуса от 22 сентября 1941 года подтверждает приведенные выше показания свидетелей.

«После удаления всех камней осторожно, слой за

слоем, лопатами была снята земля по всей длине могил на глубину от 5 до 20 сантиметров. Показались руки, часто связанные, ноги — босые, иногда обутые, лица или затылки.

При подобном способе захоронения появление частей тела или голов из земли все же является исключением, хотя мы часто сталкивались и с этим, так как почти всегда после удаления земли наталкивались на слой камней, которыми придавливали трупы и которые необходимо было убрать, прежде чем приступить к эксгумации трупов.

Мы попытались разобраться, почему сверху находятся камни, и, проведя эксперимент на еще неиспользованной части кладбища, пришли к выводу, что захоронение совершалось следующим образом: людей со связанными верхними конечностями или связанных по двое-трое ставили на груды земли, выброшенную из рва при выкапывании, и они падали в ров, сраженные автоматной очередью или смертельно раненные холодным оружием. В тот момент, когда смерть еще не наступила, что весьма вероятно, так как подтверждается и положением трупов, с обеих сторон рва сбрасывались крупные камни, которые увлекали за собой землю. Таким образом захоронение осуществлялось с минимальными усилиями и очень быстро. Тот факт, что закапывали смертельно раненных, но еще живых людей, подтверждается искаженным и трагическим выражением лиц большинства трупов.

Извлекать трупы было очень трудно, поскольку они лежали беспорядочно. Одних бросили головой вниз, других — в согнутом положении, руки и ноги одних трупов переплелись с конечностями других, некоторые были связаны друг с другом и лежали в самых невероятных позах.

Иногда трупы были навалены друг на друга по пять слоев, в других местах их было меньше, в зависимости от глубины рва, имевшего каменистое дно. Почти у всех мужских трупов руки и ноги были связаны. Вблизи ямы валялись гильзы от пулеметных патронов, но на многих трупах, которые еще хорошо сохранились, можно было обнаружить смертельные раны на груди, спине, шее, нанесенные холодным оружием... У одной молодой женщины ножом были полностью отрезаны груди. В двух ямах были обнаружены только трупы женщин

с детьми, в других же ямах — вперемешку трупы мужчин, женщин и детей.

Состояние трупов было неодинаковым в разных зонах, так как захоронения осуществлялись в разное время. Вынув труп, мы клали его на носилки, переносили к костру и сжигали. Одного костра хватало для сжигания около 20 трупов. Из-за разложения некоторых трупов, уже взявшихся землей, сжигание шло медленно, но было полным, так что не оставалось ничего, кроме пепла.

Так был сожжен 791 труп, в том числе 407 — мужских, 293 — женских и 91 — детский в возрасте от 5 до 14 лет. Среди них был и грудной ребенок в возрасте около 5 месяцев.

Человек, помогавший мне в поисках мест погребения, которые надо было привести в порядок, сказал, что большинство депортированных в лагерь Слани было сброшено в море с привязанными к шее камнями, а многие покончили с собой, бросившись в воду...»

ИВАН ФЕСТИНИ:

«На праздник Успения в 1941 году в мою закускую утром зашли несколько усташей, охранявших лагерь. Среди них были и Мараш Мартин и Фачини Векослав. У всех у них были видны следы крови на одежде, сапоги и руки были запачканы землей. Они говорили между собой: «Да, сегодня ночью было много крови. Прикончили около 700 сербских и еврейских паразитов»».

Йосип Даткович слышал об этой бойне от усташа Луки Варичевича, который рассказывал, как маленькие дети, рыдая, умоляли его: «Дядя жандарм, прошу тебя, не убивай нас».

В то же утро на праздник Успения, как показал свидетель Юре Персен, в местечко Паг прибыло около 60 усташей. Они хотели унести из городской церкви статую богородицы. В церковь усташаи ввалились с оружием, в окровавленной одежде, на их ножах были видны следы крови. Это вызвало среди населения города сильное негодование и протесты, поэтому они вынуждены были отказаться от своего намерения.

Большинство интернированных было утоплено в море, непосредственно в Велебитском проливе, вдоль пагского побережья. Связанных и избитых заключенных

грузили на корабли, а потом выбрасывали в море. Пагские рыбаки еще долго после этого вылавливали трупы сетями.

Около 30 усташских палачей участвовало в массовых убийствах за плату 100 кун в час. Свидетелю Юраю Персену рассказал об этом усташ Дуге Касторич из Пага.

Ночью с 19 на 20 августа усташаи свернули лагерь на Паге, а оставшихся в живых узников увели с собой.

Усташский палач ЙОСО ОРЕШКОВИЧ рассказал на допросе о себе и о событиях в лагере Слани:

«Еще будучи учеником шестого класса гимназии в Госпиче, в 1939 году я вступил в религиозную организацию «Крестоносцы», где якобы для того, чтобы привить религиозные чувства, нас воспитывали в усташском духе. На собрания к нам приходили Юрица Фркович и Юцо Рукавина, которые читали нам лекции, имевшие антисербскую и антикоммунистическую направленность. Нашим лозунгом было: «Во имя Христа убей антихриста!» Антихристами были евреи и коммунисты. Мы сформировали и свою ударную группу, которая по ночам совершала вылазки против людей, придерживавшихся левых взглядов. Когда вспыхнула война и югославская армия развалилась, мы участвовали в ее разоружении. Мы сразу же вступили в ряды усташских формирований, поскольку считали это своим национальным долгом. Меня и еще некоторых уроженцев Госпича направили в лагерь Слани, расположенный на острове Паг. Среди его узников были преимущественно евреи, сербы, а также прогрессивно настроенные хорваты. По прибытии в лагерь меня поразило то, как издевались там над заключенными. Они спали под открытым небом на территории лагеря, обнесенной колючей проволокой. Кормили их только соленой рыбой, не давая при этом воды, из-за чего многие сошли с ума от жажды. В это время прибыла новая партия узников. Наши командиры приказали нам отобрать 200 заключенных, отвести их к морю и уничтожить. Я и некоторые мои товарищи не смогли этого сделать. Нас ругали, высмеивали, какие же, мол, вы хорваты и усташаи. Говорили, что тот не усташ, кто не может с улыбкой убить серба, еврея и коммуниста. Чтобы приобщить нас к убийствам, нам, юношам, давали вино и ликер. Подво-

дили к нам девушек из числа заключенных, раздевали их догола, говорили, что можем взять любую, но после полового акта должны убить ее. Так некоторые юноши, опьяненные вином и страстью, начали убивать. Я не смог пойти по этому пути. Я испытывал отвращение и откровенно сказал об этом.

Через несколько дней в лагерь прибыл высокопоставленный начальник из Загреба по фамилии Лубурич для ознакомления с тем, как функционировал лагерь. Только тогда началась настоящая бойня. Море вокруг острова Паг стало красным от крови. Лубуричу доложили, что я и еще несколько юношей отказываются убивать. Лубурич собрал всех усташей, построил нас и произнес речь, в которой подчеркнул, что тот, кто не может убивать сербов, евреев и коммунистов, предатель усташского дела. Затем он спросил, где усташа, которые не могут убивать? Вперед вышел я и еще несколько человек. Поскольку я оказался ближе всех к Лубуричу, он подозвал меня и спросил, какой же я усташ, если не могу убить серба и еврея. Я ответил, что готов отдать в любой момент жизнь за поглавника, думаю, что могу убить врага в бою, но не могу убивать безоружных людей, особенно женщин и детей. Он рассмеялся в ответ и сказал, что это — борьба и что сербы, евреи и коммунисты не люди, а звери, и что наш долг очистить Хорватию от этой чумы, а кто не хочет этого, тот такой же враг поглавника и Хорватии, как и они. При этом он подозвал человека из своего сопровождения и что-то шепнул ему. Тот ушел, через некоторое время, вернувшись, принес двух двухлетних еврейских детей. Лубурич передал мне одного ребенка и приказал убить его. Я ответил, что не могу сделать это. Все вокруг дружно засмеялись, стали издеваться надо мной, выкрикивать: «Ты усраш, а не усташ!» Лубурич вынул нож и убил на моих глазах ребенка со словами: — Вот как это делается!

Когда ребенок закричал и брызнула кровь, голова у меня закружилась и я чуть не упал. Один из усташей поддержал меня. Когда я немного пришел в себя, Лубурич приказал мне поднять правую ногу. Я поднял, и он положил под нее второго ребенка. Затем скомандовал: — Бей!

Я ударил ногой и разбил ребенку голову. Лубурич подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал:

— Браво, из тебя еще выйдет хороший усташ!
Так я убил первого ребенка. После этого я смертельно напился и вместе с другими насильничал девушек-евреек, после чего мы их убивали. Потом мне уже не надо было напиваться. Позже, когда лагерь Слани был ликвидирован и все его узники уничтожены, меня послали в район Кореници для проведения операции по очищению его от сербов».

«ДАНИЦА». В местечке Дрне возле Копривницы в помещении фабрики «Даница» 29 апреля 1941 года был создан первый усташский концентрационный лагерь. В нем сразу разместили первую партию интернированных лиц. Уже в середине мая в лагере было около 3 тысяч заключенных. На протяжении всего существования этого лагеря их постоянно переправляли отсюда в другие лагеря, но в среднем количество узников в нем составляло около 3 тысяч человек. В основном это были сербы, имелись и хорваты; евреев насчитывалось около 500 человек.

Питание в лагере было очень скудным; на 10—14 узников в день выдавали не более 1 кг хлеба. Если бы узники не подкармливались на стороне, они бы умерли с голода.

Обращение с заключенными было крайне жестоким.

Свидетель д-р ФРАН ПРАУНСПЕРГЕР:

«Издевательства и избиения, сопровождавшиеся нанесением тяжелых телесных повреждений, были повседневным явлением. За всю свою врачебную практику, начиная с 1929 года вплоть до того времени, как попал в лагерь, я никогда не видел столько тяжелых травм, как в эти месяцы.

Однажды в лагерь прибыла партия узников, кажется, из Сараева. Принимал их комендант лагеря Горман, который был крепко выпивши. Среди прибывших узников находился заключенный, обвинявшийся в том, что он обругал матерными словами поглавника, но суд его якобы оправдал. Несмотря на это, в «Данице» его сильно избили, выбили зубы, рот был полон крови. Когда Горман спросил его, действительно ли он обругал матом поглавника, тот не мог говорить. Стоявший рядом с ним служащий почтового отделения подтвердил это. Горман тут же выхватил пистолет и выстрелил

заключенному в голову. Когда несчастный рухнул на землю, подбежавший начальник канцелярии Хорват выстрелил в лежавшего на земле уже мертвого узника еще пять-шесть раз из револьвера».

МАТО БУТКОВИЧ:

«Во второй половине июля в лагере находилось около 9 тыс. узников. Среди них было много женщин и детей. Я случайно оказался среди сербов и евреев.

Обращение с узниками в лагере было нечеловеческим. Так, например, охрана лагеря каждый вечер делала обход готовившихся ко сну узников, избивая уже лежавших людей: если кто-либо издавал крик, ему тут же протыкали рот. Подобные зверства повторялись каждую ночь.

В июле 1941 года всех сербов и евреев отправили через Госпич в Ядовно, где они были убиты. Спустя некоторое время оставшихся хорватов отправили в Стара-Градишку и Ясеновац, лагерь же был ликвидирован».

В ночь с 22 на 23 июня 1941 года в сборном пункте в Загребе усташи погрузили на грузовики около 200 арестованных, главным образом евреев, и отправили их в Госпич. Из той группы в Госпиче было отобрано 25 человек, которых переправили в Ядовно на горный массив Велебита.

ЯДОВНО. «Заклученные, прибывшие первыми, построили в густом лесу лагерь Ядовно. Вскоре начали прибывать одна за другой группы узников, в основном сербов. Усташи сразу же начали уничтожать заключенных. Их убивали вблизи лагеря, на краю пропасти, куда жертвы кидали после того, как их расстреливали, убивали ножом или ударом молота по голове, или же сбрасывали узников в пропасть живыми».

Ядовно был лагерем смерти, куда усташи привозили жертвы из других лагерей. Заключенных зачастую даже не заводили на территорию лагеря, а сразу же отправляли непосредственно к месту уничтожения, к пропасти. Из показаний свидетелей следует, что в Ядовно разными способами было уничтожено около 10 тыс. человек.

1 августа 1941 года, отправив часть заключенных в другие лагеря, усташи ликвидировали Ядовно, уничтожив оставшихся хорватов, сербов и евреев.

СЛАВКО РАДЕЙ:

«Связанных друг с другом проволокой узников поставили на краю обрыва; первого столкнули в пропасть, остальных он увлек за собой. Усташи бросали им вслед гранаты. По словам одного из местных жителей, в течение нескольких дней после этой страшной бойни из пропасти доносились стоны. Я уверен, что ни одному из еврейских юношей, отправленных в Ядовно и на остров Паг, спастись не удалось...»

Нападение Германии на СССР вызвало в «НГХ» усиление террора против сербов, евреев и хорватов-антифашистов. Сигналом послужил изданный Павеличем чрезвычайный закон от 26 июля 1941 года, гласивший:

«Поскольку евреи распространяют клеветнические измышления с целью вызвать волнения среди населения, затрудняют своими спекулятивными махинациями снабжение народа, они несут за это коллективную ответственность, ввиду чего против них следует предпринимать соответствующие меры: помимо уголовно-правовой ответственности, которую они должны нести наряду с остальными, их будут содержать в сборных пунктах под открытым небом в качестве заключенных».

Свое отношение к евреям выразил и Артукович в заявлении германской газете «Ди дойче цайтунг ин Кroatien». Он дал твердое обещание, что его министерство «вскоре решит еврейский вопрос так, как его решило германское правительство».

Реакции на эти установки не пришлось долго ждать. Так, из Винковцев поступило 366 «предложений о принудительном заключении в лагеря», исходивших от руководства городской полиции. Эти предложения, снабженные одинаковым текстом, включают фотографии, личные данные и отпечатки пальцев 366 евреев, отправленных в лагеря. Упомянутый текст гласил:

«Предлагается загребскому управлению усташской службы надзора вынести в отношении соответствующего лица решение о принудительном заключении в лагерь сроком на 5 лет.

Основание: установлено, что все евреи города Винковци содействовали распространению слухов, что они ненавидят страны оси, а тем самым и само «НГХ». Установлено, что евреи, их жены и дети повышают

цены на продукты питания и тем самым обманывают наше хорватское население. Их поведение слишком аморально в прошлом и в настоящее время. Вследствие всего вышесказанного, такого-то присудить к принудительному заключению и работе в лагерях».

Массовые аресты начались в конце июня 1941 года. В некоторых городах, таких, как Загреб, аресты проводились в алфавитном порядке. В ряде населенных пунктов арестовывали сначала мужчин, а затем женщин и детей. Во многих провинциальных населенных пунктах за одну ночь были арестованы все евреи. Интернирование производилось весь 1941 год и в течение весны 1942 года.

Летом 1942 года председатель районной управы в Винковцах Иван Толь «очистил» Срем от евреев. Арестовав всех евреев, он поместил их на поле спортклуба «Цибалия».

После этого наступило относительно затишье до мая 1943 года. Но и в этот период на территории Хорватии людей арестовывали, заключали в тюрьмы, направляли в лагеря, уничтожали. К апрелю 1943 года на свободе осталось незначительное число евреев. Из 25 тысяч евреев, проживавших на территории Хорватии и Срема, к тому времени около 2 тысяч эмигрировало, а около 17 тысяч томилось в немецких и усташских лагерях или было убито.

И хотя усташей нельзя было упрекнуть в том, что они недостаточно радикально решали «еврейский вопрос», немцы все же были недовольны, что около 5 тысяч евреев находилось еще на свободе. Они требовали от усташей, чтобы все остальные евреи были уничтожены или же переданы им для ликвидации.

Это требование было выполнено. В течение мая 1943 года усташа арестовали около 1700 евреев в Загребе и около 2500 в других местах на территории «НГХ», передав их немцам, которые отправили их в свои лагеря, преимущественно в Освенцим.

АЛЕКСАНДР БЕНАК, бывший в то время «советником» министерства внутренних дел «НГХ»:

«...Мне стало известно, что в конце апреля немецкая миссия в Загребе потребовала, чтобы оставшиеся в Хорватии на свободе евреи были арестованы и заключены в лагеря. С этой целью у главного управ-

ляющего Црквенковича было проведено совещание, на котором присутствовали представитель германской миссии гауптштурмфюрер СС Абрумейт, со стороны главного управляющего д-р Майич в качестве советника политического отдела и я как переводчик. На совещании было дано принципиальное согласие главного управляющего на эту акцию и определены меры, призванные обезопасить евреев, состоящих в смешанных браках, а также тех, которые были нужны как специалисты в экономике и в других сферах общественной жизни. Таким образом в присутствии немецкого представителя был составлен список жителей города Загреб, не подлежащих арестам. Позднее он дополнялся и исправлялся...

Насколько мне известно, арестованные евреи со всего Загреба должны были быть согнаны на сборный пункт и направлены оттуда в Германию, в концентрационные лагеря. Упомянутый Абрумейт должен был организовать их погрузку в Загребе и доставку в Германию...»

После этого на свободе осталось еще около 1300 евреев, из которых около 1 тыс. человек находились в смешанном браке, а остальные либо скрывались, либо как специалисты находились под защитой властей.

Часть из них с мая 1943 по май 1945 года была арестована и уничтожена.

Аресты производились при облавах, когда усташы, неожиданно заблокировав отдельные улицы, хватили каждого попавшегося под руку еврея, которых они узнавали по еврейскому знаку на одежде. Чтобы охота была более успешной, усташских агентов вознаграждали за это особо: за каждого арестованного еврея им выплачивали в виде премии по 100 кун.

Схваченные на улице люди исчезали, и их родственники не знали, что с ними. Только спустя какое-то время в отношении отдельных лиц становилось известно, что их расстреляли «в порядке возмездия» или же они находятся в лагере.

От арестов и заточения в лагеря не были застрахованы ни женщины, ни дети, ни старики, ни больные. Больных уносили на носилках и, как правило, убивали во время транспортировки или по прибытии в лагерь.

При массовых арестах людей свозили в так называемые сборные пункты. Они имелись во всех более или менее крупных городах. В сборных пунктах, обнесенных колючей проволокой, люди вынуждены были спать на бетонных плитах или на земле под открытым небом.

Усташские охранники издевались над арестованными, помещенными в эти пункты. Большая часть евреев прошла через сборные пункты Загреба и Госпича. Отсюда узников отправляли дальше.

В Госпиче при посадке женщин и детей в грузовики было совершено страшное преступление. Как-то еврейка попросила усташа подать ей ребенка в грузовик. Усташ проткнул ребенка штыком и передал его матери.

ЛИДИЯ РОЗЕНБЕРГЕР так описывает свою поездку из Госпича в Крушчицу:

«...В конце августа 1941 года нас, около 800 человек, отправили в закрытых вагонах в Ястребарско. К нашему составу присоединили вагоны с женщинами из лагеря Паг — еврейками с детьми — всего около 100 человек. Переезд в Ястребарско был настоящей мукой. В вагоны, предназначенные для перевозки скота, затолкали по 50 человек. В течение двух дней, пока мы ехали, вагон был закрыт, так что мы не получали ни пищи, ни воды, а нужду справляли в самом вагоне...

Уже 2 сентября 1941 года нас, всего около 300 человек, отправили в лагерь Крушчица. Ехали мы так же, как и из Госпича в Ястребарско, с той лишь разницей, что на этот раз вагоны были закрыты четыре дня, и ровно столько дней нам не давали ни пищи, ни воды».

АНИЦА ЭРЕНФРОЙД-ПОЛИЧ:

«На станции Ясеновац наш состав стоял целую ночь. Эта ночь была самой тяжелой за все время нашего пребывания в заключении. Тот же босниец, которого я упоминала, рассказывая о лагере в Слани, ворвался в наш вагон вместе с другими усташскими бандитами, держащими ножи в зубах. Они перевернули вверх дном весь наш багаж и унесли все, кроме самой необходимой одежды.

В ту же ночь, после упомянутого мародерства, в наши вагоны вновь вломилась бандиты. Освещая ручными фонариками узниц, они выбирали тех, кто помоложе и по красивее, и уводили их в пустой вагон. Всю ночь оттуда доносились крики, взывавшие о помощи, и плач несчастных женщин, изо всех сил сопротивлявшихся бандитам, которые всю ночь издевались над ними, избивали их. Наутро эти женщины все в синяках от побоев вернулись в вагоны, ничего не говоря о случившемся, так как бандиты пригрозили им смертью».

Из общего количества евреев (14 тысяч человек), проживавших до войны в Боснии и Герцеговине, в период оккупации было уничтожено около 12 тысяч. В некоторых небольших населенных пунктах Боснии и Герцеговины евреев не депортировали, а убивали в ходе погромов, в лагерях, в различных местах их ликвидации.

В то время как на территории Хорватии массовое интернирование евреев началось уже в конце июня 1941 года, в Сараеве первое массовое интернирование проводилось только в сентябре, но начавшись, осуществлялось такими темпами, что уже к началу 1942 года большинство сараевских евреев находилось в концентрационных лагерях.

В полночь 3 сентября 1941 года в квартиры евреев, проживавших в центре города, ворвались полицейские агенты, которые приказали им приготовиться для отъезда в лагерь, дав лишь несколько минут на сборы.

Они забирали и старых, и больных, и даже детей, в том числе грудных. Плач и крики разносились по улицам, когда усташки уводили евреев в лагерь в Крушицу.

Эта акция была проведена с целью освободить квартиры для размещения «Черного легиона»¹ Францетича.

¹ «Черный легион» — элитный усташский полк, сформированный из усташской клеро-фашистской молодежи, где культивировался «рыцарский дух крестоносцев» и звериная ненависть к иноверцам. Отличался невероятными жестокостями против мирного населения. Его командира Ю. Францетича усташская пропаганда возвела в ранг «величайшего национального героя» и славил его подвиги. Гибель этого усташского «рыцаря» в боях с партизанами в 1943 году была отмечена по распоряжению архиепископа Степинаца специальной заупокойной службой в загребском кафедральном соборе.

Через три или четыре дня вновь была проведена операция по интернированию евреев, в результате которой несколько сот мужчин, женщин и детей было отправлено также в Крушчицу.

Этот лагерь находился в заброшенном имении Гутмана в местечке Крушчица, в 17 км от Травника. Первые партии заключенных стали прибывать в Крушчицу с 28 августа по 1 сентября 1941 года. Среди прибывших было около тысячи человек, в основном еврейских женщин и детей из лагеря на острове Паг и из различных сборных пунктов, а также небольшое число эмигрантов-евреев из Германии и оккупированных немцами стран.

Вскоре после этого прибыло несколько партий евреев из Боснии, а также партия сербских женщин и детей из Герцеговины, в результате чего число интернированных в начале сентября увеличилось до 3 тысяч человек. Часть заключенных была размещена в двух зданиях, по 80 человек в комнате, большинство же было помещено в недостроенные бараки. Эти бараки не имели ни окон, ни крыши, ни пола, заключенные лежали прямо на земле. Единственное, что они получали из еды, это три-четыре кусочка картофеля, плававшего в воде.

СЕРАФИНА ЭНГЕЛЬ:

«Питание было очень скудным. Пищу мы получали один раз в день, причем нерегулярно, и состояла она в основном из одной картофелины на человека, поэтому люди, особенно женщины и дети, часто падали в обморок от изнеможения и голода, а были случаи и со смертельным исходом».

АНИЦА ЭРЕНФРОЙД-ПОЛИЧ:

«...Мы вообще не получали еду в течение нескольких дней. Когда же кто-либо из матерей просил коменданта лагеря Мандушича дать хоть что-нибудь поесть их детям, он отвечал: «Чтоб они сдохли!»

Когда узницы болели и у них была высокая температура, на просьбы о медицинской помощи комендант лагеря обычно отвечал: «Хватит, пожила — пусть дышит».

Издевательства и избиения прикладами женщин и детей представляли собой повседневную забаву уста-

шей. Часто усташы врывались по ночам и насильовали молодых женщин и девушек.

В конце сентября началась эвакуация лагерей: мужчины были отправлены в Ясеновац, а женщины и дети — в лагерь в Лобограде. В ознаменование празднования «немецкого дня», которое проводилось в Сараеве 19 октября 1941 года, в ночь с 16 на 17 октября было осуществлено массовое интернирование евреев. Все они были отправлены в военный лагерь. При этом им сказали, что арестовали их временно, чтобы руководитель немецкой народной группы¹ в «НГХ» д-р Алтгайер, прибывший на празднование, «не увидел бы слишком много евреев на сараевских улицах».

«Немецкий день» прошел, но евреев не выпустили на свободу, а 26 и 27 октября около 1400 человек двумя эшелонами отправили в лагерь.

Самые массовые аресты и отправка сараевских евреев в лагерь были произведены в ночь с 15 на 16 ноября 1941 года. При этом усташы забирали всех, кого заставляли в квартирах, независимо от пола, возраста и состояния здоровья.

Облавы продолжались и на улицах.

После непродолжительного пребывания в сборных пунктах арестованных на следующую ночь переправляли в Ясеновац. Эшелон вмещал более 3 тысяч человек. В течение почти 6 месяцев усташы интернировали и отправили в концентрационные лагеря более 8500 сараевских евреев. В начале 1942 года в Сараеве их осталось всего несколько сот.

21 августа были арестованы все евреи Сараева, за исключением 120 человек, легально проживавших в городе в качестве специалистов. 24 августа сараевские евреи были отправлены в немецкий лагерь в Польше Освенцим.

Усташы города Бугойно уничтожали евреев самыми жестокими методами. 2 августа 1941 года они арестовали 12 евреев и отвезли их на грузовиках вместе с большой группой местных сербов в Грачаницу. Здесь, подведя к глубокой траншее, уже заполненной

¹ Немецкая народная группа — немецкое национальное меньшинство в «НГХ», пользовавшееся правами экстерриториальности. Находилось в привилегированном положении, имело свои культурные организации и политическое представительство.

трупам убитых ранее сербов (1900 человек), их убили и сбросили туда же.

Примером жесточайшего злодеяния усташей является убийство Рудольфа Гросса и его сына Нацике. В Грачанице Гросса подвели к траншее, заставили взять сына на руки, а один из усташей сел ему на шею. В то время как отец держал сына, усташ убивал ребенка. Ребенок кричал, плакал, но отец говорил ему: «Умри, сыночек, как герой!» После сына усташа убили и отца.

В Биелине тон задавали немцы-колонисты. Перед облавой на евреев с целью отправки в лагеря эти «представители высшей расы» часто запирали большие группы евреев-мужчин в церкви, держали их там по нескольку дней, жестоко издевались над ними и избивали их. Одновременно они вместе с немецкими офицерами и солдатами врываются в квартиры арестованных, насиловали их жен. По приказу работников культурбунда¹ они приводили под стражей женщин в публичные дома и насиловали их.

В Брчко до войны проживало около 150 евреев. Затем здесь поселилась группа евреев, эмигрировавших из Австрии. Положение евреев в Брчко стало особенно тяжелым после того, как известный своим садизмом палач Вечеслав Монтани стал председателем районной управы. Заступив на должность, он начал арестовывать всех евреев мужского пола.

В начале декабря 1941 года Монтани отправил под охраной 10 арестованных евреев в Гуню, откуда их должны были доставить поездом в лагерь. В тюрьме, а потом в пути их сильно били. Саламон Пенера был так избит и изранен, что, держа в руках кишки, прыгнул с моста в реку Саву и тем самым ускорил свою смерть.

Через несколько дней, 10 декабря, Монтани вместе с усташами из личной охраны поглавника учинил страшное кровопролитие. Они согнали всех евреев в здание гимназии, а затем передали их вместе с находившимися здесь до этого евреями — всего около

¹ Культурбунд — культурно-национальная организация немецкого меньшинства в Югославии, образованная в 1920 году. К концу 30-х годов руководство в ней захватили нацистские элементы, превратившие ее в «пятую колонну» в стране.

340 человек — палачам из 18-й и 20-й сотни личной охраны поглавника, которыми командовал усташский офицер Вентур Баляк. Ночью, которая выдалась очень холодной, по глубокому снегу они погнали евреев, связанных проволокой, к Саве, заставили их раздеться догола, а затем детей на глазах родителей и родителей на глазах детей стали убивать ножами и молотками и бросать в реку.

Прежде чем разделаться со своими жертвами, Монтани и его банда забирали себе их имущество. В Рогатице после прихода туда в начале февраля 1942 года «Черного легиона» Францетича были интернированы все евреи. Их связали проволокой и погнали в Подроманию, и там после страшных пыток убили. Было уничтожено 17 евреев в Подромании и 6 — в Рогатице.

В Подромании жертвы убивал Лонго, мясник из Сараева. Для убийства он использовал так называемый пайпикл, у которого с одной стороны топор, а с другой — заостренный зубец, которым он ударял жертвы в затылок.

Во Власеницу «Черный легион» Францетича прибыл 1 апреля 1942 года. Усташки арестовали здесь всех евреев, мучили их голодом, посылали на принудительные работы. Это продолжалось до 5 или 6 мая 1942 года, затем их отвели к оврагу в место под названием Плоча. Там девушек и девочек изнасиловали, а затем убили и мужчин, и женщин, сбросив их в овраг. Всего в тот день было убито 57 евреев.

В Тузле перед войной жило 315 евреев. 261 человек был заключен в лагерь, в котором все без исключения погибли.

ЛОБОГРАД. Древний замок Лобоград находится в 10 километрах от станции Златар-Бистрица. Он принадлежал обществу «Социальная защита» и до войны использовался в качестве дома для престарелых.

В сентябре 1941 года общество получило от усташей распоряжение освободить помещение замка, так как в нем должен был разместиться концлагерь для 1300 евреев. На возражение общества, что в нем нельзя содержать в нормальных условиях более 300 человек, начальник усташской милиции в Вараждине Божидар Грегл ответил, что ему безразлично, как они размес-

тятся, «пусть подохнут, тогда освободится больше места».

Сразу же после создания лагерь был отдан под управление натурализованным немцам, членам культурбунда.

Через несколько дней в лагерь привезли 1300 узниц, евреек и сербок, в том числе детей в возрасте до 14 лет. Наибольшее количество узниц было из Крушчицы.

О состоянии заключенных по прибытии в лагерь свидетельствует д-р ЯНКО ПАЯС, председатель общества «Социальная защита»:

«...В лагере моим глазам предстала ужасающая картина бедствия и отчаяния, которую я не в состоянии описать. Эти несчастные тогда еще не были распределены по комнатам. Они лежали во дворе, беспомощные, с изможденными лицами, запавшими глазами, безразличным выражением лица, с сухой, покрытой морщинами, шелушащейся кожей — свидетельством перенесенных бедствий и страданий, постоянного патологического страха».

Несколько дней узницы провели под открытым небом и на бетонном полу в замке, затем им сделали в комнатах деревянные трехэтажные нары шириной 40 сантиметров. Таким образом в комнатах удалось разместить по 50—90 человек, в зависимости от размеров помещения. В лагере начал свирепствовать брюшной тиф, а здоровые женщины, находившиеся вместе с больными, вынуждены были терпеть ужасный смрад, исходивший от испражнений, скапливавшихся в параше, стоявшей тут же в комнате.

В лагере была только одна женщина-врач, д-р Милица Кун-Банд, которая самоотверженно ухаживала за больными, насколько это было в ее силах. Впоследствии ее убили в Освенциме.

Питание в лагере было крайне скудным. Родные и близкие заключенных посылали в лагерь много продуктов, но пищу и одежду, предназначенные для узниц, комендант лагеря отбирал и отправлял в Загреб для продажи, а деньги делил со своими сообщниками.

Руководство лагеря обращалось с заключенными очень жестоко. Особенно этим отличались комендант лагеря Карло Хегер, его брат Вилибалд, а также некий Голик, избивавшие узниц и издевавшиеся над ними,

как им заблагорассудится. Однажды Вилибалд Хегер прикладом размозжил голову ребенку, который, играя во дворе, случайно налетел на него.

Комендант лагеря устроил для себя и ближайшего окружения из культурбунда специальную кухню, где узницы готовили изысканные блюда из продуктов, присылаемых для заключенных загребской еврейской общиной. Комендант и надзиратели пировали ночи напролет, заставляя молодых узниц прислуживать им.

Руководство лагеря и надзиратели злоупотребляли своим положением: принуждали женщин к сожительству; насиловали девочек 14—16 лет.

Осенью 1942 года началась ликвидация лагеря. Всех евреек отправили партиями через Загреб в Освенцим, откуда ни одна из них не вернулась.

Молодых сербок отправили на работы в Германию, их судьба неизвестна, пожилых переправили в Сербию.

К концу 1942 года лагерь был полностью ликвидирован, а 200 безымянных могил у ограды лагеря, равно как и страшная судьба евреек, переправленных в Освенцим, и сербок — в Германию, свидетельствуют о преступной деятельности культурбунда, немцев и их усташских прислужников.

ДЖАКОВО. В начале декабря 1941 года комитет еврейской религиозной общины в Осиеке получил приказ начальника полицейского управления Осиека подготовить в течение 5 дней помещения для размещения около 2 тысяч женщин и детей.

Представители комитета исколесили Славонию в поисках подходящего здания и остановились, в конечном счете, на мельнице «Цереале» в Джаково, которая принадлежала епископству этого города.

Полицейское управление области приняло решение использовать мельницу в качестве лагеря.

В первых двух партиях в лагерь Джаково прибыло 1930 женщин-евреек и их детей, а также 5 сербских девушек.

Полицейское управление Осиека назначило начальника лагеря, а всю заботу о его внутреннем распорядке взяли на себя представители еврейской общины Осиека и самих узников.

В начале января 1942 года еврейской общине Осиека стало известно, что в лагерь Стара-Градишка в тяжелом

состоянии прибыла большая партия еврейских и сербских женщин с детьми.

Представители еврейской общины, убедившись в том, что узницы лагеря в Стара-Градишке находятся в отчаянном положении, предложили им перебраться в лагерь Джаково. 18 февраля делегацию принял сам Лубурич. Он сообщил, что разрешает переселение еврейских и сербских женщин с детьми из лагеря в Стара-Градишке в лагерь в Джаково. Зная, что из себя представляет преступник Лубурич, у представителей возникло опасение, что за его «великодушием» что-то кроется, но у них не было иного выхода, кроме как спасти женщин и детей из Стара-Градишки.

24 февраля 1942 года началось переселение. В тот же студёный зимний день около 10 часов вечера прибыло 1200 несчастных женщин и детей. Управление лагеря решило освободить третий этаж мельницы, чтобы разместить основную часть узников из Стара-Градишки, а остальных — в конюшнях соседнего имения, хотя стены там были в трещинах и температура доходила до минус 30 градусов. На третьем этаже в спешном порядке были построены четырехъярусные нары, чтобы хоть как-то решить проблему размещения. Теперь в лагере насчитывалось 3 тысячи женщин и детей.

И хотя были приняты все меры для того, чтобы не допустить контакта между давно и вновь поступившими узницами, тем не менее последствия переселения очень скоро дали о себе знать.

Прибывшие из лагеря Стара-Градишка узницы были заражены сыпным и брюшным тифом. В течение 10 дней инфекция поразила 3 тыс. узниц. Эпидемия приняла такой размах, что в день умирало по 6 человек. Теперь стало понятно «великодушие» Лубурича. Зная, что женщины лагеря в Стара-Градишке больны сыпным тифом, он хотел, чтобы им заразились узницы лагеря в Джаково.

В марте 1942 года в лагерь Джаково из Ясеноваца прибыло несколько усташей во главе с палачами Любо Милошем и Йозо Матиевичем. Они захватили все подходы к лагерю, отстранили полицейскую стражу от несения службы, запретили представителям еврейского комитета доступ в лагерь. Комендантом лагеря был назначен усташский прапорщик Йозо Матиевич.

Положение в лагере стало невыносимым. Начался голод. Усташи изымали все продукты питания, которые поступали от еврейских общин Загреба и Осиека, и продавали их. При обходе лагеря, вооруженные резиновыми дубинками и тяжелыми палками, они без всякого повода избивали женщин и детей.

АНТУН МИЛЛЕР:

«Мы с отцом были в огороде. Наш дом находился по соседству с мельницей «Цереале». Вдруг мы услышали крики и собачий лай.

Через щель в заборе мы увидели бегущего из лагеря мальчика 10—11 лет, за которым гналась овчарка. Собака догнала ребенка, впилась в него зубами и вырвала кусок мяса. Он кричал, плакал и бежал. Во дворе собака вновь догнала его и вырвала зубами еще кусок мяса.

Это заметил один из усташей и, схватив ребенка за руку, потащил в помещение склада. Потом мы услышали, как ребенок кричал и звал на помощь, но все тише и тише, пока совсем не умолк. Все это видела мать ребенка. Когда он кричал в здании склада, мы слышали также лай собаки и звук гармошки, на которой играл усташ Рупчич. Все это продолжалось около часа».

ЮРАЙ КЕЗИЧ:

«...18 июня 1942 года я снова поехал в Джаково, где мне надо было провести дезинфекцию вещей и помещений. Фела Папо, заключенная родом из Сараева, рассказала мне о том, как усташи издевались над пожилой женщиной, которая должна была вырывать золотые зубы у умерших женщин и отдавать их усташам. Когда умерла ее тетка, женщина отказалась вытаскивать у нее зубы.

Усташи долго били ее, а потом закрыли в сарае во дворе. Ей связали руки и ноги и всунули горящую свечу в промежность. Вскоре она умерла от ожогов...»

В лагере было много красивых девушек и молодых женщин. Усташи отобрали самых красивых и распределили их на работу по обслуживанию руководства лагеря, в медпункте, по проведению дезинфекции. При этом они принуждали их к сожительству. Согласно показаниям свидетелей, там находилось 19 евреек и

2 сербки. При ликвидации лагеря, в июле 1942 года, все они были убиты усташами.

В июне 1942 года усташаи начали эвакуацию лагеря, которая происходила с 15 июня по 5 июля, тремя партиями, каждая около 800 человек.

По показаниям свидетелей, женщин и детей отправляли в Ясеновац и в Градине убивали.

В настоящее время установлено, что на кладбище в Джаково похоронено 516 жертв из лагеря. Около 2400 еврейских женщин и детей из лагеря Джаково погребены где-то в районе Ясеноваца.

Евреев из Осиека и его окрестностей пощадили и не подвергали массовому интернированию вплоть до июня 1942 года.

ТЕНЬЕ. В июне 1942 года в Осиек прибыл известный своей жестокостью Иван Толь, которому было поручено осуществить тотальную «чистку» евреев. В течение двух дней при содействии усташей, полиции и натурализованных немцев все евреи были арестованы и переправлены в местечко Тенье.

Поселок в Тенье построили евреи из Осиека на свои средства и своими руками. Усташские власти пообещали им, что в Тенье будет гетто, где они будут жить на свободе. Чтобы придать обману видимость правдивости, они дали еврейской общине письменное подтверждение, зафиксированное в протоколе о переговорах относительно строительства поселка Тенье.

Через несколько дней были арестованы все евреи из близлежащих городов — Доне-Михоляца, Слатины, Нашицы, Джаково...

Таким образом в Тенье и в помещении фабрики «Мурса Милл», которая использовалась для размещения престарелых и больных, было собрано около 3 тыс. человек, в том числе женщин и детей.

14 августа 1942 года в Тенье прибыл эсэсовский офицер из Загреба, по его указанию в течение 24 часов была скомплектована первая партия, состоявшая из 1 тыс. человек, из них около 700 — дети.

Такое количество детей в первой партии объясняется тем, что эсэсовец, видя, как евреи пытаются спасти их, приказал собрать всех детей и включить в первую партию, которая 15 августа была отправлена в Освенцим.

После этого в лагерь Тенье прибыл распорядитель работ из лагеря Ясеновац, усташский подполковник Пицилли. Он выступил перед заключенными с речью, в которой призывал ремесленников и квалифицированных рабочих не ехать в Германию, а добровольно согласиться на переезд в Ясеновац, куда они смогут прибыть вместе с семьями. Он обещал, что там они будут спокойно жить и работать до окончания войны.

Несмотря на прежний горький опыт, узники лагеря поверили этому преступнику. Многие добровольно изъявили согласие поехать в Ясеновац. Их количество так и не удалось установить.

Вторая партия узников была отправлена из Осиека в лагерь Ясеновац 18 августа 1942 года. Там они разделили участь остальных узников: оттуда не вернулся никто.

22 августа 1942 года была отправлена третья партия, чем завершилась депортация евреев из Осиека и его окрестностей.

Кроме евреев, состоявших в смешанных браках, в Осиеке осталось всего 2 или 3 еврея, которые сумели скрыться или про которых усташа забыли.

Заключенных пригнали на вокзал и погрузили в вагоны для скота. В последние два вагона поместили стариков и больных.

В Ясеноваце вагоны отцепили. Тех, кто в них был, никто больше никогда не видел.

Остальные вагоны с узниками были отправлены в Лобоград. Они прибыли туда 24 августа 1942 года, все узники были отданы в распоряжение культурбунда. Часть заключенных сразу же включили в уже подготовленную для отправки в Освенцим партию. Большая часть узников оставалась в Лобограде до отправления в Освенцим 30 августа 1942 года.

Из 3 тыс. евреев, отправленных в августе 1942 года из Осиека в Освенцим и Ясеновац, вернулось всего 10 человек.

ЯСЕНОВАЦ. Ясеновац находится вблизи впадения Уны в Саву, на железнодорожной линии Загреб — Белград. До оккупации население города было в основном сербским. Усташа уничтожили большую часть жителей, а в городе разместили усташский гарнизон.

Первые партии заключенных, состоявшие главным образом из евреев и сербов, были доставлены усташами летом 1941 года в село Крапье, расположенное примерно в 12 километрах от Ясеноваца. Здесь узники построили лагерь, получивший название «лагерь-I».

По мере увеличения числа заключенных на реке Струг, между Ясеновацем и Крапье, был основан «лагерь-II».

Заключенных заставили обнести оба лагеря колючей проволокой, построить сторожевые вышки, бараки, кухни, а также земляные валы вокруг лагерей, так как реки Струг и Сава, разливаясь, затопляли окрестности.

Возведенные на скорую руку земляные валы не выдержали наводнения, вызванного дождями в ноябре 1941 года, и в середине ноября усташа ликвидировали лагерь — I и II и создали новый, получивший название «лагерь-III».

«Лагерь-III» располагался непосредственно с восточной стороны Ясеноваца, на территории бывшего кирпичного завода. С восточной, северной и западной сторон он был обнесен трехметровым забором, а южной его границей служила река Сава.

На территории этого лагеря, кроме барачных для узников, находились также здания, в которых размещались администрация лагеря, мастерские и склады.

Главный склад служил местом, куда усташа доставляли ночью свои жертвы, раздевали их догола, связывали им руки за спиной, соединяли попарно проволокой и перегоняли в Граник — пристань, через которую доставлялись по воде грузы для Ясеноваца. Здесь, на берегу Савы, усташа убивали свои жертвы кувалдой или молотком, распарывали им животы, привязывали к рукам груз и сбрасывали в реку.

Колокольня — так назывался небольшой барак, который усташа использовали для пыток своих жертв. Сюда запирали узников, поступавших в лагерь в 1941—1942 годах. Здесь они сутками ждали, пока им найдут место в бараках или уничтожат.

Все здания лагеря были окружены колючей проволокой. В северо-восточной части находился огромный пустырь, тоже обнесенный колючей проволокой, на котором усташа создали весной 1942 года лагерь под открытым небом. Он был назван «лагерь III-C».

В самом городе Ясеновац, на улице Деметровой, находился «лагерь-IV». Здесь размещались огражденные несколькими рядами колючей проволоки промышленные цеха по переработке и сушке кожи. Этот лагерь узники называли «кожевенный завод».

Перед бегством усташаи, чтобы замести следы своих преступлений, заминировали и подожгли все бараки, здания в лагерях и почти все дома в Ясеноваце.

В течение четырех лет в Ясеновац партия за партией прибывали узники, кто в железнодорожных вагонах, кто в грузовиках, а кто пешком. Не проходило и недели, чтобы большие или меньшие группы узников не собирались перед зданием комендатуры, где усташские конвоиры передавали их коменданту лагеря или его заместителям.

Прием в лагерь каждой новой партии узников был организован таким образом, чтобы с самого начала внушить им страх и ужас. Поэтому уже по прибытии в лагерь их связывали, избивали, а зачастую и убивали одного или несколько узников.

Затем начинался грабеж. Усташаи отбирали у заключенных все, что у них было. При этом каждый из них должен был поклясться, что он сдал все деньги, все ценные вещи и письма и ничего не утаил.

За малейшее нарушение этого требования, случайное или преднамеренное, усташаи наказывали смертью.

ХИНКО ШТАЙНЕР:

«...Вместе со мной в лагерь 18 сентября 1941 года прибыл старик по имени Полёкан. Не успел он сдать свои личные вещи и заявить, что у него ничего больше нет, как усташаи обнаружили у него небольшую сумму денег, зашитую в пальто. Любо Милош тут же на виду у всех дважды ударил его ножом в грудь, и старик упал замертво.

Сдав все вещи и заявив, что они ничего не утаили, узники раздевались догола. После этой процедуры их направляли группами по выделенным для них баракам. В тех случаях, когда в бараках не хватало места, они ночевали на территории лагеря под открытым небом.

Тех арестованных, которых усташаи доставляли в Ясеновац, чтобы ликвидировать, они держали часами, а то и днями голыми и босыми в здании главного склада или в туннеле, либо же под открытым небом, прежде

чем отвести в Граник или в Градину, где их убивали.

Питание, как и всюду в усташских лагерях, было скудным и недоброкачественным. Хлеб давали нерегулярно. Случалось, что узники месяцами не получали ни крошки хлеба».

ДЖУРО ШВАРЦ:

«...Голод свирепствовал все сильнее. Ежедневно умирало около 20 человек. Умерших уносили по шоссе вдоль лесопильного завода на кладбище. Кладбище? Это были просто ямы, забитые голыми телами, слегка присыпанными землей. Захоронения не были обозначены крестом, и по ним ходили. Остальные «кладбища», подобные тем, что возле озера, были уже заполнены. Все захоронения были массовыми... На сербской стороне двора лагеря появлялось все больше скрюченных, ничем не покрытых трупов. Это было результатом «естественной» смерти от голода.

Заклученные спали в бараках, каждый из которых представлял собой огромное деревянное помещение длиной 24 и шириной 5 метров.

В середине барака был проход, а слева и справа от него находились боксы, в которых могло поместиться по 5 человек. Когда прибывала новая партия заключенных, усташа набивали ими боксы до отказа и людям приходилось лежать друг на друге.

Заклученные лежали на голых досках, без соломы, укрывались легкими одеялами. Принимая вновь прибывших узников в лагерь, усташа отбирали у них хорошие одеяла и давали им старые и ветхие. Врачами и медсестрами были сами узники, они старались помочь своим заболевшим товарищам. Поскольку у них не было почти никаких медицинских инструментов и лекарств, помощь, которую они могли оказать, была незначительной.

В результате тяжелобольные быстро умирали, а если наступление смерти задерживалось, усташа, ворвавшись ночью в больницу, выгоняли больных на улицу, уводили их в Граник или в Градину и убивали.

...От холода, голода, недостатка витаминов с людьми происходили странные явления. У некоторых отекали колени, ноги теряли естественную форму. У других ухудшалось зрение, иные слепли, их лица покрыва-

лись старческими морщинами, зубы чернели... Появлялись волдыри на ногах, которые постепенно вскрывались и кровоточили, пока человек не умирал. Кишечными расстройствами страдали все в лагере. И если их не удавалось приостановить в течение первых дней, то неизбежно наступала смерть...

...Барак № 3 назывался «больницей». Как только войдешь внутрь этого барака, в нос ударял трупный смрад. Трупы лежали вперемешку с умирающими, еще живыми людьми. С трудом можно было сразу отличить живых от мертвых, ибо мертвецы лежали с открытыми глазами, как живые, а живые лежали неподвижно, как мертвые. Более подходящим названием было бы не «больница», а «морг». Усташи не оставляли в покое и тех, кто умирал. Они стаскивали их со смертного одра, грузили на машины, отвозили в лес, где убивали. Каждый стремился, насколько это было возможным, не попадать в «больницу», так как самым большим желанием всех узников было умереть естественной смертью. Но поскольку оставаться днем в других бараках запрещалось, то немощным узникам не оставалось другого выхода.

Первые узники лагерей-I и II строили бараки и возводили насыпи, которые должны были обезопасить лагерь от наводнений Струга и Савы. Во время работ усташи избивали узников палками и прикладами, подгоняли их, требуя быстрее поворачиваться — копать землю и носить на насыпь. Если кто-нибудь ослабевал и падал от усталости, его тут же добивали. Из нескольких тысяч узников лагерей-I и II после их ликвидации в лагерь-III прибыло только несколько сот.

Узники лагеря-III работали на его территории и за ее пределами. В лагере были мастерская по изготовлению цепей, кирпичный завод, хлебопекарня, электростанция, лесопильня и подсобное хозяйство. Работали не менее десяти часов в день, без отдыха, поскольку все, что здесь изготавливалось, было крайне необходимо армии оккупантов и усташам. Узники также занимались разгрузкой и погрузкой железнодорожных вагонов, грузовиков и пароходов на реке Саве. Усташские надзиратели ходили по мастерским и придирчиво следили за тем, чтобы никто не отлынивал от работы, не задерживался слишком долго в туалете, работал без перерывов.

Если же усташу казалось, что кто-то из узников «саботирует работу», он избивал или убивал его.

Врачи нередко рекомендовали освобождать от работы больных, старых и немощных, но усташа, особенно подполковник-инженер Пицилли, распорядитель работ в лагере, не очень-то обращали внимание на такие рекомендации. Некоторые усташа получали особое удовольствие от того, что заставляли работать больных, безжалостно их избивая и угрожая пистолетом.

Работа за пределами территории лагеря заключалась в возведении ограды из колючей проволоки, строительстве малой и большой насыпи, большой стены, многочисленных блиндажей и оборонительных сооружений вокруг лагеря, трудились на лесозаготовках, в поле, в подсобном хозяйстве или же в соседнем Яблance. Усташа-конвоиры с помощью прикладов, ножей и огнестрельного оружия заставляли узников работать не покладая рук. Много тысяч заключенных погибли при этом. Часто случалось, что целые группы узников не возвращались в лагерь с этих работ.

Любое свободное времяпрепровождение, попытки отыскать что-либо съедобное в отходах пищи возле кухни, любая жалоба на плохое обращение или скудное питание рассматривались как тяжелый дисциплинарный проступок, который усташа наказывали самым строгим образом. Они избивали заключенных палками, колами, ремнями, прикладами, сбивали их с ног и топтали ногами, а очень часто, вынув пистолет или нож, убивали. Случалось, что какое-нибудь «должностное лицо» разрешало тому или иному узнику сделать что-нибудь или же взять, как тут же другой усташ безжалостно наказывал его.

Наказывали обычно публично, при этом должны были присутствовать все узники. За более тяжелые «нарушения» их наказывали арестом.

...Однажды усташа схватили кровельщика Филиппа Штайна, который спрятал еду в укромном месте. Чистая случайность помогла ему спастись. Но в тюрьме он так состарился, будто пробыл там несколько лет, а не три-четыре дня. Тюрьма меняла выражение лица у всех, кто пробыл в ней хотя бы 24 часа. Филипп Штайн рассказывал мне, что Матиевич бил его по голове, а Милош клещами рвал кожу. Когда же он машинально в ответ на удары поднял руки, чтобы защитить себя,

Милош навел на него пистолет, сказав, что пристрелит его, если он только шевельнется. Он вынужден был поднять руки вверх и смотреть в дуло пистолета, а Матиевич избивал его, нанося удары в пах и по голове.

«Можете поверить, я не ощущал ударов, поскольку смотрел только на пистолет», — рассказывал мне впоследствии Штайн. Кроме него, в тюрьме находилось еще 53 узника — в основном интеллигенты. Им жгли ноги и руки. Их конечности совсем почернели. Спустя полчаса после выхода из тюрьмы все они были уничтожены. На следующий день Милош в разговоре со Штайном сказал, что тот будет работать в административном здании лагеря. И хотя еще вчера он избивал его почти до смерти, разговаривал теперь так, будто бы ничего не случилось. Более того, угостил его сигаретой. Когда Штайн рассказывал об этом, его глаза застилали слезы».

ЙОСИП РИБОЛИ:

«...Когда лагерь переполнялся, усташа принимались за ликвидацию части узников. С этой целью вечером или ночью их выстраивали, после чего Маричич проводил осмотр, переходя от одной группы к другой, освещал фонариком лица заключенных, спрашивая, кто откуда. Если Маричич таким образом не набирал требуемого числа жертв из тех районов страны, которые ему были не по нраву, тогда он дополнял группу смертников теми, кто чем-либо вызвал его недовольство.

Такой отбор длился несколько часов... Маричич расхаживал вдоль выстроившихся узников в сопровождении подчиненных, по нескольку раз возвращался к одной и той же группе, получая удовольствие от мучений заключенных.

Отбор узников с целью отправки на «работу в Германию» усташа считали «шуткой», развлекались, наблюдая, как жертвы добровольно вызываются, не зная, что их посылают на верную смерть».

Свидетель ОТТО БРАЙЕР рассказал о судьбе тех, кто согласился на отправку в лагерь в Джаково:

«...Усташа загоняли узников в грузовики и приказывали сесть или присесть на корточки. После этого грузовик накрывали брезентом, в кузов заскакивали 5—6 усташей, которые принимались топтать узников нога-

ми и избивать прикладами. Такое издевательство усташи называли «отдыхом в Джаково».

МИЛАН ДЖУЗЕМЛИЧ:

«...Меня привезли в лагерь на рождество в 1943 году и бросили в камеру-одиночку, в которой я просидел 22 дня. Усташи измывались надо мной, применяя различные пытки: прижигали ступни, загоняли иглы под ногти, избивали проволокой, обтянутой резиной, клали на грудь доску и прыгали по ней. Они резали меня ножами, отчего на теле остались большие шрамы. Ни на минуту не стихали стоны и крики о помощи, доносившиеся из других камер-одиночек. Позже я узнал, как усташи мучили заключенного Джогаша Йосипа: привязав его руки к ногам, они катали его, как клубок, по гвоздям, вбитым в доску. Сертича Джуро усташи пытали следующим образом: срезали мясо с бедер и клали соль на раны.

В декабре 1944 года я видел, как забавлялись Лубурич, Маткович, Любо Милош, Сойчич и Кордич: они раздели догола девятнадцатилетнюю девушку Марицу Лончаревич из села Плесма, положили на землю, раздвинули ей ноги и стали прижигать сигаретами половой орган, стряхивая туда пепел.

Я был свидетелем того, как один усташ во время уничтожения в лагере детей подбросил годовалого ребенка в воздух, а другой поймал его на штык...»

Целые группы узников или лиц, отправляемых в Ясеновац с целью ликвидации, усташи убивали в месте под названием Граник или в окрестностях сел Градина и Уштице, расположенных на боснийской стороне напротив Граника.

ЙОВАН ЖИВКОВИЧ:

«...Иногда это продолжалось всю ночь. Жертвы ожидали своей очереди в главном складе, в каком-нибудь другом помещении или под открытым небом. Перед тем как увести узников, усташи заставляли их раздеваться догола. После этого, связав каждому руки проволокой за спиной, гнали в Граник. Здесь узников ставили на колени, привязывали к их рукам тяжелую железную болванку. Затем усташи ударяли жертву кувалдой, молотком или обухом по голове, живот часто распарывали ножом и сбрасывали труп в Саву...»

Вначале усташи сами убивали людей в Градине и Уштице, а начиная с 1942 года заставляли заключенных цыган помогать им в этом.

ЭГОН БЕРГЕР:

«С декабря 1941 года я работал в лагере Ясеновац в качестве могильщика и ежедневно вместе с другими могильщиками закапывал около 200 трупов. Убийства совершались следующим образом: пока мы копали ямы площадью до восьми квадратных метров, усташи во главе с поручиком Муицей убивали связанные проволокой жертвы ударом молота в висок. Убивали также ударом топора по шее, загоняли деревянные колья в рот, вбивали через рот гвозди в подбородок.

Иногда усташи спрашивали, нет ли среди обреченных родственников. Когда же выяснялось, что таковые имеются, они заставляли их убивать друг друга. Случалось, что брат убивал брата, отец сына, дочь мать. Многим из кожи на спине вырезали ремни. Я был свидетелем того, как Муица, вырезав одному из узников ремни на спине, сделал уздечку и, одев ее, погонял его, держась за ремни, как за вожжи. Молодые усташи отрезали узникам носы и уши, а потом хвастались, что они якобы убили в бою партизан и отрезали им носы и уши. Отрезанные носы они нанизывали на шнурки и носили в карманах.

Если при осмотре усташи обнаруживали, что у жертвы есть золотые зубы, то тут же извлекали их ножами».

ЯКОБ ФИНЦИ:

«Я работал в качестве могильщика на лагерном кладбище только десять дней. За это время мне приходилось закапывать трупы, обезображенные, покрытые синяками, без голов, без рук, без пальцев на руках и ногах, с разmozженными головами, с гвоздями, забитыми в грудь, с отрезанными членами. В течение десяти дней вместе с напарниками закопал около 3 тыс. трупов. Среди них узнал трупы пяти могильщиков, убитых усташами».

ФРАНЬО КОСИН:

«Накануне рождества 1944 года я был свидетелем того, как в 11 часов около 40 голых женщин и детей было угнано из лагеря в Граник, где Лубурич перере-

зал им ножом горло, а Прпич распарывал животы, после чего их бросали в Саву.

Другой раз я видел, как вешали 35 узников, среди которых была и одна женщина, находившаяся в лагере вместе с пятью маленькими детьми. Когда ее вешали, дети, рыдая, держались за ее юбку. Но Пицилли так сильно ударил ногой шестилетнюю девочку, что у нее треснул череп».

АНДРИЕ КАТАЛИНИЧ:

«Работая парикмахером в лагере, я часто ходил на стройку и видел, как усташи избивали рабочих дубинками. Тех, кто падал замертво, тут же зарывали в насыпи. Однажды я услышал, как пожилой усташский охранник по имени Йозо хвастался, что ему доставляет истинное наслаждение убивать ножом детей партизан и что он забавы ради каждый вечер убивает по 10—20 детей».

Начальники лагерей часто практиковали избиение невинных узников в качестве кары за какое-либо «тяжкое нарушение», совершенное в лагере.

ЙОСИП РИБОЛИ:

«Майсторович, Полич и Маричич соревновались в том, кто кого перещеголяет. Они заставляли узников становиться на колени, упираясь лбом в пол, после чего стреляли из пистолета им в затылок. Если узник сразу не умирал, то кто-либо из них тут же вынимал нож и перерезал ему горло. Однажды усташский прапорщик Матиевич облизал теплую кровь с лезвия ножа. Это было настолько отвратительно, что узники отвернулись, закрыли глаза, чтобы не видеть этого».

В лагере была виселица. Повешенные висели по нескольку дней. Одно время действовала также и печь, построенная по приказу Пицилли. В ней усташи сжигали мужчин, женщин и детей. Свидетели утверждают, что в Ясеноваце имелся пресс, с помощью которого усташи раздавливали узников, а также пилы, которыми они распиливали живых людей.

МАТО САЛИНА:

«...От бывших узников-очевидцев я узнал о таком случае. Усташи распороли живот беременной женщине и вынули плод; после этого, разрезав живот другой,

небеременной женщине, они затолкали его туда. Помню усташа Хорвата Мате, который, напившись, искал жертву для изощренных пыток, придумывая каждый раз новые и новые. Я своими глазами видел, как усташи, положив узника на наковальню, били его молотками, как это делают кузнецы, до тех пор, пока он не скончался».

Одной из наиболее страшных пыток со смертельным исходом было мучение голодом, с помощью которого усташи ликвидировали всех узников лагеря III-C. «Колокольня» была специально предназначена именно для такого рода пыток. Это был небольшой барак без окон со стеклянными дверями, так что с улицы можно было видеть все, что там происходит. Сюда усташи заточали жертвы, которым они не давали ни еды, ни воды в течение нескольких недель. Страдания узников были ужасными. Из барака доносились крики: «Лучше убейте нас!» Усташи, особенно Маткович и Вица, разгуливая вокруг «колокольни», только посмеивались, испытывая удовольствие от мучений узников.

МАТКО ДЕВЧИЧ:

«После пребывания в течение определенного времени в «колокольне» узников угоняли на расстрел. Они выходили почти поголовно в синяках от побоев, с кровоподтеками, с оторванными или отрезанными ушами».

Векослав Лубурич по кличке Макс был командиром отряда охранников, в непосредственном ведении которого находились концентрационные лагеря, а именно: Ясеновац, Стара-Градишка, Джаково... Он подчинялся Павеличу и Артуковичу. Из его отряда, состоявшего из матерых усташских преступников, назначались коменданты и другие руководители лагерей.

Лубурич приезжал в Ясеновац два-три раза в месяц и проводил там несколько дней, но и за это короткое время он успевал совершить много преступлений. Узники содрогались, узнав о его приезде в лагерь.

Заключенные цепенели от его приказов, которые он отдавал при приеме в лагерь новых партий узников, от его криков и ругательств, сопровождающихся избиванием кулаками и прикладами, выстрелами из пистолета, ударами ножом. Совершая обход лагеря, он выискивал факты нарушения «лагерной дисциплины», внимательно присматривался к узникам, выявляя плохо рабо-

тающих, ослабевших, старых и больных, примечая голодных, роющихся в пищевых отходах, запоминая тех, кто не поприветствовал его в установленном порядке.

9 октября 1942 года Лубурич в торжественной обстановке вручил в Ясеноваце золотые и серебряные медали усташам, награжденным Павеличем за «заслуги». На банкете, устроенном по этому случаю, Лубурич, напившись, как и все остальные «должностные лица», произнес речь, в которой, по рассказу одного свидетеля, заявил буквально следующее: «Таким образом, в этом году здесь, в Ясеноваце, мы убили больше людей, чем Османская империя за все время господства турок в Европе».

Первым заместителем Лубурича был Ивица Маткович. Он был таким же кровожадным изувером, как и Лубурич, и получал удовольствие, продляя муки узников, издеваясь над беспомощными жертвами.

Третьим в лагерной иерархии был герцеговинец Любо Милош.

МИЛАН ФЛУМИЯНИ:

«...Не успели мы — 17 человек — прибыть в лагерь Ясеновац, как усташаи принялись избивать нас прикладами. После этого нас погнали к кирпичному заводу. Там перед Любо Милошем уже были построены две группы узников. Мы были третьей группой.

Обращаясь к Любо Милошу, Маричич спросил: «Кого будем расстреливать первыми?» Тот ответил ему: «Тех, кого больше». И они направили двух автоматчиков в сторону 40 узников из первых двух групп и всех их расстреляли.

Затем Маричич спросил стоявшего первым в нашей группе узника, за что его сослали сюда; услышав, что вина его в том, что он родился сербом, Маричич убил его на месте. Потом, вызвав еврея — адвоката Лауфера из Загреба — спросил его, кто он по профессии. Когда тот ответил, Маричич, подозвав его поближе, сказал: «Адвокатов я люблю», — и тут же застрелил его».

ЙОСИП РИБОЛИ:

«...В припадке бешенства он вскакивал на коня и гонял на нем рысью по территории лагеря, стреляя в не успевших спрятаться узников. У этого усташского преступника в административном блоке лагеря была

специальная комната, оборудованная под медпункт. Когда в лагерь прибывала новая партия евреев, Милош, облачившись в белый халат врача, приглашал к себе на медосмотр каждого из вновь прибывших, нуждавшихся в медицинской помощи. Впуская их по очереди, он ставил их к стенке и, нанеся сильный удар ножом в горло, разрезал живот. Он называл эту «операцию» «ритуальной резней жидов» и очень гордился ею.

И все же, что касается кровожадности, то всех превзошел монах Мирослав Филипович-Майсторович, бывший одно время комендантом лагеря-III, а затем — лагеря в Стара-Градишке. Филипович был францисканцем. Он прославился во время массовой резни сербов, учиненной усташами в окрестностях Баня-Луки, особенно в селе Грачаница летом 1941 года. В первой половине 1942 года он прибыл в Ясеновац, где очень скоро стал усташским сотником, а в декабре 1942 года — комендантом лагеря-III.

Риболи рассказал о Майсторовиче следующее:

«...Просто невероятно, насколько этот монах был кровожадным, настоящий кровопийца. Если о Матковиче и Милоше уже по одному внешнему виду можно было сказать, что они из себя представляют, то Майсторович выглядел исключительно обходительным и доброжелательным. Но когда он принимался за резню, то по кровожадности его трудно было превзойти. Он длительное время был главным экзекутором во время массовых уничтожений в Градине. Отправляясь на «работу» с вечера, Майсторович обычно надевал зеленый комбинезон. Возвращался он к утру весь в крови. Никто из усташских убийц, участников массовой резни в Градине, не мог так долго выдержать эту «работу», как монах Майсторович... Я своими глазами видел следующую картину: Майсторович обедал, сидя за одним из накрытых столов перед административным зданием и офицерской столовой. Это делалось специально, чтобы голодные узники могли видеть, как хорошо питаются усташские бандиты. Помню, что помимо всего прочего на столе перед ним был зеленый салат. Вдруг к нему подошел усташ и что-то сказал. Майсторович что-то ответил. Усташ ушел к лагерным воротам и некоторое время спустя подвел к Майсторовичу какого-то узника. Майсторович, преспокойно отложив в сторону вилку и нож, вынул пистолет и, не говоря ни слова, застрелил не-

счастливого. И тут же продолжил как ни в чем не бывало свой обед, приказав лишь усташу: “Позови могильщика!”»

ТОМО КРКАЧ:

«...В период моего пребывания в Ясеноваце я часто был свидетелем того, как Майсторович во время общих проверок собственноручно расстреливал узников. У него имелся резиновый шланг, через который он, приставляя его к кровоточащей ране жертвы, время от времени сосал кровь, приговаривая: «Хочу напиться коммунистической крови».

Следственная комиссия допросила этого преступника, попавшего после освобождения в руки органов правосудия. Ниже приводятся некоторые его показания:

«...В Ясеноваце я был усташским офицером, комендантом лагеря с конца июня до конца октября 1942 года. Признаю, что я лично в ходе массовых расстрелов убил около ста узников лагерей Ясеновац и Градишка. Признаю также, что когда я был комендантом лагеря Ясеновац, в нем совершались массовые убийства в Градине, но я в этом не участвовал, хотя и знал о них. Точнее, я присутствовал при этих массовых убийствах, но сам их не совершал. Эти массовые убийства я как комендант разрешал, так как мне поступали такого рода устные приказания от Любо Милоша, еще чаще от Ивицы Матковича, а иногда и от Макса Лубурича. В Градине убивали с помощью молота: для того чтобы жертва упала в выкопанный ров, удар молотом наносился по голове в затылок. Кроме того, узников пытали, расстреливали и убивали. Знаю, что в ходе ликвидации женщин и девушек в Градине молодых узниц насиловали. На этот счет распоряжения отдавал Ивица Маткович, а насиловали, насколько мне известно, цыгане, причем цыгане-могильщики. Я не совершал изнасилований. При мне, по моим подсчетам, в Ясеноваце было ликвидировано 20—30 тысяч узников. Особо хочу отметить, что в начале лета в Ясеноваце был ликвидирован лагерь Джаково. При этом было уничтожено около 2—3 тысяч евреек и их детей. Из Ясеноваца меня в конце октября 1942 года перевели в лагерь Стара-Градишка. За это время и в нем имели место массовые уничтожения узников, которые проводились за пределами территории лагеря, например, в Млаке и Ябланаце.

Иногда узников отправляли с этой целью и в Ясеновац. Подобные крупные партии узников, предназначенных для ликвидации, отправлялись по приказу Ивицы Матковича. Было отправлено около 2—3 тысяч человек.

Я вернулся в Ясеновац 16 апреля 1945 года и оставался там до конца войны. Мне известно, что в то время в Градине были извлечены трупы узников и сожжены с тем, чтобы скрыть следы совершенных преступлений. Я не принимал участия в ликвидации последних узников, но я участвовал в эксгумации».

Распорядителем работ в лагере Ясеновац был инженер Хинко Доминик Пицилли. Он без каких бы то ни было ограничений полновластно распоряжался всей «рабочей силой» лагеря. Пицилли бесчеловечно эксплуатировал узников, заставляя их работать сверх всякой меры. Он делал обходы мастерских, всех мест, где работали узники, и железным прутом, который всегда носил с собой, избивал их.

Пицилли особенно преследовал обессилевших узников, которым врачи предписали щадящий режим. Он врвался в бараки, где находились такие узники, и заставлял их с помощью прута и пистолета выходить на работу. Изучив чертежи немецких крематориев, он приказал построить возле кирпичного завода аналогичную печь, в которой в течение трех месяцев сжигали мужчин, женщин и детей.

Напоминаем, что больше всего преступлений усташа совершали ночью, тайно, поэтому свидетели не знают точного количества жертв, равно как не известны им и применявшиеся при этом методы умерщвления людей, хотя нередко усташа заставляли узников присутствовать при совершении некоторых преступлений.

Как известно, лагерь-I находился в 12 километрах от Ясеноваца возле села Крапье. Несколько недель спустя был создан лагерь-II на реке Струг, недалеко от дороги, ведущей из Ясеноваца в Новску. В ноябре 1941 года в результате осенних дождей вся эта территория оказалась под водой. Временные насыпи не могли сдерживать водную стихию, и усташа опасались, что не смогут обеспечить охрану лагеря. Поэтому они решили ликвидировать оба лагеря, демонтировать бараки, а имущество и людей перебазировать на территорию и в помещения кирпичного завода, находившегося в окрестностях Ясеноваца, и там создать новый лагерь.

Приблизительно 15 ноября Лубурич приказал уничтожить всех узников, которые были физически не в состоянии выдержать предстоящие работы, связанные с переселением, в результате чего было убито 700 человек.

ДЖУРО ШВАРЦ вспоминает об этих преступлениях следующее:

«14 октября 1941 года, в пятницу, поступил приказ всем зайти в бараки и не выходить. Это длилось приблизительно до девяти часов. Когда же мы двинулись вдоль шоссе к мастерской по изготовлению цепей, мы увидели, что возле электростанции стояли большие грузовики, доверху заполненные трупами: грязными, голыми и полуголыми, беспорядочно наваленными один на другой. Картина была более чем страшной... Вдруг пронесся шепот, что в помещении кирпичного завода убивают узников железными прутьями и дубинами... Нам казалось, что мы сходим с ума. Мы уже почти ощущали удары дубинами по голове. Ускорив шаг, не глядя по сторонам, мы направились к насосной станции. Шли, не поднимая глаз... Вдруг я оказался среди трупов, страшно изуродованных, некоторые, казалось, еще шевелились. Усташ-конвоир распевал песни. Мы вошли в шахту насосной станции, чтобы поскорее скрыться под землей. Насосная станция имела крышу, из-под которой можно было видеть, что происходит снаружи. Заметив, что тяжелораненый узник пошевелился, конвоир добивал его ударами окованного железом башмака.

Когда мы вернулись с насосной станции, резня в лагере продолжалась. Лубурич ходил взад и вперед по мастерской, видимо, выясняя, какой эффект произвела эта акция на узников. К полудню трупы у ворот уже убрали, лишь кое-где валялись ботинки и стояли лужи крови. Лубурич шутил с проходившими мимо крестьянками.

В тот же день Лубурич приказал убить еще 85 человек, так как они осмелились обратиться к нему с просьбой об улучшении питания...»

Одновременно Милош Любо вместе с другими усташами уничтожил в лагере-II около 50 евреев, чтобы запугать узников, которые якобы «не хотели хорошо работать». После этой бойни осталось еще 700 человек, которых заставили под сильным дождем, в грязи пере-

таскивать балки, доски, инструменты и другой материал в Ясеновац. Когда, наконец, переселение было закончено, оказалось, что в живых осталось только 250 человек, кроме ремесленников, которые еще в октябре прибыли на кирпичный завод и стали первыми узниками лагеря-III.

Установлено, что в течение первых 6 месяцев в лагерях-I и II погибло около 8 тыс. человек, кто от болезни или истощения, кто от усташской пули или ножа.

Первых 250 узников усташа поместили в холодном сарае кирпичного завода, отделили сербов, евреев и хорватов и создали таким образом отделения III-A, III-B, III-D.

Вслед за этим стали почти ежедневно поступать партии новых узников, и, поскольку помещений для всех не хватало, вновь прибывшие вынуждены были ночевать на чердаках зданий кирпичного завода и мастерской по изготовлению цепей или под открытым небом.

По плану Эугена Кватерника и Лубурича в лагере-III намечалось со временем построить различные промышленные и ремесленные мастерские, а также бараки на 3500—4000 человек, которых планировалось использовать в качестве постоянной рабочей силы.

Прежде всего узников бросили на работы по изоляции лагеря от остального мира. Рядом с лагерем проходила железная дорога, а сразу за ней — шоссе, так что проезжающие могли видеть, что в нем происходит. Поэтому было приказано обнести лагерь колючей проволокой и глухим забором трехметровой высоты. Кроме того, чтобы изоляция была полной, усташа эвакуировали местных жителей из Ясеноваца и окрестных сел. Только после этого было решено приступить к строительству бараков для размещения узников.

С декабря 1941 года по конец февраля 1942 года усташа ежедневно доставляли в Ясеновац большие партии мужчин и женщин из Срема, Славонии и Боснии и уничтожали их. В основном это были сербы, евреи, хорваты, цыгане...

Хинко Штайнер и Эгон Бергер свидетельствуют, что усташа обыскивали узников, отбирали имущество и сразу же отправляли их партиями от ста до трехсот человек на большой пустырь вблизи Великой Кошутарицы, где их уничтожали. Жертвы убивали топором или молотком. Восемьдесят узников всю зиму копали могилы

лы и хоронили трупы убитых. Те же свидетели утверждают, что в ту зиму в Кошутарице было убито 50 тыс. человек. Это они смогли установить со слов могильщиков, рассказывавших друг другу о том, сколько жертв в день им приходилось хоронить.

ДЖУРО ШВАРЦ:

«...Некоторые дни следует выделить особо. Так, например, на сочельник 1941 года выдался хороший зимний день... В тот день пищу давали только в одном месте, в хозяйственном блоке.

Когда нам роздали талоны, в лагере возле административного здания появилась большая группа узников, которых до этого мы не видели. Их построили в две шеренги. Между ними встали усташи. Хорошо помню, что шеренги протянулись от мастерской по производству цепей до сторожевой будки. В дверях административного здания стоял без головного убора Милош. «Новички» были упитанные, некоторые даже толстые, у многих из них — полные вещевые мешки. Усташи начали колоть узников штыками. У меня в памяти запечатлелось злое ухмыляющееся лицо усташа с толстыми, как у негра, губами, который наносил удары штыком какому-то человеку невысокого роста. Мы смотрели с лесопильни на то, что происходит во дворе. Их стали убивать ножами. Жертвы не издавали ни звука. Трупы вытаскивали и складывали перед Милошем. Группа могильщиков начала носить их мимо нас. Узников, умиравших в нашем лагере, нести не составляло труда. Эти же были тяжелыми, и сквозь разорванные рубахи видно было, как трясутся их животы. Некоторые трупы были залиты кровью, так что лиц не было видно, на других же следы крови были едва заметны. Мы пошли в хозяйственный блок, чтобы получить еду. Выстроившись в длинную очередь, мы долго ждали, поскольку выдача пищи шла крайне медленно. Могильщики же с большим трудом справлялись с трупами, которых им пришлось нести вдоль шоссе. Убитые, кажется, были хорватами-католиками. В тот день нас кормили мамалыгой...»

Зима 1941 года была необычно суровой. Голодные, плохо одетые узники, главным образом пожилые, заболели. Они не могли работать, поэтому усташи решили их уничтожить.

ХИНКО ШТАЙНЕР:

«... В январе 1942 года в больнице находилось около 300 больных. Поскольку узники вынуждены были спать на чердаках или под открытым небом, а зима была суровой, то заболевших оказалось много, и больница была переполнена.

Однажды ночью Милош Любо, Ивица Маткович и Йозо Матиевич выгнали всех больных на улицу, погрузили их в сани и увезли на пустырь, где убили молотками и ножами».

Такое уничтожение больных практиковалось регулярно, вплоть до освобождения. Как-то пятеро узников попытались в феврале 1942 года вырыть несколько картофелин, оставшихся в земле. Усташские охранники застали их за этим занятием, схватили и доставили к коменданту Ивице Матковичу.

ХИНКО ШТАЙНЕР:

«... Маткович приказал построить всех узников, чтобы они присутствовали при публичном наказании этих пятерых заключенных. Хотя на дворе стоял страшный мороз, всех пятерых заставили раздеться догола. Им связали сзади проволокой руки и повесили за руки. В таком положении они провисели целый час, их тела посинели от холода. Через час Маткович разрешил снять их и застрелил каждого выстрелом в затылок. После этого он выступил перед узниками, угрожая им еще более страшным наказанием в случае повторения подобного «преступления».

По образцу своих немецких хозяев усташские власти решили построить в лагере Ясеновац печь для сжигания трупов, чтобы надежно замести следы своих преступлений.

За строительство этой печи взялся инженер Пицилли. Он привез строительный материал, нанял печников, и они очень быстро недалеко от кирпичного завода построили печь, которую узники называли «печью Пицилли». Когда печь была готова, усташа в целях сохранения тайны убили всех строивших ее печников.

Вначале усташа сжигали в этой печи женщин и детей, поступавших из лагеря в Стара-Градишке и других лагерей. В течение трех месяцев прибывали грузовики с заключенными. По одному или небольшими группами их вводили в помещение, находившееся недалеко от

печи, раздевали догола, били по голове и, когда жертва теряла сознание, бросали в печь. Так продолжалось около трех месяцев, то есть до конца февраля 1942 года, когда печь была разрушена».

ЭГОН БЕРГЕР:

«В течение некоторого времени я прислушивался в мастерской, находившейся вблизи крематория, к тому, что там происходит. Вначале я слышал крики о помощи, плач и стон, потом стук, напоминающий шум падающих тяжелых железных дверей. Потом наступала тишина, из дымохода печи появлялся огонь, а вскоре вновь раздавались пронзительные крики новой жертвы».

Усташи сжигали в этой печи узников из самого лагеря, обычно старых, немощных и больных. В соответствии с показаниями свидетелей, количество женщин и детей, доставленных из лагеря в Стара-Градишке, составило около 5 тыс. человек, а количество женщин и детей, привезенных из других лагерей,— около 10 тыс. человек.

Свидетель **БРАНКО БАЛИЯ** утверждает, что слышал от усташей, что в печь бросали и живых людей в полном сознании.

УНЕСЕННЫЕ РЕКОЙ

САВА. В течение всего 1942 года одна за другой прибывали партии мужчин, женщин и детей, которых, не завозя в лагерь в Ясеноваце, переправляли через Саву и там уничтожали. Общая численность таких жертв превышает число уничтоженных узников лагеря.

ЯКОБ ФИНЦИ:

«... В первой половине марта 1942 года усташи учинили резню над 3 тыс. заключенных лагеря Ясеновац, чьи имена так и не удалось установить.

Резня продолжалась в течение десяти дней. Размозжив жертвам головы тупыми предметами, усташа избивали их деревянными кольями и железными прутьями до такой степени, что тела их становились черными, изуродованными. Они забивали гвозди в тело, отрезали руки, ноги и т. д. Десять дней спустя около пятидесяти могильщиков зарыли трупы за пределами лагеря на так называемом «кладбище», а также в том месте, где эти зверские убийства были совершены».

В конце 1942 года ожидалось прибытие в Ясеновац новых партий узников. Поскольку места в лагере не было, усташа решили избавиться от части узников. Три дня усташа-надзиратели по ночам отбирали в бараках старых, больных и ослабевших евреев. К 19 ноября 1942 года количество таких узников достигло 800 человек. Изолировав обреченных в отдельном помещении, усташа переправили их затем ночью лодками через Саву в Градину, где заставили выкопать для себя могилы, после чего уничтожили и закопали.

С марта и до конца 1942 года лагерь-III-C был переполнен узниками, в том числе женщинами и детьми,

которых усташи доставляли сюда с целью уничтожения.

Усташи согнали со всей территории «НГХ» в лагерь Ясеновац цыган — около 40 тыс. человек. Их разместили на голом пустыре между старым проволочным ограждением и высоким забором под открытым небом в северо-восточной части лагеря. Обнеся ее колючей проволокой, усташи назвали это место лагерь-III-C.

Сразу же после прибытия цыган в лагерь их стали партиями переправлять в Градину и убивать. В результате все они были уничтожены, за исключением нескольких человек, которых они использовали в качестве могильщиков, а позднее — и палачей.

На смену уничтоженным цыганам усташи доставляли новые партии заключенных, которых они почти ежедневно убивали, так что лагерь-III-C в 1942 году превратился в перевалочный пункт для сотен тысяч жертв. В конце 1942 года в лагере-III-C осталось всего 160 узников, главным образом из числа интеллигенции.

Комендант лагеря Ивица Маткович решил покончить и с ними, уморив их голодом. Он хотел выяснить, сколько времени человек может прожить без пищи и воды. По его приказу была усилена охрана, объявлено, что каждый, кто осмелится передать еду в лагерь-III-C, будет убит на месте. Чтобы запугать других заключенных, отбить у них охоту даже приближаться к колючей проволоке, Маткович установил там большой щит с надписью «сыпной тиф».

Наиболее слабые и больные скончались уже через несколько дней. Но около сорока заключенных продержались в течение нескольких недель. Съев всю траву на территории лагеря, они, обезумевшие от голода, занялись каннибализмом.

НИКОЛА КУХАДА:

«В конце 1942 года я производил дезинфекцию боксов в одном из барачков, расположенных метрах в четырех от лагеря-С.

Находясь на чердаке строения, я из любопытства отодвинул несколько досок на крыше, чтобы посмотреть, что делают узники в лагере-III-C, к которому никто не смел даже приближаться, о чем предупредал установленный щит с надписью «сыпной тиф».

Я увидел, как некоторые из узников, уже 17 дней не получавшие еды, отодрав кусок мяса от трупов умерших, тут же съедали его. Некоторые свидетели наблюдали ночью издалека за тем, что происходило в лагере. Двое из них, Брайер и Риболи, утверждают, что видели, как узники лагеря-III-C жарили и ели мясо умерших. Это можно было хорошо разглядеть, так как весь лагерь был освещен.

Когда один из заключенных сказал Ивице Матковичу о том, что он видел в лагере-III-C, тот расхохотался и ответил: «...Тебе, как интеллигентному человеку, следовало бы знать, что мертвечина — яд, от которого быстро умирают. Пусть себе жарят и едят, скорее сдохнут. И так уж это слишком затянулось»».

Но они не умирали, более того, однажды ночью предприняли попытку пробраться между рядами проволоки к Саве. Стражники-усташи их заметили, схватили и доложили Матковичу, который приказал переправить оставшихся 35 узников лагеря-III-C через Саву в Градину и поместить в один из сельских домов. В нем уже находились доставленные сюда ранее заключенные, содержащиеся в «колокольне», где их долгое время мучили голодом. Привезенных сюда 35 оставшихся в живых узников лагеря-III-C заставили раздеться догола, загнали в дом, после чего наглухо забили все окна и двери. Через несколько дней все они умерли от голода и холода.

Территорию, на которой располагался лагерь-III-C, усташи приказали перепахать, чтобы уничтожить следы своих преступлений, следы того, что здесь когда-то находился лагерь, в котором сотни тысяч мужчин, женщин и детей днями и ночами, в холоде, на снегу, голые, босые и голодные, ждали смерти, как спасения.

РУДОЛЬФ РИХТЕР:

«Однажды ночью в конце декабря 1942 года усташи, ворвавшись в бараки и стянув заключенных с нар, стали выгонять их на мороз. На улице они принялись избивать их дубинами, пинать сапогами, выламывать руки, ноги, ребра. Многие узники умерли от побоев, другие скончались позже от ран, полученных в ту ночь».

Впоследствии стало известно, что поводом для этой расправы послужило то, что надзиратели обнаружили в лагере труп убитого усташа.

На протяжении всего 1942 года лагерь-III-C был переполнен детьми, которых доставляли в Ясеновац вместе с родителями. Многие дети остались сиротами в результате уничтожения усташами их родителей. Заботу о них взяли на себя другие заключенные. Узники приютили детей, потерявших отцов и матерей, у себя в бараках, кормили, отрывая от себя, всем, чем могли.

В конце лета 1942 года Лубурич, узнав, что на чердаках мастерских, а также в бараках проживает много детей, приказал усташам осмотреть лагерь и выявить всех детей.

Оказалось, что в лагере более 400 детей в возрасте от 4 до 14 лет. Посоветовавшись со своими «офицерами», он, к величайшему удивлению всех заключенных, приказал зарегистрировать их и выделить для них специальное помещение. Выбрав из числа заключенных несколько учителей, Лубурич велел им обучать детей чтению, письму и пению.

Этот «детский дом» стал единственной радостью всех заключенных. Однако это длилось недолго. Усташа были недовольны результатами воспитания детей, по их мнению, оно не соответствовало усташскому духу.

По прибытии в Ясеновац Лубурича ему доложили об этом, и он приказал уничтожить всех детей. Группами по 60—80 человек их отвезли в Градину, где они были убиты и зарыты в землю.

В июне 1944 года из лагеря бежал студент из Загреба Иван Волнер. Усташа схватили его под Дубицей и избили до смерти. Его труп был доставлен в лагерь. Усташский обер-поручик Динко Шакич, построив всех заключенных, призвал их выдать тех, с кем дружил Волнер и кто помогал ему организовать побег. Убедившись в том, что его призыв остался без ответа, Шакич велел принести список, в котором были перечислены все евреи. Из этого списка он зачитал фамилии 100 человек. Когда они вышли из строя вперед, Шакич выбрал 25 и приказал заключить их в «колокольне», осудив их таким образом на голодную смерть. Объявленный «приговор» вызвал улыбку у двоих узников. Один из усташей заметил это и сообщил Шакичу. Он подозвал этих узников к себе, приказал встать на колени и застрелил их выстрелами в затылок.

Всю зиму 1944—1945 годов в Гранике лилась кровь».

ИВАН РОЗМАН:

«В декабре 1944 года ежедневно в ходе вечерней проверки усташа отбирали 150—200 узников и запирали их в бараке, расположенном рядом с комендатурой. Отсюда их, раздетых догола, связанных проволокой, перегоняли ночью в Граник. Там их убивали и сбрасывали в Саву.

Я был свидетелем этого, поскольку в течение всего декабря из моей комнаты, в которой были окна, возвратясь с работы из столярной мастерской около 10 часов вечера, мог наблюдать, как палач Фркович убивал в Гранике людей, перерезая им ножом горло, после чего сбрасывал их в Саву. Мне все было ясно видно из моего окна, так как местность была хорошо освещена».

В ту зиму, как было установлено на основе свидетельских показаний, усташа совершили следующие массовые убийства:

а) убили около 35 тыс. человек, находившихся на работах в лагере Ясеновац;

б) пьяные усташа изнасиловали около 20 молодых женщин, работавших в подсобном хозяйстве лагеря, после чего убили их, а трупы сбросили в Саву;

в) разместив в помещении главного склада и на территории вокруг него прибывших в лагерь около 15 тыс. рабочих и крестьян, усташа постепенно уничтожили их в Гранике.

В начале апреля 1945 года началось большое партизанское наступление, имевшее целью окончательное изгнание оккупантов с территории страны.

Усташа из лагеря в Ясеноваце стали готовиться к бегству. Лубурич решил перед уходом уничтожить всех заключенных, а Ясеновац превратить в груды развалин и пепла.

Иными словами, усташа хотели заблаговременно уничтожить следы своих преступлений. Создав группы могильщиков, они приказали им раскопать все захоронения в лагере и окрестностях и извлечь трупы. Другим было велено разложить огромные костры. На дно костра клали кокс, затем складывали трупы, поливали их бензином и поджигали. В течение трех недель полыхали костры. Узники, находившиеся в лагере в тот момент, когда он доживал свои последние дни, утверждают:

а) в это время прибыло несколько партий заключенных из Лепоглавы, Стара-Градишки и других лагерей и тюрем. Они были убиты усташами в Гранике или в Градине;

б) 20 апреля 1945 года была уничтожена группа узников численностью около 470 человек;

в) в Ясеновац прибыла партия из Сараева в количестве около 400 человек, которые были убиты в Гранике;

г) 21 апреля 1945 года в лагере еще оставалось около 760 женщин и девушек, работавших в подсобном хозяйстве или на кухне. В тот день усташи погна-ли их на расстрел. Длинная колонна женщин шла на казнь с песней. Они прощались с друзьями, выкрикивая: «Мы идем на смерть, а вы оставайтесь!» Все они были убиты, а тела их сброшены в Саву или сожжены на костре;

д) 21 апреля заключенных охватила паника, и около ста из них, отчаявшись, повесились в бараках и мастерских.

В результате к 22 апреля в лагере Ясеновац осталось 1060 человек. Усташи заперли их в помещении кирпичного завода, забили досками все двери и окна, выставив вокруг усиленную охрану.

Все последующие сутки усташи были заняты минированием фабричных зданий, мастерских, складов, бараков. Весь лагерь превратился в сплошной факел.

Люди, запертые в помещении кирпичного завода, знали, что они обречены на смерть. Поэтому они решили во что бы то ни стало вырваться из заточения и, несмотря на отсутствие оружия, всеми силами бороться за жизнь. Руководителем выбрали Анте Бакотича. Вооружившись всем, что оказалось под рукой, что удалось сорвать со стен или дверей, узники ровно в 10 часов утра 22 апреля 1945 года выломали двери и окна и выбежали наружу. Правда, в последний момент около 460 узников, главным образом больные, престарелые и до предела изможденные люди, не имевшие ни сил, ни смелости осуществить задуманное, сникли.

Остальные же 600 человек несмотря на то, что в результате перенесенных в лагере лишений были физически ослаблены, собравшись с последними силами, проявили решимость в борьбе за свою свободу. Напав

на охранников и задушив некоторых из них, они завладели винтовками. Вооружившись железными прутьями и кирпичами, узники устремились к восточным воротам лагеря в направлении к дороге, ведущей к Кошутарицу. При этом им надо было пересечь пространство между южным ответвлением большой стены и рекой Савой. Там усташа соорудили много бункеров, в каждом из которых было установлено по несколько пулеметов.

Однако усташа оказались застигнутыми врасплох. Поскольку никто из них не ожидал, что безоружные узники осмелятся напасть на них, они держали восточные ворота лагеря незапертыми. У этих ворот и разыгралась заключительная драма. Миле Ристич, задушив пулеметчика, охранявшего вход в лагерь, завладел его пулеметом и открыл огонь по усташам.

60 узникам удалось вырваться за ворота и спастись, скрывшись в окрестных лесах. Остальные 520 человек погибли в ходе стычки. Около 460 человек, оставшихся в лагере, усташа уничтожили.

В конце апреля 1945 года усташа перед бегством из Ясеноваца ликвидировали все материалы, содержавшие данные о количестве узников, убитых в лагере. Однако если бы такие материалы и сохранились, они не смогли бы помочь составить даже приблизительное представление о количестве уничтоженных узников, так как большую часть своих жертв усташа вообще не доставляли в лагерь. Но остались свидетели, которые дали следующие показания Комиссии по выявлению преступлений оккупантов и их пособников:

ЯКОБ ДАНОН:

«1 августа 1941 года меня посадили в котарский филиал тюрьмы в Завидовичах. Арестовал меня усташ Анто Драгичевич из Завидовичей, который, как я узнал впоследствии, погиб. Когда меня посадили в тюрьму, там уже находилось около 35—40 заключенных, все — евреи и сербы. Я хорошо помню тех, кто был вместе со мной в этой тюрьме: Самуэль Данон, Морис Данон, Йосеф Кабилю, Элиша, Рафаэль, Изак, Менто, Альберт, Альберт Йозефов, Элиша Изаков (все Кабилю), Карло Стернбергер, инженер Руди Стерн, Карло Стерн, члены семьи Мусафи: Хайм, Рафаэль и Йозеф, Саламон, Аврам, Зигфрид Шустер, Драго

Ледерер, Пали Сохр, Арон Маэстро, Барис Герсон, Павао Соненредд, Силвие Шмуклер, Роснер Фритц, Александар Вайс, Йозеф Швебер, Богдан Арсенович, Лоза Смилянич, Ацо Влайнич, Коста Маркович, Бранко Аядинович, Перо Боянич, пекарь Спасо (фамилии не знаю), Ацо Савич и его отец. Все вышеперечисленные так же, как и я, находились один день в котарском филиале тюрьмы.

Начальником тюрьмы был Куленович. В тот день он сказал нам, что всех нас переправят в Загреб и там отпустят по домам. Родственники принесли нам в тюрьму самые необходимые вещи, поскольку мы были арестованы прямо на работе. Вечером нас отправили поездом в Босански-Брод. Сразу по прибытии туда нас на перроне окружили усташи и какие-то люди в штатском. Встречавшие усташи распорядились всем построиться в колонну, во главе которой поставили конвоировавших нас усташей; видимо, это было сделано для того, чтобы они не видели, что будет происходить дальше. По дороге от станции Босански-Брод до станции Славонски-Брод усташи в штатском, шедшие рядом с нами, стали избивать нас прикладами и палками. Они отняли у нас все, что представляло хоть какую-нибудь ценность. При этом один из них, худой и довольно высокий молодой человек в форме железнодорожника, избивал заключенных молотком по голове. Он меня тоже ударил. Это заметил сопровождавший нашу колонну жандармский унтер-офицер; он сказал, что, если усташи, которых никто не звал, не прекратят избивание, то он повернет всю колонну назад. На усташей из Брода это подействовало, и они один за другим отстали от нас. Нас отвезли поездом в Госпич и разместили в бывшем загоне для овец, где уже находились заключенные, так что всего нас было около 500 человек — мужчин, женщин и детей.

Надо сказать, что среди мужчин были только евреи, а среди женщин — и православные, и еврейки. Православных же мужчин, сидевших вместе со мной в тюрьме в Завидовичах, отделили от нас еще в Загребе. Я слышал, что всех православных переправили в Госпич, в специальную тюрьму, а оттуда через Велебит в пустынное безлюдное место под названием Слани, где их уничтожили. Там вроде бы находился лагерь, из которого православных узников доставляли в Ядовно

для ликвидации. Комендантом нашего лагеря, размещившегося в овчарне, стал усташский поручик Драгутин Пудич. Меня определили на работы в села Барлета и Лички-Рибник, где вместе с 80 другими заключенными я выполнял сельскохозяйственные работы, так как православные жители этих сел сбежали, скрываясь от преследований усташей. Я хорошо помню, как, вернувшись однажды с работы в лагерь под сильным дождем, застал в нем следующую картину. Заключенных, которые в тот день не выходили из лагеря на работу — женщин, детей, стариков, — Драгутин Пудич выгнал из овчарни на улицу, и они вынуждены были вместе со своими вещами мокнуть под дождем.

Потом он загнал всех нас на чердак, где мы простояли целую ночь, не присев из-за невероятной тесноты ни на минуту. Для такого наказания не было ни малейшего повода, так как никто из заключенных ни в чем не провинился. По состоянию на 19 августа 1941 года в этом лагере насчитывалось около 900 человек. В тот день один усташ-надсмотрщик сказал нам, что всех узников лагеря отправляют в Госпич, где нас распустят по домам. И действительно, 21 августа 1941 года меня вместе со всеми остальными отправили пешком в Госпич, а оттуда поездом — в Яску. В Яске усташа оставили часть заключенных — около 300 человек, а остальных 600 человек направили в Ясеновац.

На ясеновацком вокзале нас приняли прибывшие из Ясеноваца усташские конвоиры. Они тут же принялись избивать нас прикладами, кулаками, колоть ножами. Они отняли все наше имущество: забирали золотые вещи, одежду, обувь — все, что представляло какую-то ценность. Мародерством занималась каждая из четырех групп усташских конвоиров, которая поочередно сопровождала нас. Отнимая вещи, усташа приказывали нам помалкивать об этом. Среди них объявился некий Беретин, которого все называли «инженер Беретин». Говорили, что он из Загреба. Он был надсмотрщиком с 1941 по май 1942 года, после чего вернулся в Загреб, где якобы служил в усташской полиции.

В то время лагерь Ясеновац представлял собой большую, обнесенную проволокой территорию. Вокруг виднелись деревянные сторожевые вышки в виде ба-

шен. В них находилась усташская охрана. Комендатура лагеря располагалась в селе Ясеновац. Комендантом лагеря был усташский взводный Михаил Прпич (впоследствии он стал сотником). Этот лагерь назывался «Ясеновац-II». Сюда в течение 2—3 дней усташки согнали около 1,2 тыс. человек. В лагере было два барака, в каждом из которых могло поместиться по 150 человек. Понятно, что усташки разместили в бараках гораздо больше людей, оставшиеся же должны были ночевать под открытым небом, независимо от погоды. В этом лагере мы пробыли около 8 дней. Еда, которую нам давали, представляла собой какую-то жижу, в которой плавали две-три горошины, и заключенные поддерживали свои силы только благодаря тому, что у них оставалось из принесенных еще из Завидовичей съестных припасов. Когда мы огораживали лагерь проволокой в 5 рядов (рыли ямы и вкапывали столбы, на которых закреплялась проволока), нас не били. В это время узников и не убивали. Избиение усташки устроили только один раз, когда мы возвращались в лагерь-II после работы. В ход пустили приклады, дубинки, рукоятки ножей.

В этом лагере находились только мужчины. Женщины и дети, которые вместе с нами были в овчарне, остались в Яске, откуда, как говорили, их отправили в Лобоград. Через 8 дней была проведена общая проверка. Всех узников — нас было 600 человек — построили. Строй обошел усташский взводный Шарич (имя не знаю) — высокий, могучего сложения, черноволосый мужчина с бородой, слева на щеке и шее у него был шрам. Во время обхода Шарич избивал заключенных дубинкой, набросился на доктора Леона Перича, врача по профессии. Перич был со мной в лагере Ясеновац до весны 1942 года, после чего его отправили в лагерь в Стара-Градишке. Когда в апреле 1945 года лагерь в Стара-Градишке ликвидировали, доктора Перича усташки увели с собой в Ясеновац вместе с ранеными и там его убили. Я делаю такой вывод потому, что больше его никто не видел. Видимо, доктор Перич был убит 22 или 23 апреля 1945 года.

После поверки всех 600 человек с вещами под конвоем усташей повели через село Крапье в лагерь-I, который находился примерно в километре от этого села. Там мы увидели три недостроенных барака, у ко-

торых не было ни пола, ни крыши. Мы были первыми узниками этого лагеря. Бараки возводили специально нанятые для этого строители. Подрядчиком платных работ был Стево Арчевич из села Уштица, близ Ясеноваца.

Во время пребывания в этом лагере мы работали. Конечно, это касалось тех, кто был еще в состоянии корчевать пни, делать насыпь на берегу реки Струг. Каждый раз, когда мы шли на работу, охрана из 30—40 усташей подгоняла заключенных прикладами, особенно доставалось узникам, ослабевшим от старости и лишений. Они всегда заставляли нас бежать до места работы. Заключенный Гомбош по пути на работу вдруг остановился, поскольку у него было больное сердце. После этого его больше никто не видел. Такая же участь постигла еще троих узников, имена которых я не запомнил. Относительно этих четырех заключенных я утверждаю, что их убили, так как знаю, они выходили на работу вместе с нами, а когда мы вернулись в лагерь после работы, их уже не было. Это случилось во второй половине сентября 1941 года. В этот же период было совершено еще одно преступление. Когда нас погнали на работу, усташские охранники начали стрелять в заключенных, подгоняя криками «Быстрее, быстрее!». При этом двух заключенных, имена которых я не знаю, они убили, а Песаха Саламона ранили в спину; доктор Перич тайком лечил его. В это же время был совершен ряд преступлений и на месте проведения работ. Если кто-нибудь из заключенных останавливался хоть на секунду передохнуть, его тут же настигала усташская пуля. Так погиб парикмахер Кабилю из Загреба и два брата Леви из Белины. Портной Стерн из Загреба был убит тогда же за то, что пошел напиться воды, получив разрешение у одного из охранников. Это, однако, не помешало другому усташу застрелить его.

Хочу рассказать еще об одном случае. Мы возвращались с работы. Охранники-усташы по обыкновению стреляли в воздух и по деревьям. Услышав эти выстрелы, к нам подошел усташский поручик Любо Милош и приказал заменить этих охранников другими, предварительно поинтересовавшись, кто стрелял и зачем. Охранники ответили, что они стреляли, так как мы не хотим работать. Любо Милош посоветовал не стрелять,

а убивать ножом каждого нерадивого узника, не желающего работать. Из этого я сделал вывод, что Любо Милош был в тот период главным начальником в лагерях Ясеновац-II и I, потому что, во-первых, он отдал вышеуказанные распоряжения, а во-вторых, заменил охрану. Судя по поведению усташского взводного Шарича, который выполнял функции коменданта лагеря-I, можно сделать вывод, что и он получал приказы от усташского поручика Любо Милоша. Дневной рацион заключенных ограничивался тремя вареными картофелинами. Хлеб получали, и то нерегулярно, только те, кто выходил на работы. Один килограмм хлеба выдавался на 20 человек.

Из лагеря-I нас, около 600 человек, перевели в лагерь-III, располагавшийся в помещениях кирпичного завода. Нас разместили на чердаке хозяйственного блока, где до этого жили узники (всего там было около 150 человек). В период с первой половины октября по конец ноября 1941 года мы выполняли в лагере-III разнообразные работы: работали в мастерской по изготовлению цепей, на кирпичном заводе, на строительстве пекарни. В это же время заключенные из лагеря-II работали на возведении малого земляного вала и закончили его. На строительстве этого вала постоянно совершались преступления: узников избивали, а если они, валившиеся с ног от усталости, делали во время работы передышку — их убивали. Сколько людей было убито, я не могу сказать, так как точное число трудно установить. Безусловно, их было много.

В ноябре 1941 года в лагере-I было совершено тяжкое преступление. Это случилось ночью, шел сильный дождь. Объявив о проведении общей проверки, усташа построили узников, вывели около 50 человек из строя и тут же их расстреляли. Я узнал об этом из рассказа товарищей из лагеря-I, которые случайно остались в живых.

Мы, жившие в хозяйственном блоке, находились в это время в сравнительно лучшем положении, чем остальные, так как считались квалифицированными рабочими. В ноябре 1941 года оставшиеся узники из лагеря-II и I были переведены в лагерь-III-A, III-B и III-B, так называемый православный барак. Лагерь-III-B состоял из двух барачков, лагерь-III-A расположился в цехах кирпичного завода. Только узники, имевшие

специальность, по мере необходимости помещались там, где был я, то есть в хозяйственном блоке. В ноябре 1941 года усташы провели поверку старых, ослабевших и больных узников из лагерей III-A, III-B, а также «православного» барака, которых якобы хотели отправить в Джаково на лечение. Некоторые из заключенных согласились сами, других отобрали усташы. После этого всех заключенных заставили рыть ямы в бывшем лагере-II. Именно сюда усташы привели стариков, ослабевших и больных узников. Здесь они стали убивать их молотками и резать ножами, после этого приказали заключенным, вырывшим ямы, закопать их — мертвых и полуживых. Некоторые из узников, рывших ямы и закапывавших убитых, также были убиты. Оставшиеся в живых вернулись в лагерь и получили за эту «работу» усиленное питание.

С тех пор подобные злодеяния повторялись неоднократно. На рождество в 1941 году было совершено следующее преступление. В лагерь Ясеновац привезли 50 заключенных. Откуда они были и кто, я не знаю. Их зарезали сразу же по прибытии в лагерь: Йоца Матиевич, усташский прапорщик, подгоняя каждого уколами штыка в спину, подводил их к Любо Милошу, который тут же перерезал им ножом горло. Заключенные, работавшие могильщиками, сразу же закапывали их. Я не могу с уверенностью сказать, были ли убиты все 50 человек; возможно, кто-то один, максимум пять человек, остались в живых. Но то, что 45 человек было зарезано, не вызывает сомнения. Я видел это из окна чертежной мастерской, располагавшейся напротив комендатуры, где совершалось это злодеяние. В декабре 1941 года были уничтожены узники из Олова: Леви Садо, Леви Майер, Фримет Юлие и его отец, Аврам Озмо, Элиас Озмо, Леона Озмо, инженер Покорни и его сын и Озмо Исе Аврамов. Некоторых из них убили ударом молотка по голове, других зарезали ножом. Кто совершил это преступление, я не видел, так как и мне грозила опасность.

Проезжая однажды зимой 1941 года на коне по территории лагеря, Любо Милош заметил, что два электрика, находившиеся возле трубы кирпичного завода (имена их я не могу припомнить), смотрят на него. Одного из них он тут же без какой бы то ни было причины застрелил из пистолета. Видимо, он хотел по-

казать, как он метко стреляет. Об этом рассказал мне оставшийся в живых другой электрик, брат погибшего. Оба они были родом из Загреба. Вину за все эти преступления несут Макс Лубурич, комендант лагерей, и Любо Милош, начальник лагеря.

С января 1942 по 23 марта 1943 года комендантом лагеря был Ивица Маткович, усташский поручик, ставший позднее сотником. Бывший в то время распорядителем работ инженер Пицилли остался в этой должности до конца существования лагеря. Зимой 1942 года, видимо в январе, печь для обжига кирпича на кирпичном заводе была переделана под крематорий. Работы велись под руководством инженера Пицилли. С тех пор эта печь использовалась для выполнения вполне определенной задачи — ликвидации заключенных с тем, чтобы замести следы преступлений усташей. В течение всей зимы, до апреля 1942 года сюда привозили для уничтожения женщин и детей из Градишки и других лагерей. Всех мужчин, не способных выполнять физическую работу, также уничтожали в печи кирпичного завода. Предварительно их убивали молотом, а затем сжигали в печи. Эта участь постигла и некоторых заключенных из нашего лагеря, но в меньшей степени, главным образом тех, кто был болен.

Невозможно установить, сколько людей было уничтожено таким образом за 4—5 месяцев. Но жгли почти ежедневно, мы определяли это по черному дыму, валившему из трубы кирпичного завода, и по специфическому запаху, доносившемуся оттуда. Доказательством того, что сжигали действительно трупы, является и то, что кирпич зимой не обжигают. Мне же об этих зверствах рассказывал Дудица Баранор, очевидец, заключенный, исполнявший обязанности могильщика. Он вместе с другими 8 заключенными загружал трупы в печь. Эти узники назывались «группой Д». Всех их потом усташа уничтожили, чтобы они не могли ничего рассказать. Ответственность за эти массовые убийства несут Лубурич, Ивица Маткович и особенно Любо Маткович, осуществлявший надзор за сжиганием трупов, а также инженер Пицилли.

С весны по август 1942 года совершались массовые убийства цыган, а также их детей. Цыган привозили из всех районов страны. Женщин и детей уничтожали

сразу, а мужчин сначала использовали на работах по возведению земляного вала между Кошутарицей и Ясеновацем. Уничтожение цыган происходило в селе Градина, чаще всего в качестве орудия убийства использовалась кувалда. Затем их закапывали, причем заставляли это делать цыган. Мужчин размещали в так называемом лагере-III-C, расположенном на обнесенной проволокой территории между кирпичным заводом, железнодорожным полотном и вновь построенными бараками для ранее прибывших заключенных. В этот лагерь впоследствии привозили заключенных и других национальностей. С весны по август 1942 года, когда происходило уничтожение цыган, комендантом лагеря был Маринко Полич, усташский прапорщик из Дервенты. Существенную роль в ликвидации цыган сыграл Драгутин Пудич, в то время подпоручик. Первый раз я его встретил в Госпиче, он был комендантом лагеря. К уничтожению цыган причастны также усташские поручики Йосип Фриганович (по прозвищу Жиле) и Анто Койич, Перо Брзица, бывший студент юридического факультета из Герцеговины, а также Анто Маричич. В уничтожении цыган участвовали усташки Франьо Алилович, Иван Алилович, Петар Пекар, Галич и многие другие усташские солдаты и унтер-офицеры, фамилии которых я не могу вспомнить. Особую ответственность несет католический монах Мирослав Филипович-Майсторович, усташский оберпоручик, ставший весной 1942 года комендантом лагеря. Безусловно, в уничтожении цыган виновны и Лубурич, и Ивица Маткович, как коменданты.

Всего было уничтожено около 20 тыс. цыган.

Весной 1942 года пятеро заключенных из-за какой-то аферы, связанной, кажется, с контрабандой, были расстреляны на общей поверке: Бруно Дикманштейн, Сохо, Керпнер, Шпилер и Пайташ. Я упоминаю об этом в связи с поступком Драгутина Пудича, который, допрашивая этих заключенных, отсек кинжалом Пайташу ухо и заставил его съесть. Пайташа усташские офицеры мучили в течение 10 дней, лечили, потом опять мучили. Когда всех пятерых вывели на расстрел, Пайташ был весь забинтован: его тело было настолько избито и изранено, что усташки решили обмотать его бинтами, чтобы не было видно следов пыток. Его поддерживали под руки, так как сам он

идти не мог. После того как Шпилера застрелили, к нему подскочил усташ Ужичанин Рашид, вонзил нож в его тело и стал пить его кровь. Это произошло на глазах всех заключенных, построенных на общую поверку. Других участников этого преступления, кроме Рашида Ужичанина и Драгутина Пудича из Брчко, я по фамилиям не знаю.

В течение всего времени, когда комендантом лагеря был Мирко Филипович-Майсторович — с весны до поздней осени 1942 года, заключенных в Градине уничтожали ежедневно. Убивали кувалдой. Этим занимался сам Майсторович. Его жертвами были заключенные из нашего лагеря, разместившегося в кирпичном заводе.

Однажды летом 1942 года прославившийся своими зверствами Майсторович обедал возле столовой на свежем воздухе. Двое заключенных неподалеку от него собирали окурки. Заметив их, Майсторович выхватил револьвер и застрелил их, после чего спокойно продолжил свою трапезу. Аналогичный случай произошел летом 1942 года. Анто Атарац, усташский прапорщик из Дрвара, заметив, как повздорили двое рабочих лесопилки, приказал построить всех заключенных. Затем вывел одного из двух «провинившихся» из строя, заставил его встать на колени и застрелил его на глазах у всех выстрелом в затылок. Он не поставил об этом предварительно в известность ни коменданта, ни начальника лагеря. Фамилия убитого мне неизвестна. Знаю только, что ему было около 20 лет.

Осенью 1942 года была уничтожена большая группа заключенных, работавших в хозяйственном блоке. Йозо Чупич, усташский поручик из Славонски-Брода, Иво Некич, усташский взводный, и Томинац, заключенный из Сисака, принялись отбирать заключенных, предназначенных для уничтожения. Уничтожение происходило в Градине обычным здесь способом. Мне известно, что тогда были убиты Сречко Ткаличич, Унгар и Фухс. Хочу особо подчеркнуть вину Томинаца, поскольку его как заключенного не принуждали отбирать людей для уничтожения, он вызвался делать это сам в надежде на привилегированное положение в лагере. Он не был одинок в этом, но фамилии других, вставших на тот же путь, я не помню.

То, как поздней осенью 1942 года был ликвиди-

рован лагерь-III-C, представляет собой еще одно преступление. Заключенные, оставшиеся в лагере-III-C, были уничтожены следующим образом: перед входом в лагерь усташи установили щит с надписью «сыпной тиф» с тем, чтобы никто не посмел вступить на территорию лагеря и прийти на помощь 50 узникам, обреченным на голодную смерть. Некоторые из них под влиянием голода прибегли к каннибализму. Об этом много говорили в лагере. Я этого не видел, но знаю, что узники не получали никакой пищи.

Весной 1943 года, начиная со дня святого Иосифа и до 23 марта, в лагере царило безвластие, так как лагерь остался без коменданта. Прежний комендант Маткович уже не занимал этот пост, а новый комендант, Ивица Брклячич, еще не вступил в должность. В эти дни усташы совершили массовые убийства заключенных, им помогали заключенные-уголовники, полицейские агенты и усташы, помещенные в лагерь за совершение уголовных преступлений. В это время многие заключенные получили серьезные телесные повреждения в результате избиения прикладами, дубинками, кулаками, были изуродованы ножами, некоторые из них, возможно, и погибли. Хочу особо обратить внимание на то, что тогда в лагере был жестоко избит Драго Стерн из Загреба, который был ответственным за пищеблок. Он получил такие побои, что плоть начала разлагаться. Его избивали Никола Фишбергер, усташский взводный, Йозо Стоичич, в то время усташский поручик и, по-моему, Петар Брзица, усташский поручик. Этот Петар Брзица и Никола Фишбергер считались специалистами по избиению заключенных.

23 марта 1943 года в должность коменданта лагеря вступил Ивица Брклячич, усташский сотник. В это же время, возможно, чуть позже, должность коменданта всех лагерей занял банковский служащий из Мостара Шарац. Он исполнял обязанности до конца 1943 года, а после этого комендантом всех лагерей вновь стал Лубурич. Комендантом лагеря Ясеновац до весны 1944 года был Ивица Брклячич. Главным надзирателем лагеря при Брклячиче был Марко Павлович, усташский полковник.

Летом 1943 года при выполнении работ за пределами территории лагеря бежало 25, а возможно

и больше, заключенных. Тогда, по приказу главного надзирателя лагеря, всех заключенных, отправлявшихся на работу за пределы лагеря, стали заковывать в кандалы. Помимо этого, узникам запретили в течение месяца получать посылки, а также писать родным письма, на 10% был уменьшен дневной рацион питания. Посылки, которые в этот период присылались узникам, конфисковывались в пользу усташских офицеров.

В конце 1943 года, в декабре, усташки устроили два массовых расстрела заключенных; вначале было уничтожено 80 человек, затем — 60 человек. В момент, когда они направлялись на работу в лес, было инсценировано нападение и побег. В это время их всех и перестреляли. В лагерь никто из них не вернулся. В начале января 1944 года была расстреляна группа в 20—30 человек. Я считаю, что ответственность за их уничтожение несет Макс Лубурич, так как он к тому времени вновь стал комендантом всех лагерей.

В сочельник 1943 года в 8 часов вечера были вырезаны две семьи — Столцер и Айсенштадтер. Семья Столцер состояла из трех человек (муж, жена и дочь Вивиана), а семья Айсенштадтер из четырех (мать Эрна и дочери — Божана, Зора и Лела). Все они попали в Ясеновац, видимо, потому что были евреями. Их убили, как нам сказали, Йозо Матиевич, Йосип Далматинац из Шибеника и Крешимир Маич, сотник из Герцеговины.

В ночь с 3 на 4 января 1944 года были убиты Иван Богович и его жена Гертруда, Бернард Винер, его жена Элизабета, трое детей и престарелый отец. Они не были заключенными, а жили в доме возле лагеря.

Через 8 дней после этого злодеяния был убит и Арнольд Винер, брат убитого Бернарда. Арнольд был узником и работал в лагере в мастерской по производству цепей. Видимо, причиной его ликвидации послужили опасения, связанные с тем, что он является свидетелем убийства его брата Бернарда.

В начале июня совершил побег из лагеря загребский студент Иван Волнер. Его поймали под Дубицей и убили, а тело привезли в лагерь Ясеновац. В то время комендантом лагеря был Динко Шакич, усташский обер-поручик. (Он занял эту должность весной 1944 года и исполнял ее до осени того же года.) Перед по-

строившимися на поверку узниками было выставлено тело Волнера, и Райо Михич, усташский сотник, избивал заключенных плетью и кричал при этом: «Подходите поближе, полюбуйте на Волнера!»

Затем было отобрано 20 человек, в основном евреев. Этим занимался сам комендант Шакич. Двое узников почему-то в это время рассмеялись. Это были юноши лет 18. Динко Шакич тут же застрелил их выстрелом из пистолета. В число отобранных 20 заключенных попали профессор Самлаич и его брат Якоб Данон из Сараева. Группу отвели к «колокольне» и там расстреляли. Одного из числа отобранных, токаря высокой квалификации Альбахари, заменили другим узником Славко Гольдшмидтом. Был заменен и кровельщик Вайс каким-то инженером, фамилии которого я не знаю. После этих замен заключенных уничтожили. Правда, как они были убиты, я не знаю.

Летом 1944 года в селе Млака было совершено массовое убийство женщин-узниц, работавших в подсобном хозяйстве лагеря. Это злодеяние совершил Динко Шакич со своим верным помощником усташским прапорщиком Марко Михалевичем и другими усташскими солдатами. Когда в январе 1945 года Марко Михалевича арестовали, он признал, что конвоировал 50 или 60 женщин к месту их уничтожения.

В сентябре 1944 года в лагере были арестованы две группы заключенных. Одна из них — якобы за то, что поддерживала связи с партизанами. В нее входили: заключенные Лаци Матич, ветеринар; д-р Миле Бошкович, врач; Никола Пейинович из Сисака; Томо Марич из Загреба; Мусафия Хейнрих, инженер; Митар Бошкович; Рамзия Ребац; Боро, ученик из Дарувара; Бранко Конич, служащий суда; Миланович, дантист. Других я не помню. В группу входили и усташки: д-р Марин Юрчев, сотник, врач больницы, его жена обер-поручик Белушич, а также Жарко Янкович и Франьо Рукавина, работавшие в лагере писарями. Всех их подозревали в том, что они коммунисты. Их страшно мучили и избивали в течение нескольких дней. Допзнание проводил усташский сотник доктор Прпич, известный садист. Его помощниками, производившими пытки, были усташки: Миле Судар, взводный, Приморац Сильвестар, прапорщик, Перо Павичич, взводный, Лаичо Неорчич, взводный, Стипе Квесич, взводный, Динко Шакич, ко-

мендант лагеря, Никола (Пудо), пекарь, прапорщик. Я знаю, что все они участвовали в пытках и избиениях, мы, заключенные, видели, как они шли к зданию комендатуры с проволочными плетками, а также мы видели некоторых из арестованных, возвращавшихся с допросов избитыми. Во время допросов усташа использовали в качестве орудия пыток паяльную лампу, которой прижигали тело узника. Так, в частности, мучили Ремзи Ребаца. Мне рассказывал могильщик, закапывавший его тело, что все оно было обожжено паяльной лампой. Динко Шакич называл это орудие пыток «В-І». Об этом он прямо сказал как-то в парикмахерской: «“В-І” себя оправдала».

Одновременно с этим велось следствие против пяти заключенных, подозревавшихся в том, что они — четники. Среди подследственных находились Бранко Войнович, Перо Крайинович, какой-то Хаджия, Йово Лубура, пятого я не помню. Их, конечно, также подвергли пыткам и избиениям. Узников из так называемой «коммунистической группы», о которой говорилось выше, 21 и 22 сентября 1944 года повесили возле наших барачков. На другой день повесили и пятерых четников. Эту вторую казнь я вынужден был наблюдать, так как меня принудил к этому Динко Шакич. Пятерых православных вешали Лаичо Неорчич, Стипе Квесич и другие усташские унтер-офицеры.

Перед казнью усташ Приморац Сильвестар спросил заключенного Хаджию, «прощает ли он его за то, что тот его избивал». Хаджия ответил, что он никогда его не простит. В ответ Приморац Сильвестар сказал Хаджии, когда ему уже накинули петлю на шею: «До свидания на том свете».

Эти подробности я привожу для того, чтобы показать, как усташские бандиты издевались над людьми, которым оставалось жить всего несколько секунд. В 1944 году после этой экзекуции было повешено трое заключенных, работавших электриками, в том числе Аврам Алтарец из Земуна, Альберт Израэль, рабочий электростанции в Фойнице, и Франьо, электротехник из Загреба. Причиной казни послужило, что электротехник Франьо получал посылки с продуктами через одного из домобранских офицеров, служившего где-то под Ясеновацем в одной из частей зенитной артиллерии.

Осенью 1944 года, а именно 24 октября, были арес-

тованы почти все заключенные, работавшие в усташской больнице. Я запомнил следующие фамилии: д-р Клейн, врач; д-р Лейндорфер, врач; Тито Вейса, студент-медик; Сигпрейд Шустер; д-р Сатлер, врач; Мийо, повар усташской больницы; д-р Катц, дантист из Дарувара. Фамилии остальных я не могу вспомнить. Их арестовывал сотник Твртко Крешич и усташский сотник Павличевич. Я видел, как их поместили в бывшую часовую мастерскую. Они были в кандалах. Их обвиняли в том, что они якобы изготовили взрывное устройство, но, скорее всего, это специально выдумали усташки, чтобы обмануть нас, а также, чтобы оправдать их уничтожение. Все они были казнены, но не сразу, а в течение нескольких дней. По моим подсчетам, было казнено около 30 человек, в числе последних — д-р Клейн и д-р Лейндорфер.

После этого наступил период, длившийся по крайней мере месяц (с начала октября до ноября 1944 года), когда действовала новая система массового уничтожения в Гранике. В это время узников уничтожали почти каждый день. Часть заключенных согнали в Граник на берег Савы, убили ударами молота по голове и сбросили в реку. То, что орудием убийства были кувалды, можно было судить по доносившимся до лагеря звукам. В этих убийствах участвовали усташки: Никица Миличевич, взводный, Анте Зринушич, прапорщик, Владо (Лаичо) Неорчич, взводный, Миле Судармладший, Миле Сударстарший, оба взводные, Стипе Прпич, обер-поручик, Приморац Сильвестар, прапорщик, Латиф Ходжич, Алага Гулкич, взводные, Славко Мартинович, взводный, Марко Перкович, прапорщик, Станко Маркович, взводный, Петар Павичич, взводный, Стьепан Новосел, Миле Фркович, взводный, Марко Михалевич, прапорщик, эмигрант.

Какие конкретно функции выполнял каждый из перечисленных, я не знаю, потому что не мог этого видеть, но нет сомнения в том, что все они принимали участие в убийствах заключенных, так как на это время они отлучались из лагеря и возвратились после уничтожения последнего узника. В убийствах в Гранике принимали участие также специально приглашенные Анте Маркотич, усташский унтер-офицер, и усташ Гьогич.

Во время массовых убийств в Гранике было уничтожено около 3,5 тыс. человек; я знаю со слов заклю-

ченного, исполнявшего обязанности писаря: до начала операции в лагере насчитывалось 7,5 тыс. человек, после нее осталось 4 тыс.

В 1945 году уничтожение узников продолжалось в меньших масштабах, однако я не располагаю точными данными. Лагерь Ясеновац подвергся бомбардировкам 30 марта (дважды), затем 5 апреля 1945 года и еще раз несколькими днями позже, но на этот раз ему не было причинено никаких повреждений. Во время первых двух бомбежек были уничтожены мастерская по производству цепей, механический цех, тюрьма, часть караульного помещения, загорелся кирпичный завод. Под бомбежкой погибло около 40 заключенных, многие были ранены. Когда вспыхнул пожар на кирпичном заводе, усташы погнали всех заключенных на его тушение. При этом усташы обращались с узниками крайне жестоко, особенно выделялся Анте Зринушич, усташский прапорщик, застреливший двух узников из пистолета. Это я видел собственными глазами. Видел я также, как стрелял в заключенных Станко Зовко, усташский унтер-офицер, не знаю, правда, попал ли он в кого-нибудь из них. В тот день погиб Вольф, заключенный, работавший в мастерской по изготовлению цепей. Мне, однако, неизвестно, от чьей пули — Зринушича, Зовко или кого-то другого.

На другой день заключенные убирали лагерь. Усташы вновь избивали их палками, при этом особенно проявили себя Марко Михалевич и Мирко Перкович, усташские прапорщики.

Я был свидетелем еще одного массового убийства, которое происходило с 8 по 22 апреля 1945 года. По существу, это была ликвидация почти всех узников, находившихся в лагере. Тогда их насчитывалось около 3 тыс. человек. 8 апреля 1945 года усташские сотники Драгутин Пудич и Йосип Судар-Йоя затребовали из канцелярии списки всех заключенных. В тот же день около 19 часов они отобрали 10 евреев: Бори Леви, парикмахера из Биелины, Рафа Кабилю из Висока, Штерна. Имен других я не помню. Им было приказано построиться с вещами возле канцелярии, чтобы оттуда отправиться на работу. Вечером их увели, и больше я о них ничего не знаю, так как они были уничтожены.

9 марта 1945 года утром было отобрано 10 узников православного вероисповедания с той же целью. В тот

же день в полдень еще 20 узникам было приказано отправиться на работу. Я видел, как эта группа направилась в сторону Градины. Вечером я обратил внимание на густой дым, клубившийся в трех местах в Градине, клубы дыма можно было наблюдать вплоть до моего отъезда из Ясеноваца 22 апреля 1945 года. Говорили, что это сжигают останки людей, извлеченные из земли, а также трупы узников, убитых в последнее время. Делалось это с целью замести следы преступлений.

Все это повторялось изо дня в день, причем группы, предназначенные для уничтожения, становились все больше и больше. В эти дни, видимо, перед сдачей Сараева, в лагерь было доставлено около 400 жителей из этого города. Мужчин разместили в недостроенном здании, предназначавшемся для мясокомбината, а женщин — в здании комендатуры. Все они также были уничтожены в ходе массовых расправ, при проведении которых особенно отличились Драгутин Пудич, Йосип Судар, Любо Милош и Приморац Сильвестар.

18 апреля 1945 года прапорщик Лисац направил меня в усташскую больницу в Ясеноваце. Из числа заключенных там тогда работали д-р Кохн, дантист; д-р Павел Спицер, терапевт; д-р Руди Липкович, хирург; д-р Зора Файсткивург; д-р Иво Йонич, окулист; Йоже Шеноэр, магистр-фармацевт; Буки Шалом (Буки — прозвище, фамилии я не знаю); Йозеф Финци-Чучо, дантист; Маринко Алтарац, электрик; Данон Якоб (то есть я); Шалом Данон, Маргита Фурст, Гиордана Мандич, Даница, Катица, Видойка, Юлька, Ольга (фамилий не знаю), Репац из Нова-Градишки и еще трое мужчин, фамилии которых я не могу вспомнить. В ночь с 21 на 22 апреля 1945 года началась сильная стрельба, продолжавшаяся целую ночь, которая была задумана усташами как инсценировка нападения на них. Это было сделано для того, чтобы иметь повод для ликвидации оставшихся узников. В ту же ночь лагерь был заминирован, и значительная его часть взорвана. Утром оставшиеся в живых заключенные (около 1200 человек) предприняли попытку вырваться из лагеря. Как это было организовано и как происходило, я точно не знаю. К вечеру того же дня была уничтожена кожевенная мастерская, также находившаяся в Ясеноваце. Поднялась стрельба, все окутал густой дым. Мне сказали,

что заключенные — около 150 человек — попытались совершить побег. Удалось ли им это и как все происходило, мне неизвестно. Мы, то есть все, кто находился в усташской больнице в Ясеноваце, помогали в эвакуации больницы. Кроме больничного оборудования, мы перевезли врачей, а также Маргиту Фурст и Гиордану Мандич.

Вечером 23 апреля 1945 года к нам пришел усташ Коциян, санитар, который был в общем порядочным человеком. С грустью в голосе он сказал нам, что мы должны собраться в инфекционном отделении больницы на втором этаже. Там Йойо Судар объявил нам, что нас отправят в Лоню. Он пояснил, что при этом нас свяжут, чтобы мы не пытались бежать подобно узникам из кожевенных мастерских, убившим при попытке бегства усташского офицера. Потом пришел усташский поручик Томич, командир взвода в Ясеноваце, и с помощью своих людей связал заключенных. После этого мы, связанные, один за другим стали спускаться вниз. Я вместе со своим отцом Шаломом шел в числе последних. На первом этаже больницы я заметил у дверей Любо Милоша. Мне было ясно, что над нами готовится расправа: я сделал этот вывод на основании того, что заключенных из усташской больницы отправляли в той одежде, которая была в тот момент на них надета. По моему разумению, если бы усташа собирались отвезти нас в Лоню, то вначале они приказали бы собраться в дорогу и переодеться. Заметив Любо Милоша, я сказал ему:

— Господин Любо, неужели я это заслужил?

В ответ он сказал, чтобы я проходил дальше. Тут же за своей спиной я услышал, как Любо Милош спросил:

— Это что, парикмахер?

Услышав утвердительный ответ, он приказал:

— Пусть вернется.

Я взял с собой и своего отца. Мне развязали руки, и я сразу же развязал руки отцу. В ту ночь мы с отцом спали в усташской больнице. Еще хочу отметить, что видел, как девушек-узниц из больницы вывели из здания и повели в неизвестном направлении. Правда, их руки не были связаны, но их сопровождала вооруженная охрана. Утром следующего дня ко мне подходили усташа и говорили, что я счастливый, и, видимо, кому-

то сделал что-то хорошее, раз мне так повезло. Из этого я делаю вывод, что все остальные заключенные, работавшие в усташской больнице, были уничтожены. Об этом можно было судить и по поведению санитаря Кочияна, который в ту ночь просил Любо Милоша отпустить санитарку Видойку, поскольку, мол, она его родственница (хотя в действительности она не была его родственницей), но тот ему отказал.

Я подтверждаю, что 23 апреля 1945 года были уничтожены: Йожа Шеноэр, Буки Шалом, Йозеф Финци, Маминко Алтарац, Дорица, Олга, Кита, Видойка, Юла, Репац из Нова-Градишки и еще трое мужчин, имен и фамилий которых я не знаю.

24 апреля 1945 года меня вместе с отцом и с усташами — служащими больницы отвезли в Лоню.

В Лоне я встретился с нашими врачами-узниками и с двумя санитарками, так что теперь нас было девять человек; д-р Драго Кохн, д-р Павел Спиццер, д-р Руди Липкович, д-р Зора Файст, д-р Иво Йонич, я, Шалом Данон, Маргита Фурст и Гиордана Мандич. Мы пробыли в Лоне пять дней, а затем нас повезли в Сисак. Нам очень помог д-р Фабиянац, хирург по профессии, который незадолго до этого был мобилизован на работу в усташской больнице в Ясеноваце. Д-р Фабиянац заботился о нас, более того, он специально поехал с нами в Сисак, чтобы нас по дороге не убили усташы. Известные головорезы Стойчич и Юричич, по прозвищу Учо, возглавляли отряд охранников, который сопровождал нас. Чтобы понять разницу в обращении с нами, хочу отметить, что до того, как приехал доктор Фабиянац, усташской больницей заведовал усташ д-р Коморски. Не успев вступить в должность, он отправил обратно в лагерь двух врачей и двух санитаров: д-ра Кораицу и д-ра Кордича, санитаров Штерна и Альберта Маэстро, вместо них назначил усташей. Этот Коморски наверняка поступил бы таким же образом и со всеми нами. К счастью, об этом намерении узнал д-р Фабиянац, решительно заявивший, что без нас нельзя обойтись.

Из Сисака нас отправили в Загреб, куда мы прибыли 5 мая 1945 года, а оттуда санитарным поездом выехали в Словению в направлении Марибора. Не доезжая двух перегонов до Марибора, наш поезд был освобожден югославской армией. Два дня мы нахо-

дились в лагере вместе с усташами и их семьями. Мы оказали содействие нашим властям в аресте Марко Михалевича, усташских прапорщиков Андрии Свагуша и Ивицы Брклячича, усташского солдата, бывшего священника Юрчича, усташского обер-поручика, Йозы Стойчича, д-ра Шимы Цвитановича, полковника Миховила Прпича, усташского сотника Божу Налетича, усташского подпоручика Марияна Живановича, профессора Янича и других, которых я сейчас не могу вспомнить.

После того как я сообщил о том, что мне довелось пережить в лагере Ясеновац, расскажу еще о нескольких эпизодах, фактах ликвидации узников. Однажды в 1944 году, когда началось уничтожение заключенных в Гранике, в барак среди ночи ворвался усташский унтер-офицер Никола Брачич и вызвал двух узников: Леона Папо из Брезы и Рафо Алтарца из Загреба. Леон Папо противился, не хотел идти. Тогда на помощь Николе Брачичу прибежали усташские унтер-офицеры Миле Судар-младший и Лука Чоп. По рассказам заключенных, Никола Брачич заколол Леона Папо тут же, на месте. Был убит и Рафо Алтарец, правда, я не знаю как, но с того времени в лагере его никто не видел.

Осенью 1943 года Златко Коларич, усташский обер-поручик из Загреба, заподозрил, что Спасое Йованович, заключенный, бывший у него в услужении, крадет у него сигареты. В связи с этим усташский прапорщик Никола Хирбергер провел дознание. Он бил Спасое Йовановича, а затем заставил его проглотить три револьверных патрона, после чего у него появились сильные боли в животе. Он обратился за помощью к врачам, которые помогли ему. Погиб Спасое Йованович в 1944 году в Гранике.

В лагере на молочном заводе работал Каймакович из Биелины, очень порядочный человек. Однажды летом 1943 года он взял 150—200 граммов масла и около 400 граммов хлеба, чтобы передать заключенным из барака, находившегося напротив. Однако его поймал Ивица Брклячич, комендант лагеря. Он построил всех узников и вывел Каймаковича, закованного в кандалы, перед строем. Брклячич зачитал обвинительный приговор, присуждавший его к 50 ударам плетью. При этом он сказал:

— Сам будешь считать, а если собьешься, начнем сначала.

Брклячич, выбрав наиболее крепкого узника, плотника из Загорья, приказал ему исполнить приговор. Каймаковича раздели до трусов. Брклячич велел плотнику бить, не жалея силы, иначе он сам будет расстрелян на месте. Плотник начал избивать Каймаковича плетью из воловьих жил. После седьмого удара Каймакович взмолился:

— Лучше расстреляйте меня!

Брклячич ответил:

— Нет, расстреливать тебя мы не будем.

Истязание продолжалось до 50 ударов. Чтобы Каймаковичу было больнее, Никола Кишбергер, усташский прапорщик, зажал его голову между своими коленями. После этого Каймакович был на три дня брошен в тюрьму, а потом его заставили выполнять тяжелую физическую работу. Вынесенные Каймаковичем масло и хлеб усташ демонстративно отдал в качестве вознаграждения плотнику, приводившему в исполнение приговор. Каймакович был убит перед строем в 1943 году, в первой группе, о чем я уже рассказывал ранее.

Каймакович остался для меня светлым воспоминанием, так как он много помогал заключенным, особенно больным.

Осенью 1944 года усташа арестовали Финци Морица, родом из Сараева, заключенного, работавшего на АТС в Ясеноваце. Его так сильно били всю ночь в коридоре тюрьмы, что крики были слышны в наших бараках. Усташа распространили слух, что он намеревался взорвать АТС. Но это было их выдумкой, так как в противном случае они искали бы его сообщников и следствие длилось бы дольше. Поскольку утром Финци уже не было видно, его наверняка после пыток убили».

Характеризуя лагерь в Ясеноваце, Хорватская комиссия по выявлению преступлений оккупантов и их пособников отмечает в своем отчете «Преступления в лагере Ясеновац» № 4547/45 от 15 ноября 1945 года следующее:

«Руководители усташской террористической организации еще до своего появления в Югославии хорошо знали, что они не имеют опоры в народных массах

и что удержаться у власти они смогут только с помощью террора. Прибыв в Югославию на фашистских штыках после ее краха с небольшой группой головорезов, содержавшихся и обучавшихся еще до войны на деньги фашистов в различных центрах по подготовке террористических банд, они сразу же с первых дней оккупации, под покровительством германских и итальянских войск и опираясь на их активную помощь, стали проводить в соответствии с заранее подготовленным планом аресты, массовые и единичные убийства сербов, евреев и придерживавшихся прогрессивных взглядов хорватов.

Руководствуясь расистской теорией о чистоте расы и нации, они поставили своей задачей уничтожение в Хорватии всех сербов, евреев, цыган; одновременно они решили уничтожить всех хорватов, которые так или иначе придерживались антифашистских взглядов».

Среди общего количества жертв по числу убитых с высокой степенью жестокости, унижения и террора узников — мужчин, женщин и детей — первое место занимают сербы, затем евреи, цыгане и сами хорваты (Доклад югославской государственной комиссии по выявлению преступлений оккупантов и их пособников, К. Д., № 2697/52-2 от 16 января 1946 года). Что же касается изощренности применявшихся пыток, способов убийств, других нацистских приемов ликвидации узников, то лагерь в Ясеноваце принадлежал одно из первых мест. Он пользовался злобещей известностью не только в нашей стране, но и в Европе в целом. Это подтверждает и упомянутый доклад югославской государственной комиссии по выявлению преступлений оккупантов и их пособников, в котором говорится, в частности, следующее:

«По степени жестокости внутреннего режима и по количеству жертв этот лагерь пыток и смерти относится к числу наиболее страшных лагерей нацизма, какие только имелись во время этой войны.

Лагерь в Ясеноваце стал синонимом самых чудовищных зверств, совершенных за время четырехлетнего владычества усташей.

Усташа доставляли в Ясеновац большие партии мужчин, женщин, а также детей из Срема, Славонии, Боснии и других районов страны с целью ликвидации. Непрерывным потоком стекались заключенные, в том

числе узники из соседних лагерей, в Ясеновац, где их без суда и следствия тут же уничтожали».

Приведа показания свидетелей, а также прочие доказательства, подтверждающие совершенные усташами преступления, югославская государственная комиссия по выявлению преступлений оккупантов и их пособников в своем отчете подчеркивала:

«Совершение убийства в лагере оформлялось протоколами, один экземпляр которых направлялся общинной управе города Ясеновац. Как показал делопроизводитель этой общины Милан Дуземлич, из этих протоколов явствует, что до конца 1943 года в этом лагере было убито по меньшей мере 600 тыс. человек. Жертвы сжигались в специально переоборудованной для этих целей печи для обжига кирпича, расположенной на территории лагеря кирпичного завода. В большинстве случаев сжигали трупы убитых. Но усташи различными садистскими способами сжигали и полуживых, и живых людей. Сжигание проводилось также на кострах, в ямах, для чего использовался уголь. Типичным способом уничтожения узников в этом лагере являются массовые убийства заключенных на берегу Савы, где им сначала разбивали головы кувалдой или железным прутом, после чего сбрасывали в реку. Как подтверждение этого следует рассматривать всплывавшие в течение ряда лет в Саве трупы.

Широко практиковалась резня, расстрел же применялся реже. Многие жертвы лишились жизни вследствие жестокого лагерного режима, избиений, отравления бензином и нефтью, которые узники пили по приказу усташей. Большое число жертв избавилось от мук, совершив самоубийства.

Ввиду того, что эта часть Югославии была освобождена только в самом конце войны, следствие еще ведется. Поэтому первые данные, полученные от хорватской комиссии по выявлению преступлений оккупантов и их пособников, представляют собой результат лишь небольшой части огромного обрабатываемого ею материала.

Это сообщение югославской государственной комиссии по выявлению преступлений оккупантов и их пособников было передано в качестве обвинительного материала Международному военному трибуналу в Нюрнберге.

Считается, что за время существования лагеря, до

1945 года, в нем было уничтожено более 700 тыс. человек. По этому вопросу в «Энциклопедии Югославии» (издание Лексикографического института ФНРЮ, Загреб, 1960 год) говорится, в частности, следующее:

«Поскольку при эвакуации лагеря усташы уничтожили все, что могло бы послужить в качестве доказательства совершенных преступлений, то точное число жертв в лагере Ясеновац установить не представляется возможным. По оценке, основывающейся на показаниях оставшихся в живых узников, сохранившихся документах и признаниях усташских преступников, орудовавших в лагере Ясеновац, общее количество уничтоженных в нем узников превышает 700 тыс. человек».

Под управлением Ясеноваца находились лагеря, обозначавшиеся римскими цифрами — от I до V: Крапье, Брочице, «кирпичный завод», «кожевенный завод» и Стара-Градишка. Их непосредственным организатором и главным комендантом был Векослав Лубурич (Макс), которого сами немцы характеризуют так:

«... отъявленный садист, нервнобольной человек, патологический тип, послушное и готовое на все орудие поглавника, политически активен, инициатор и исполнитель кровавых расправ в Хорватии».

15 ноября 1941 года было уничтожено около 8 тыс. заключенных. На суде в 1945 году Любо Милош, один из самых жестоких усташских преступников, сказал:

«В Ясеновац меня направили в середине октября 1941 года по приказу Лубурича с тем, чтобы вместе с усташским поручиком Бркляичем создать там лагерь-III и организовать использование рабочей силы узников. Прежде чем вступить в должность, я провел перепись заключенных в лагерях Брочице и Крапье. Полагаю, что тогда в этих двух лагерях находилось около 4—5 тысяч заключенных. Однако, когда был создан лагерь-III («кирпичный завод»), в него было доставлено еще около 3 тыс. человек, и все они были уничтожены. Из всей этой группы в связи с бунтом заключенных из-за скудного питания лично Лубуричем было расстреляно 80—100 узников. Я присутствовал при этом. Первых двух узников Лубурич на глазах у заключенных зарезал ножом, сказав, что так будет с каждым, кто попытается бунтовать или бежать, после чего он перестрелял других из пистолета. Кто должен нести ответственность за уничтожение остальных 1 или 2 тыс. заключенных, я не

знаю, возможно, Йосип Маталия, по прозвищу Хаджия, или начальники лагерей, усташи-репатрианты Иван Рако и Анте Марич».

Об этих убийствах в докладе хорватской комиссии по выявлению преступлений оккупантов и их пособников (разделы III, IX и X, страницы 50 и 51) говорится, в частности, следующее:

«В течение всего 1942 года на поездах, на грузовиках или пешком в Ясеновац прибывали большие партии мужчин, женщин и детей, которых усташи, даже не заводя в лагерь, сразу же переправляли через Саву близ Ясеноваца и там уничтожали — в Градине, Уштице или других местах. Свидетели Хершак Йосип, Словенац Рудольф, Беденец Славко, Данон Якоб — все из Загреба, Матас Павао из Трстеника, Брейер Ото из Беловара и Тот Людевит из Гарешницы подтверждают совершение следующих массовых преступлений в 1942 году:

а) в один из дней (дата не установлена) усташи уничтожили в Градине большую группу крестьян, прибывших из Славонии (около 8 тыс. человек);

б) вскоре после этого они уничтожили группу людей около 7 тыс. человек, арестованных в районе Козары;

в) усташами была уничтожена в Градине большая группа евреев с детьми, прибывших из женского лагеря в Джаково».

ЗЛАТКО БЛУМШЕЙН:

«Примерно 20 января 1942 года усташи пригнали около 200 сербских крестьян из разных районов Славонии и избивали их в лагере тупыми предметами в течение часа. Крестьяне кричали, корчились от боли, многие из них скончались. Затем усташи подогнали несколько машин, побросали в кузов живых и мертвых и вывезли за пределы лагеря, как они говорили, на «кладбище за лагерем». Здесь их — и живых, и мертвых, — выбросили из машин и начали топтать сапогами. Когда всех добились, сняли с них одежду и обувь, а трупы свалили в большую общую могилу. Я знаю, что этим избиением руководил Милош Любо, а помогали ему Йосип Матиевич и Илия Саблич».

Первым комендантом ясеновацкого лагеря-III («кирпичный завод») был усташский поручик Йосип Матиевич. На этой должности сменилось затем много кровавых злодеев во главе с Векославом Лубуричем

(Максом) и Любо Милошем. В числе других эту должность занимали: Ивица Маткович, затем печально известный католический монах Мирослав Филипович-Майсторович, Ивица Брклячич, построивший крематорий инженер Хинко Пицилли, который был после Любо Милоша распорядителем работ в Ясеноваце, а позднее — комендантом лагеря до его окончательной эвакуации в 1945 году.

О том, как уничтожались заключенные в ясеновацком лагере, Любо Милош рассказал на суде следующее:

«Численность заключенных лагеря Ясеновац постоянно поддерживалась на уровне около 3 тыс. человек. Что в таком случае делали с остальными? Прежде всего хочу напомнить, что в лагерь Ясеновац поступало два вида заключенных: те из них, кто прибывал по решению полицейских управлений жупаний, вносились в картотеку лагеря; на заключенных же, ссылавшихся сюда без соответствующих решений, вообще не заводили карточку. А таких фактически было больше, и их сразу же увозили в специально отведенные места и там уничтожали. Среди тех, кто прибывал согласно решению, были осужденные на различные сроки — от 6 месяцев до 3 лет. Осужденные на срок до 3 лет также в большинстве случаев сразу же уничтожались. На этот счет имелось соответствующее указание Лубурича. Такое распоряжение Лубурич получил от Дидо Кватерника и Павелича.

Когда количество узников в лагере Ясеновац увеличивалось в связи с прибытием новых заключенных, принималось решение о безоговорочном сокращении их количества, в первую очередь за счет престарелых, слабых и больных узников. Порядок был таков: по прибытии отдельных партий заключенных в Ясеновац вагон с ними шел на территорию лагеря; не выпуская узников из вагонов, устали спустя некоторое время отправляли их к месту ликвидации. Уничтожение узников в большинстве случаев проводилось ночью, но я вспоминаю несколько случаев, когда эта акция осуществлялась и днем, группами по 100—300 человек или даже больше. В ходе массовых убийств было уничтожено 1500 человек. Вначале узники прибывали в лагерь партиями довольно редко, в среднем раз в неделю. Позднее, с начала весны 1942 года стали поступать большие группы 2—3 раза в неделю, а были случаи, когда узники прибывали ежедневно несколько дней подряд. Все эти партии, о ко-

торых я сейчас говорю, поступали в лагерь без решения полицейских управлений жупаний, и заключенных немедленно отправляли к месту ликвидации. Общее количество уничтоженных узников ясеновацкого лагеря, размещавшегося в «кирпичном заводе» и на прилегающей к нему территории, ни за время моего руководства им, ни за все время существования лагеря Ясеновац, не мог бы назвать ни я, ни кто-либо другой, так как узников, направлявшихся на ликвидацию, никто, нигде, никогда не фиксировал, ни в каких книгах не регистрировал. Это делалось сознательно, чтобы скрыть количество уничтоженных людей.

Заключенных, поступавших в лагерь по решению полицейских управлений жупаний, заносили в лагерную картотеку, в регистрационные книги и определяли на работу в том же лагере.

Такие заключенные прибывали гораздо реже, их направляли в специальных составах, например, с середины октября 1941 и до конца мая 1942 года, то есть в период, когда я находился в лагере. Таких зарегистрированных заключенных, по моим подсчетам, было ликвидировано около 5 тыс. человек.

Я не знаю подробностей того, как проходили первые массовые убийства в лагерях Брочице и Крапье. Ликвидации же, которые имели место позже в лагере, размещавшемся в кирпичном заводе, производились в течение 1941 года в основном вблизи самого лагеря, на территории, находившейся рядом с шоссе, ведущим на Кошутарицу, примерно в 500 метрах от лагеря. Ликвидации производил Маткович или, по его приказу, прапорщик Матиевич. Несколько раз это происходило днем, и я, находясь неподалеку, видел, что узников в ряде случаев расстреливали из пистолетов, но главным образом убивали кувалдами или топорами. Таким же образом действовали и ночью, с той разницей, что ночью пистолет не применялся. Бывало, что узников вырезали ножами...

В начале 1942 года поручик Станиша Василь уничтожил 800 сербов. Переправив их через Саву, он убил их, трупы побросал в дома и хозяйственные постройки в Градине, а затем поджег их. После этого все массовые операции по уничтожению узников совершались в Градине. Цыган ликвидировали главным образом в Уштице. Я знаю, что во время моего пребывания в лагере еще

одна группа была уничтожена где-то около лагеря Броцице. Тогда за несколько дней до прибытия международной комиссии было убито около 200 тяжелобольных, находившихся в больнице. Это случилось, когда я находился там, но знаю, что и после моего отъезда заключенных уничтожали на том берегу Савы, в селах Млака и Ябланац.

В начале апреля 1945 года Лубурич направил меня и обер-поручика Динко Шакича в Ясеновац с заданием организовать вместе с Пицилли уничтожение следов массовых убийств, совершенных на территории Ясеноваца в период существования «НГХ». Поскольку мне не были известны все места захоронений, осуществленных после массовых ликвидаций, Лубурич направил в Ясеновац монаха Филиповича-Майсторовича и сотника Пудича по прозвищу Паралич. В то время начальником гарнизона был полковник Яков Джал. Он приказал Майсторовичу и Пудичу ликвидировать следы преступлений. Я знаю, что они разожгли в Градине три костра, полив предварительно бензином извлеченные из земли трупы, бросали их в огонь и сжигали. Я несколько раз вместе с полковником Джалом присутствовал при этом и видел, как эту работу выполняли заключенные, а на расстоянии 50—100 метров находилась усиленная усташская охрана. Они же — Майсторович и Пудич — сжигали трупы и в Уштице, где ранее уничтожали цыган. В то время там стоял жуткий смрад от разлагавшихся трупов, а также от их сжигания. Кажется, трупы сжигали и около лагеря, и на территории возле Кошутарицы, но я этого точно не знаю. Последних узников лагеря Ясеновац уничтожали следующим образом: их привозили к Саве, к месту причала парома и судов, убивали ударом железного прута в затылок, затем каждому привязывали тяжелый железный груз, вывозили на пароходу на середину реки и сбрасывали в воду. Этим занимался полковник Пицилли со своей группой. Я знаю, что количество заключенных достигало несколько тысяч, но точную цифру назвать не могу, так как в период моего пребывания в Ясеноваце непосредственно в лагерь, где содержались узники, я не заходил».

Небольшой группе заключенных лагеря-III, размещавшегося в кирпичном заводе, удалось в последние дни спастись. К вечеру 21 апреля усташа повели к месту уничтожения около 800 женщин, а также 60 детей.

Оставшихся в лагере 1073 человека (по данным на 21 апреля 1945 года) заперли в здании бывшей столярной мастерской.

Сразу же после освобождения страны три комиссии проводили осмотр остатков лагеря Ясеновац, заминированного и взорванного усташами в последний момент. Первый осмотр проводила окружная комиссия Нова-Градишки по выявлению преступлений оккупантов и их пособников 11 мая 1945 года. Второй осмотр осуществила 18 мая того же года специальная анкетная комиссия, которую в Ясеновац направила хорватская комиссия по выявлению преступлений оккупантов и их пособников. Третий осмотр провела хорватская комиссия с участием судебно-медицинских экспертов и двух профессиональных фотографов.

В служебном протоколе комиссии от 18 мая 1945 года констатируется:

«После произведенного осмотра лагеря, заключения врачей и судебных экспертов, а также допроса свидетелей комиссия установила: преступления, совершенные в печально знаменитом лагере Ясеновац, одном из самых страшных мест пыток не только в нашей стране, но и во всей Европе, по своей жестокости, способам и извращенности их исполнения, по количеству и масштабам убийств превосходят все, что может вообразить самая буйная фантазия. Проявленная жестокость в сочетании с дикими садистскими извращениями свидетельствует о том, что только психической патологией можно объяснить применявшиеся пытки: усташа морили узников голодом и мучили жаждой, содержали их в специальных камерах-клетках, забивали под ногти гвозди, резали живое тело и посыпали раны солью, использовали половые органы живых женщин в качестве пепельниц для окурков, сжигали живых людей в печах для обжига кирпича, отрезали половые органы, подкидывали в воздух детей и насаживали их на штыки, ломали кости, вешали, топили в Саве...

Комиссия установила, что жертвами были представители всех наших народов со всей территории Югославии (сербы, хорваты, черногорцы, македонцы и другие). Людей бросали в лагеря только за то, что они в отличие от своих мучителей были другой веры или «расы», или же по малейшему подозрению в том, что они не поддерживают усташское правительство террора».

СТАРА-ГРАДИШКА. Лагерь располагался в бывшей тюрьме в Стара-Градишке с осени 1941 года. Он находился примерно в 40 километрах от Ясеноваца. Лагерь в Ясеноваце и лагерь в Стара-Градишке можно рассматривать как один: в усташских сводках лагерь Стара-Градишка упоминается под номером V, как часть лагеря Ясеновац. Вот несколько характерных примеров злодеяний усташей в отношении женщин и детей.

Англичанка **ПАУЛИНА ВАЙС** рассказала о своем пребывании в лагере Ясеновац и Стара-Градишка следующее:

«... Во время моего пребывания в лагере, кроме ежедневных пыток и убийств, совершались и многочисленные массовые уничтожения узников. Однажды в лагерь прибыла партия еврейских женщин и детей из Сараева. Когда же открыли двери вагона, то оказалось, что там были одни мертвецы.

Однажды усташа вывели из барачных бараков всех евреев и православных и перебили их. Больных и слабых убили прямо в бараках. Тогда было уничтожено 600—800 человек.

Часто случалось, что вечером прибывала партия узников, а наутро их уже не было в живых. Нам приходилось видеть горы убитых и изуродованных людей. 22 декабря 1942 года меня поместили в женский лагерь в Стара-Градишке. Я провела в нем более 7 месяцев.

Убийцами, заправлявшими в этом лагере, были Буджон, некая Милка, 22 лет, начальница швейной мастерской, затем Божана, около 16 лет, Нада Лубурич (сестра Векослава), 18 лет. Они резали и душили свои жертвы по ночам. По моим подсчетам, они убили около 2 тыс. женщин. Повседневным явлением были избиения и содержание в карцере без пищи.

Я находилась в лагере до 15 июля 1943 года, когда меня выпустили и я вернулась домой».

РОЗИКА ШИМКО:

«В конце 1943 года меня перевели в печально известную «башню», где содержались главным образом еврейки и сербки. Женщины были изголодавшиеся, изможденные тяжким трудом на полях, которым они занимались все лето и осень. Поскольку зимой работы для них не было, их заставляли щипать перо. Однако, по мнению наших мучителей, это было недостаточно про-

дуктивной работой, поэтому усташаи стали методически уничтожать узниц. Каждый день в помещениях, где размещались узники, появлялся известный своей жестокостью сотник Босак в сопровождении еще одного усташа, имени которого я не знаю, а также женщин-усташек Нады Лубурич, Буджон и православной Божицы Обрадович. Отобрав жертвы, они резали и добивали их в одиночных камерах. Однажды я видела, как усташка Мая приказала одной ослабевшей женщине встать, а когда та не смогла сделать это из-за слабости и болезни, задушила ее своими руками. К концу моего пребывания в лагере появилась еще одна изуверка, усташка Вилма Хорват, которая убивала такими же способами, о которых я уже говорила».

Из числа усташских преступников был допрошен Яков Маркович, охранник, служивший в лагере с 1944 года до его ликвидации. Он рассказал следующее:

«...Расстрел производился по плану: мы выводили на лесоразработки по несколько сот узников и из этой партии две трети расстреливали, а одну треть возвращали обратно в лагерь. Так мы поступали при каждом расстреле. Заключение сами копали ямы, куда мы их потом сбрасывали. Узника, пытавшегося совершить побег, мы на месте убивали ножом, а матерей, пытавшихся защитить детей, уничтожали топорами и кувалдами».

Вместе с матерями в лагерь привозили сербских и еврейских детей. Их постигла участь матерей. Без малейшей жалости их мучили голодом, избивали и убивали.

РУЖА РУПЧИЧ:

«... Во время моего пребывания в лагере начиная с мая и до конца 1942 года усташаи доставляли в лагерь целые партии женщин и детей. Детей сразу отделяли от матерей, их отправляли на работу в Германию, если же они были нетрудоспособными, убивали и мать, и ребенка. Дети были в возрасте от 2 месяцев до 10—12 лет. Питание и обращение с детьми в лагере были хуже некуда. Грудным детям вообще не давали пищи, и они умирали от голода, остальных же кормили сырым человеческим мясом, от которого они заболели поносом, вплоть до выпадения кишок. Спали на полу, почти голые, в результате чего умирало по 30—40 человек в день. В июле 1942 года усташаи отобрали около 2 тыс. детей якобы нежизнеспособных, сложили их штабелями, как

дрова, в одной из комнат и удушили газом. Более здоровых, закаленных детей оставили в живых, и они, как я уже говорила, продолжали умирать медленной смертью. В конце концов оставшихся в живых детей погрузили в машины и отправили в Яску.

Когда дети умирали, их трупы складывали в кучу во дворе, откуда могильщики уносили их на кладбище, но случалось, что отдельные трупы лежали во дворе по нескольку дней».

ОТО ЛАНГФЕЛЬДЕР:

«... В июне 1942 года прибыла комиссия для осмотра лагеря. В связи с этим всех детей в возрасте до одного года поместили в усташскую больницу. Как только комиссия уехала, все дети были убиты».

ЭДО ДОЛИНАР:

«... По моим подсчетам, в лагере было убито от 6 до 7 тысяч детей».

ВИНКО ЗДРАВЕЦ:

«Примерно 22 октября 1944 года усташаи уничтожили около 200 детей. Это была последняя группа детей, находившихся в лагере».

ДАМНЯНА ЗВЕЧЕВАЦ:

«11 октября 1942 года усташаи погнали жителей нашего села Кукуневац в лагерь. Меня вместе с моей семьей затолкали в церковный двор. В тот день мой муж, покойный Михайло Звечевац, был убит в Кукуневаце вместе с другими 780 жителями этого села.

В церкви крестьян разделили: мужчин в возрасте от 13 до 50 лет (всего 780 человек) убили топорами и кувалдами.

Мы же, оставшиеся в живых, около 10 часов двинулись к вокзалу. Нас, партизанские семьи, отправили в лагерь. Мы шли по дороге, но старик Миле Катич отстал от нас. Подошедший к нему усташ убил его ножом. Спустя некоторое время усташаи сбили с ног дочь Петра и Мары Нежич и зарезали ее. Так же они поступили с одной старушкой, которая не могла больше идти. Ее звали Джурджа Крайинович.

По прибытии на станцию в Кукуневаце нас сразу же затолкали в вагоны для скота и повезли в направ-

лении Банова-Яруги, где поезд на какое-то время остановился. После этого он поехал в сторону Окучани. На станции нас, женщин с малыми детьми, посадили в грузовики и привезли в Стара-Градишку.

Нас выгрузили у лагеря, обнесенного забором высотой около 3 метров с тремя рядами колючей проволоки наверху.

В воротах стояли усташы, которые обыскивали и избивали нас, отбирали деньги, золотые вещи, одним словом, все, что представляло хоть какую-нибудь ценность.

В лагере с левой стороны стоял небольшой дом. Туда усташы завели Елу Джуранович и Мару Вулетич и там убили их.

Стариков — Милоша Цыгановича, Джуро Звечеваца, Петара Джодана, Дане Марунича и других моих односельчан — разместили на втором этаже здания. Мы же все остались во дворе и не смели никуда отлучиться, так как у забора на сторожевой вышке стояли охранники с ручным пулеметом, и стоило кому-либо отойти в сторону, как его тут же убивали из пулемета.

Одного из наших односельчан — Дане Марунича — усташы принялись жестоко избивать в его камере. Он стал громко кричать, и они его тут же убили.

Полтора месяца промучилась я со своим 18-месячным ребенком во дворе лагеря, где одеялом нам служило небо, а простыней — сырая земля. Была поздняя осень, и мы вместе с моими односельчанами терпели все невзгоды, связанные с непогодой, а также другие страшные муки.

Из еды мы получали один раз в день заправленную кукурузной мукой баланду с плавающими горошинами, кусочками картофеля, кукурузной соломой, часто в ней попадался крысиный помет. Гигиенические условия были ужасными. Я видела, что утром людей куда-то уводили, и они больше не возвращались. И так было каждый день!

Как я уже говорила, обращение с нами усташей и усташек было очень жестоким, просто невыносимым. Я вспоминаю, как узники выкопали в лагере траншею трехметровой ширины и такой же глубины, вероятно, она послужила могилой для заключенных.

После месячного пребывания в Стара-Градишке нас, матерей с детьми, собрали и отправили поездом в лагерь Сисак.

Как только мы прибыли туда, у нас сразу же отобрали детей. Забрали и моего сына, Михайло Звечеваца, и больше я его не видела. Женщин тут же отвели в какое-то помещение, где нас остригли наголо, а затем издевались над нами, обливая то горячей, то холодной водой, невзирая на наши страдания. В лагере я сильно страдала от поноса, так как в еду добавляли каустическую соду и другие «медикаменты». Обо мне заботилась и лечила меня моя односельчанка Совета Липар.

Мне известно, что детей морили голодом. Четырехлетний ребенок женщины из нашего села Милицы Шарчевич грыз от голода свои пальцы и в конце концов умер в лагере от истощения.

Я знаю также, что многих молодых женщин отправляли в Германию, а беременных — в Ясеновац, где они распрощались с жизнью.

Через 14 дней после прибытия в Сисак мне удалось вместе с женщинами, у которых был пропуск, бежать и вернуться домой в Кукуневац».

ДРАГА РАДЖЕНОВИЧ-ПАВКОВИЧ:

«Это было в апреле 1942 года, по-моему, в понедельник. Мы с мужем целый день работали в поле — сеяли кукурузу. Нам уже оставалось засеять небольшой участок. Но муж, Никола, сказал, что хватит на сегодня, закончим завтра. Мы пришли домой уставшие, сделали все дела по дому, поужинали и легли спать.

Утром во вторник нас разбудили усташа. Сонных, не одетых, нас погнали на школьный двор. Сказали, что будут выступать перед нами с речью, приказали не беспокоиться и не разбежаться.

Речь должен был произнести усташский сотник, имени которого я не помню, но он так и не появился. Когда же все собрались возле школы, нас погнали к шоссе. Это шоссе, которое ведет от Липика к Окучани и Босанска-Градишке. На шоссе уже стояли грузовики и «черный ворон».

Нас в спешном порядке затолкали в грузовики и повезли на восток по направлению к Окучани, а затем в лагерь Стара-Градишка. При погрузке в машины нас отделили от мужчин, а когда привезли в лагерь, то всех мужчин старше 15 лет развели на одну сторону, а женщин и детей — на другую.

Я помню какую-то хибару, напоминающую свинар-

ник, длинную и низкую, расположенную рядом с «башней». В нее втиснули столько узников, что там нельзя было пошевелиться. В конце этого строения было одно маленькое окошечко, через которое оно проветривалось.

В этом аду нас держали двое суток. Днем нас допрашивали, интересовались, где наши мужья, хотя прекрасно знали, что наших мужей отделили от нас еще на шоссе и тоже отправили в лагерь. После этого нас поместили в печально знаменитую «башню».

Иначе как кошмаром, который неведом людскому роду, это не назовешь. Внутри «башни» были только голые стены, помещение было битком набито измученными голодом и жаждой женщинами и детьми. «Башню» окружал высокий каменный забор с колючей проволокой. Наверху дежурили усташские охранники. Усташи были и внизу, среди узников якобы для поддержания порядка, а в действительности они мучили и убивали несчастных женщин и детей. Насколько я смогла узнать, среди узников были женщины и дети из наших трех сел, имевших общее название Голешы, в которые входили: Раденовичи, Райчичи и Милисавцы; были также заключенные из Млаки, Ясеноваца, Босанска-Дубицы и Хорватска-Дубицы, а также из других мест.

Этот кошмар продолжался три недели. Нас мучили голодом и не давали пить. Когда нам приносили еду, то она состояла из баланды из кукурузной муки, вместо соли туда сыпали каустическую соду, от чего внутри все горело, а воды нам не давали. Да и такую пищу мог получить только сильный, так как за еду дрались, отталкивая друг друга. Те же, кому не доставалось, умирали с голода. А что могла сделать я, имея на руках двух малых детей? Одному было девять месяцев, а второму три года. Если мне и удавалось пробиться к котлу, то еду мне приходилось наливать в уголок фартука, который был на мне надет, и этой пищей я кормила детей, самой же не оставалось ничего. К тому же малыш все время сосал грудь, хотя молока у меня уже не было. У единственного колодца всегда стоял усташ. Когда же он время от времени разрешал взять немного воды, начиналась давка в попытке достать хоть глоток воды. Тогда усташ отгонял нас от колодца, избивая и убивая тех, кто попадался ему под руку, — прикладом, ножом, ударом сапога.

На этой небольшой территории, переполненной людьми, усташы намеренно разрешили заключенным вскопать землю и посадить картофель. Было строго запрещено трогать и топтать его, но несчастные изголодавшиеся дети выкапывали картошку и ели ее сырую вместе с землей. В довершение этих ужасов и страданий все вокруг кишело вшами, нас кусали крысы, нападавшие в первую очередь на детей.

Рядом со мной умерло 5 или 6 женщин, а дети умирали в неслыханном количестве от голода и кровавого поноса, вызываемого каустической содой. Каждое утро в «башне» появлялся дежурный усташ в сопровождении заключенных, которые, собрав трупы детей, вывозили их на тачках на улицу, а затем — за пределы лагеря на берег Савы и сбрасывали в овраг. Когда вода в реке поднималась, она уносила трупы. Это видели наши женщины, которых ежедневно уводили из «башни» на какие-то работы, а возвращаясь, они нам рассказывали об увиденном.

Чтобы описать этот ад, потребовалось бы несколько томов.

Через три недели усташы отобрали всех девушек и женщин без детей и увели их из «башни». Позже мы узнали, что их угнали на работу в Германию.

Мы же, женщины с детьми и старухи, оставались в «башне» еще в течение 8—10 дней, а затем усташы отобрали старух и беременных женщин и увели их. Среди них была и моя свекровь Сока Радженович. Этих женщин мы уже больше не видели среди живых. Слышали, что их на грузовиках отправили в лагерь Ясеновац. Их везли через Окучани, а далее — неизвестно куда.

Через 6 дней повезли и нас. Вначале отобрали детей у матерей. Нас всех построили, и какой-то усташский офицер произнес перед нами речь. Он страшно ругал и оскорблял нас. Говорил, что мы плохие матери, так как не умеем воспитывать своих детей. И что теперь этим будут заниматься власти, а матерям будет разрешено только приезжать и навещать их.

У женщин, не отдававших детей добровольно, усташы отнимали их силой.

Моих детей к этому времени уже не было в живых. Девочка умерла у меня на руках; ее забрали и увезли на тачке в небытие. Мой же девятимесячный мальчик

умер у моей груди, держа во рту пустой сосок. И его убийцы забрали и увезли. Эта картина будет стоять перед моими глазами всю жизнь. Мне невероятно тяжело об этом вспоминать.

С мужем нас разлучили еще по дороге в лагерь, когда нас уводили из села. Мы нашли друг друга в Германии посредством переписки. Он там заболел, и как нетрудоспособного его отпустили домой. Мне же не разрешили уехать с ним. Последнее письмо я получила от него из Марибора, и с тех пор я ничего не знаю ни о нем, ни о том, где его убили.

Свекровь увезли из лагеря вместе с другими старухами и беременными женщинами, и я тоже не знаю, где ее убили. Вместе со мной в лагере было трое детей моего деверя и невестки, умерших перед войной. После их смерти я и мой муж взяли этих детей к себе. Племяннику Владо было 9 лет, когда он умер в лагере. Племянницу Саю (15 лет) удалось с помощью Красного Креста в Загребе выволить из лагеря. Она вернулась к дальним родственникам в село Криче близ Новски и там умерла вследствие подорванного в лагере здоровья. Племяннику Остое было 12 лет. Его с помощью Красного Креста выволил из лагеря Добри Йово и привез домой. В настоящее время он живет в селе Транковац близ Окучани.

Я осталась одна. Не знаю, жива я или нет, если бы я сказала что-то другое, я бы покривила душой. После того как у женщин отобрали детей, нас держали в лагере еще 2 дня. Затем нас построили в «башне» и погнали пешком в сторону Окучани — грязных, измученных, голодных, сгорающих от жажды, раздетых и разутых. Мы думали, что нас ведут на расстрел. По дороге мы рыдали, просили пить. Но никто не отважился дать нам ни капли воды, а тем более пищи.

В Окучани нас погрузили в вагоны для скота, запломбировали их, и поезд тронулся в направлении Загреба».

КАТИЦА ФИЛИПОВИЧ:

«Млака — это подсобное хозяйство Ясеноваца, именно так называли лагерные уголья. Ранее это были православные села, население которых истребили усташы, обширные же земли обрабатывали заключенные с тем, чтобы лагерь и гарнизон могли прокормить себя

с помощью этого подсобного хозяйства. Наряду с лагерным гарнизоном там размещалось еще несколько усташских частей.

Млака когда-то была большим и довольно богатым селом. Об этом свидетельствует большое количество красивых домов и церквей. Для заключенных же Млака стала местом ужасов и смерти. Даже по сравнению с тяжелейшими условиями Ясеноваца режим там был невыносимым. «Куда угодно работать, только не в Млаку», — думали и говорили заключенные. Но все-таки многие работали в Млаке, работали там с раннего утра до поздней ночи, в дождь, холод, терпеливо перенося жесточайшие издевательства со стороны усташей, брань, побои.

Осенью 1944 года в помощь работавшим на уборке кукурузы в Млаку прибыла большая группа женщин. Никто не думал о том, что женщинам негде спать, нечего есть, нечего надеть на себя; важно было только одно — вовремя, до разлива Савы, собрать урожай кукурузы.

Нас, 50 женщин из Ясеноваца, поместили на сеновале, набитом доверху сеном, спали мы под крышей, а забирались туда по лестнице. Несмотря на холодную и дождливую осеннюю погоду, мы работали не покладая рук. Шли каждый день по грязи — я думаю, что нигде нет такой грязи — по пять с лишним километров строем строго друг за другом. Вечером возвращались грязные, усталые, промерзшие и изголодавшиеся, готовили ужин — кукурузную болтушку, но только мы начинали есть, как объявлялась общая поверка.

Нас считали, пересчитывали, сбивались со счета, угрожали, избивали. После поверки сразу же загоняли в помещения, и до утра никто не смел выходить наружу, а наутро — снова на работу. И речи не было о том, что нам надо помыться, постирать белье. В этих нечеловеческих условиях мы изо всех сил старались не сойти с ума. В минуты отчаяния всегда нашим верным другом была песня. Она поднимала наш дух, поддерживала нас, давала силы для борьбы.

Несмотря на все наши старания, кукурузу мы не успели собрать до разлива Савы. Река настолько вышла из берегов, что кукурузных полей вообще не было видно. Дождь лил днем и ночью, а мы работали, бредя в воде по скользкой грязи, таская корзины с кукуруз-

ными початками на баржу: надо было всю кукурузу перевезти в Ясеновац. Когда мы работали на уборке, нам приходилось, стоя в воде, грузить на баржу сено. Это был тяжелый, изнурительный труд, дождь не прекращался ни на минуту, постоянно дул ветер, а мы, промокшие до нитки, босые, прозябшие до костей, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться — мы пели...

До нас доходили слухи, что в Ясеноваце усташы, охваченные животным страхом, чувствуя свой близкий конец, проводят массовые ликвидации узников, уничтожают все, что только можно уничтожить. Было ясно, что дни наши сочтены. Трупы один за другим плыли по мутным волнам...

Весь день, не переставая, лил ноябрьский дождь. Мы работали до 9 часов вечера, так как надо было загрузить баржу, которая должна была отплыть утром в Ясеновац. В тот день нам стало известно, что подбирают партию узников для отправки в Ясеновац. Но этому никто особого значения не придал. Вернувшись с работы вечером, усталые и замерзшие, мы уснули мертвым сном. Наутро — проверка. Все оказались на месте. Вдруг мы заметили убийцу из Ясеноваца по кличке Бондарь, приехавшего в Млаку за самогоном. Что он здесь делает? Вытащив какой-то список, он сказал:

— Те, кого я сейчас назову, поедут в Ясеновац.

Он выкрикивал одну фамилию за другой! 166 православных и евреек. И тебе надо готовиться, и тебе! Боже, сколько их! Кто же остается? 99 хорваток. Мы, хорватки, отворачиваем от стыда глаза, но отчаяние нарастает.

— Куда нас повезут? — спрашивают меня пожилые крестьянки. Они глядят на меня и ждут ответа. Я не могу выдержать их взгляда. Отворачиваюсь и произношу слова утешения. Нет, я не обманывала их, мне самой хотелось верить, что «Ясеновац» действительно означает Ясеновац и ничего больше.

Я вхожу в комнату, где жили одни девушки. Из 30 девушек увозят почти всех. Остаются только три. Они обнимаются, поют и плачут. Я смотрю на них и стараюсь убедить себя, что невозможно, чтобы этих молодых, полных жизни девушек отправили на смерть. Неужели этих детей, наших любимиц, нашу радость, всегда веселых, неугомонных, улыбающихся, неужели

их..? Среди них были главным образом школьницы из Земуна, Сараева, несколько евреек, родителей которых усташи давно уничтожили. Я хотела убежать, но одна из них сказала:

— Когда погибают молодые подруги, надо петь, а не плакать!

Прощание прошло почти спокойно. Зора Маринкович протянула мне свои лагерные карточки и фотографии и сказала:

— Мне они уже не нужны, а ты, если останешься в живых и выйдешь отсюда, отвези их моей маме, только не говори бедняжке о том, как закончилась моя жизнь, скажи, что умерла от болезни. А товарищам передай от меня привет и все им расскажи!

Нам приказали вернуться в помещения, а их погнали на пароход. Там их заставили сесть на пол, так что снаружи вообще не было видно, что кто-то находится на борту. Мы видели, как усташские убийцы садились на пароход. Вид у них был, как у свадебных сватов, каждый под мышкой держал бутылку ракии, они шли в обнимку и пели свои «боевые песни»:

«Тем, кого мой нож заденет,
уж не нужно ни воды, ни хлеба...»

Через полчаса по реке один за другим стали проплывать трупы. Некоторые из них течением прибывало к берегу. Усташи, сидя на лодке, старались с помощью длинных шестов отправить трупы на дно. Это их забавляло, они перекидывались шутками, хохоча во все горло.

29 ноября вечером, только мы легли, вдруг объявили общую поверку. Ну, подумали мы, и наш час пробил. Никто не хотел выходить из помещения, но тут появился Бондарь. Оказалось, что он пришел, чтобы «успокоить» нас: он сообщил, что завтра рано утром мы все, мужчины и женщины, пойдем на уборку сена в Ябланац. В ту ночь двое из 30 мужчин-православных, сознавая свою обреченность, повесились. Это случилось до того, как нам объявили о завтрашней поездке в Ябланац.

На пароход мы пришли в ужасном настроении. Чтобы подбодрить мужчин, мы пели песни, они тоже пели для поддержания духа.

В Ябланаце мы сразу же приступили к работе. Вдруг усташи забеспокоились, засуетились, поднялась стрельба. Мы подумали, что кто-то совершил нападение

на них, но на километры вокруг никого, одна вода — и никаких лодок, даже вдаль. Мы догадались, что кто-то сбежал. Нас построили на поверку, пересчитали, и мы вернулись на свои места.

Скоро стало известно, что бежали трое заключенных из лагеря Ябланац. Они перевозили на лодке усташей. Возвращаясь обратно, они сбросили в воду усташа-конвоира и бежали. Всех оставшихся заключенных, православных, кроме надзирателя Марияна, загребского спекулянта, убийцу и бандита, и его заместителя, усташа убили в нескольких шагах от того места, где мы работали. Только двоих им никак не удавалось прикончить. Четверо усташей наносили им удары ножами, а усташ Циго кричал:

— Дайте я их добыю, хочу сам прикончить!

Всюду валялись трупы. Только вечером их сбросили в Саву. Два изуродованных трупа остались лежать до утра в мусорной яме. Мариян тоже принимал участие в убийствах заключенных.

Следующие два дня мы работали вместе с мужчинами. Это были в основном крестьяне, молодые, сильные, работоспособные люди. Работу закончили днем и должны были возвращаться в Млаку.

Вечером 2 декабря во время общей поверки усташский бандит Рбатович сказал, что до дальнейших распоряжений никто не смеет выходить из помещений. Мы насторожились, нам казалось, усташа что-то замышляют. Около 8 часов мы заметили, как они, стараясь не поднимать особого шума, окружают бараки, в которых размещались мужчины. Нам все стало ясно. Вдруг все заглушила пулеметная стрельба, продолжавшаяся 20 минут. Нам же казалось, что она длится целую вечность. Мы были уверены, что близится и наш черед. Но все стихло, и мы услышали голос Рбатовича. Он звонил по телефону в Млаку и орал так, что нам было слышно:

— Млака, Млака! Не беспокойтесь, это не нападение, кто может на нас напасть. Так, ерунда. Наши заключенные взбунтовались и хотели бежать, вот мы их всех и перебили. Нет, никто не убежал. Женщины ведут себя тихо, спят, наверняка ничего не слышали.

Когда все успокоилось, вдруг снова послышались вдалеке какие-то крики. Сначала слова были невнятные, потом до нашего уха ясно донеслось:

— Партизаны, партизаны, товарищи, дорогие, спасите, нас всех убьют, партизаны, партизаны, товарищи...

Слова перемежались стонами. Послышался отчаянный крик человека, которого уже начали убивать. И опять какой-то шум, затем снова тишина.

На следующий день нас не повезли в Млаку, не пришел пароход. Нам дали хлеба. Лишь через день сказали, что пароход скоро придет. Мы готовили в усташской кухне, так как нашу затопила вода. В кухню вошел усташский бандит. Я сразу же вышла. Открыла дверь и отскочила назад. Я не могла проронить ни слова. Нечто вроде человека двигалось в сторону кухни. Как будто бы человек и вроде нет. Это окровавленное, все в синяках существо с кровоточащей раной на лбу и перерубленным пополам подбородком никак нельзя было принять за лицо человека. Он вошел в кухню и остановился у плиты. Он весь трясся. Тоже растерявшийся усташ спросил:

— Кто ты, откуда?

Он посмотрел на него умоляющим взглядом:

— Разве ты не узнаешь меня? Я — Никола, сви-
нарь...

Действительно, это был свиляр Никола, узник из нашего лагеря, толстощекий шестнадцатилетний паренек. В таком ужасном состоянии, израненный, он провёл 48 часов в воде и вернулся, чтобы его убили, так как у него самого уже не было сил для этого. Чуть позже раздался выстрел усташа — и все было кончено.

Мы узнали и о судьбе второго узника, звавшего на помощь партизан. Это был Бранко из Сараева, мы называли его Тракторист, так как он работал на тракторе. Раненый, он плыл в декабрьской воде Савы, а когда выбился из сил, взобрался на торчащий из воды ствол ивы и стал звать партизан. Усташа подплыли к нему на лодке, схватили и привезли назад. Несмотря на то, что замерз и был ранен, он чуть не задушил одного из усташей. Они с трудом связали его, а потом, избив, прикончили.

Те несколько заключенных, которые остались в живых в Млаке, поскольку они в тот момент были нужны для выполнения хозяйственных работ, увидев, что на пароходе возвращаются одни женщины, не стали ни о чем спрашивать: все было ясно без слов.

Четыре года Млака была кровавым филиалом Ясе-

новаца. Рассказанное — лишь небольшая часть того, что происходило в ней в течение этих долгих четырех лет.

А теперь эти убийцы просят пощады, говорят, что они не виноваты. За то, что они совершили, мы никогда не сможем им отомстить, но мы обязаны их уничтожить, чтобы они никогда не смогли повторить сделанного. Им не должно быть пощады, этого требует от нас Родина, об этом к нам взывают наши павшие товарищи, братья, сестры, родители. Это наш долг перед грядущими поколениями, которые могут и должны быть более счастливы, чем были мы».

ЙОВАНКА ЗАСТАВНИКОВИЧ:

«Я, Йованка Заставникович, из села Голеши, в настоящее время живу в селе Бенковац под фамилией мужа Павич, родилась 5 января 1935 года в селе Радженовичи и до ареста и массового угона в лагеря 20 мая 1942 года жила с отцом, матерью и братом Йоцо.

В наше село Радженовичи пришли усташы, и всех, кого застали дома, схватили и отправили в лагерь в Стара-Градишку. Я была маленькая, но хорошо помню, что были и отец, и мать, и брат Йоцо. Когда нас выгрузили из машины, отца я уже не видела, остались только я и мама с братом Йоцо. Насколько я помню, нас тогда загнали в подвал «башни». В подвале нам бросилось в глаза, что всюду была вода, из корыт несло тухлой капустой: матери, чтобы их дети не промокли, поставили их в корыта. Они служили нам и простыней и одеялом. Мать сняла с себя одежду, чтобы укрыть нас ею от холода. Хоть я и была маленькой, но помню, что нам давали какую-то еду, похожую на разведенный крахмал, без крошки хлеба. Мать наливала похлебку в фартук, а мы с братом брали ее пальцами и ели. Не прошло и трех дней, как от этой еды наши губы обсыпали болячки. Поскольку нам разрешали выходить во двор «башни», я, заметив картофельные грядки, стала руками разрывать землю, пытаюсь найти картошку. Но мне не посчастливилось. Подошел усташ и ударил меня чем-то вроде плетки. Я потеряла сознание и пришла в себя только тогда, когда кто-то отнес меня в подвал. Я увидела плачущую мать и попросила воды. Мать повела меня к колодцу. Стоявший

там усташ ударил меня хлыстом, но воды не дал. Мы с мамой со слезами на глазах упрашивали его, но это на него не подействовало.

Вспоминаю, что через некоторое время в лагере появились военные, в другой форме, не усташа. На фуражке вместо буквы «у» был какой-то мотылек. Я спросила маму, кто они?

— Молчи, это немцы.

Потом пришли усташа и погнали всех нас, и маму, и меня, стричься наголо. Я помню, что там был сад, в котором росла вишня, и мы ее всю объели. Заметив это, усташа выгнали нас из сада.

Я увидела стоящие грузовики. Усташа заталкивали группу за группой в эти грузовики. Нас повезли в Окучани. По приезде туда усташа сразу же погрузили нас в закрытые вагоны. Я вспоминаю, что на вокзале было много народу. Через маленькие вагонные окошечки люди бросали заключенным еду. Но нам с мамой не от кого было получить хоть крошку хлеба. Мы остались голодными и ничего не ели до тех пор, пока не прибыли в какой-то большой город. Я спросила маму, что это за село, она ответила: город Загреб. Теперь, наконец, стали разносить еду по вагонам и давать ее всем.

Потом поезд поехал дальше. Я спрашивала маму, куда мы едем, а она молчала, так как точно не знала. Вдруг поезд остановился, в вагоны вошли усташа, вытолкали нас наружу, а потом повели в большое здание. Когда мы разместились, нам дали поесть. Я вспоминаю, что мы и ночевали в этом здании. Утром пришли какие-то военные и нас, детей, забрали от матерей. Матерей отогнали на одну сторону, нас, детей — на другую. С того дня мы больше никогда не виделись со своими матерями».

ДАНИЦА ШОШТАРИЧ:

«Усташские палачи в лагере Стара-Градишка Майя Буджон, Вукович, Руньяш и некто по кличке Учитель однажды январской ночью 1944 года по приказу коменданта лагеря, известного бандита и убийцы Степана Босака, совершали обход камер «башни». Вызвали несколько узниц и, чтобы оправдать свой необычный поздний обход, стали у них допытываться, имеют ли они связи с мужским лагерем. После этого не-

которых отпустили, других же куда-то увели. Куда? Никто не знал. Это было не в первый раз. «Башня» помнила много подобных ночных случаев. Так увели тысячи узниц, которые никогда больше не вернулись назад.

После этой ночи наступила вторая, еще более жуткая ночь. Никто из нас не спал от страха. Узницы в ужасе ожидали повторения вчерашнего. Вдруг по коридору послышались шаги. Убийцы появились вновь, чтобы опять совершить свое очередное злодейское преступление. Мы услышали шум и крики из камеры № 10. Усташские звери в ту ночь зарезали Гину Гайич, Виолу Флейшер, Милену Ребрич, Любицу Турерич.

На третью ночь они вновь пришли. Вызвав Милицу Теофилович, Олгу Стейнер, Милицу Краснич, Йозефину Ледечки, Маргиту Деметер, Бьянцу Ледерер, убийцы тут же прикончили свои жертвы.

Не прошло и десяти дней, как убийцы вновь принялись за свое черное дело. Они увели многих наших товарищей: Босильку Ступар, Драгицу Джекич, Йованку Джекич, Джурджицу Зоркич, Шарику Алкалай, Вукицу Миланович. В убийстве участвовала и усташка, убийца Божица Обрадович.

1 февраля в гости к коменданту, убийце Босаку, приехали его немецкие друзья. Они устроили пьянку, которая, по установившемуся обычаю, завершилась кровопролитием. Пьяные усташки ворвались в камеры, зажгли свет и стали подбирать себе жертвы — молодых узниц. Остановившись посреди камеры, один из них спросил:

— Ну, какую?

Другой:

— Вот эту, черноглазую.

Женщины молчали, пытались укрыться с головой одеялами, но это не помогло. Усташки выбрали красивых молодых женщин: Радмилу Радованович, Босу Капор, Босу Николич, Виду Коларевич, Матильду Алтрац и увели их в камеру № 18. Там их долго мучили, насильовали и, наконец, убили топором.

На другое утро узницы увидели следы этой кровавой ночи.

Камера № 18 представляла собой страшную картину: пол и стены были забрызганы кровью, на полу валялся топор и пряди волос погибших женщин.

Так в течение четырех ночей было убито 22 узницы».

СЛАВИЦА ПАВЛОВИЧ-БРДАР:

«Меня усташи схватили 7 мая 1942 года в селе Кривай. В этом селе я родилась 27 февраля 1923 года. По матери я хорватка, и меня направили в «хорватский лагерь».

До лагеря я находилась под следствием в тюрьме в Новске, где меня пытали всевозможными способами. Но я понимала, что никакое признание меня не спасет, а наоборот, окончательно погубит, и я упорно твердила, что ничего не знаю. Наконец, через три недели меня отправили в лагерь в Стара-Градишку. Попав туда, я, как и все остальные узники, думала, что мы оттуда живыми никогда не выйдем.

Я попытаюсь описать нашу жизнь в лагере, все те ужасы, через которые мы прошли, но хочу подчеркнуть, что никто не сможет написать так, чтобы можно было в полной мере представить, насколько тяжелой была участь тех, кто испытал на себе все тяготы этой жизни.

Постоянный голод сопровождался постоянным страхом. В любую минуту мы ожидали самого худшего: мы испытывали это каждый раз, когда узниц через маленькую дверь уводили в усташские казармы, где после зверских пыток их убивали.

Все заключенные, убитые таким образом, перед смертью подвергались самым ужасным мучениям. Это следует знать и нельзя забывать. Усташи убивали за любую мелочь, за малейшее нарушение установленных ими правил.

Однажды, уходя вместе с другими женщинами на работу, мы увидели, что в лагерь привезли группу евреек. Их, как всегда, обыскали, чтобы они чего-нибудь не утаили. Личный досмотр проводила самая свирепая усташка Майя Буджон. Обнаружив у одной еврейки кольцо, она, выхватив пистолет, тут же застрелила ее. Подобные случаи повторялись ежедневно.

Как-то мы возвращались с работы (я работала в швейной мастерской), мимо строем шли мужчины. Среди них я узнала двух моих односельчан, которые также были в лагере. Я обрадовалась этой неожиданной встрече, улыбнулась и кивнула им головой. Это

заметила усташка Нада Лубурич. Она кинулась к нашей колонне по направлению ко мне. Она была на определенном расстоянии от нашей колонны, и у меня имелось несколько секунд, чтобы решиться на то, на что бы я в любой другой ситуации ни за что не отважилась: пригнувшись как можно ниже, я побежала вдоль рядов и затерялась в колонне, так что ей не удалось отыскать меня. Иначе это стоило бы мне жизни.

Из всех усташек—надзирательниц моей камеры как самые безжалостные в моей памяти остались Майя Буджон и Нада Лубурич. После войны они предстали перед судом и были приговорены к смертной казни. Они часто напивались, кутили по ночам, а потом приходили в лагерь и отводили душу, давая волю своей извращенной фантазии. Я вспоминаю, как из мужского лагеря убежала большая группа заключенных, которые были заняты на тяжелых работах. Не знаю, скольким из них удалось скрыться, знаю только, что была погоня и многих убили. Мы, женщины, как раз в это время возвращались строем с работы, попали под эту стрельбу, но ни одна из нас не пострадала. Мужчин усташки бросили в камеры-одиночки. Они жестоко мучили их, но никто не смел к ним приблизиться. Было жутко слышать их крики, которые, постепенно стихая, в конце концов совсем прекратились. Усташки намеренно совершали убийства поблизости, чтобы мы могли все слышать. Это должно было служить своего рода предостережением всем узникам, что то же самое ожидает каждого, кто осмелится на побег.

Поскольку наш лагерь находился вблизи «башни», куда партиями привозили сербских крестьян и евреев, то, когда мы приходили туда за водой, имели возможность наблюдать, что там творится. У нас в лагере поддерживалась по крайней мере видимость порядка, так как нас считали политическими заключенными. «Башня» же предназначалась для тех, кто должен был умереть или быть угнан в Германию. Нетрудоспособных убивали целыми группами или умерщвляли их голодом и болезнями. Детей отнимали у таких родителей и размещали в отдельных помещениях. Нас заставляли дежурить возле них, хотя наше дежурство было бесполезным, поскольку детям ничего, кроме подobia чая, усташки не давали. Больные, до предела

истощенные, сухие скелеты, дети лежали на полу и умирали один за другим. Однажды меня назначили дежурной по 6 комнатам, в которых было размещено несколько сот детей. Эту картину я не могу описать словами. Но об этом знать необходимо и никогда нельзя забывать. В ту ночь я вынесла 16 маленьких трупов. Мне было приказано вынести их на улицу, помню, что там были картофельные грядки.

На следующий день пришли еврей-могильщики и закопали трупы. Это осталось у меня в памяти как самое тяжелое воспоминание о пребывании в лагере. Плач, стон, крики матерей, бабушек, отцов и сейчас стоят у меня в ушах, и поэтому я просто не в силах оправдать ни одного усташа, человеческий разум не в состоянии сделать это.

Через несколько дней после моего дежурства остальных детей, около 2 тыс., согнали в помещение, которое усташа наполнили газом. Но не всех детей удалось убить газом; тех, кто проявлял признаки жизни, один из усташей добивал штыком. Я помню, что мы просто онемели, когда он вышел из этого помещения с окровавленными по локоть руками.

Мы тогда не надеялись на то, что когда-нибудь выйдем оттуда живыми. Поэтому сегодня я, к сожалению, не могу назвать фамилии, все забыла, помню только подобные, особенно потрясшие меня моменты.

То, что я написала, лишь частица нашего вклада в то, чего мы добились сегодня. Пусть это будет вечным напоминанием людям, чтобы они знали, чего стоит свобода, плодами которой мы сейчас пользуемся».

ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ. После своего третьего неудавшегося наступления на освобожденные партизанами территории Югославии весной и летом 1942 года немцы с остервенением обрушились на безоружных людей. Массовое уничтожение населения они назвали переселением беженцев из «районов, находящихся под угрозой».

Карательные отряды, действовавшие на всей территории Боснии и Герцеговины и Хорватии, арестовывали и угоняли в лагеря не только целые партизанские семьи, но и все население некоторых сел и даже краев.

Только с территории Босанска-Крайны, из района предгорий Козары они отправили в лагеря более 5 тыс. стариков и женщин, но больше всего детей. В концентрационные лагеря был превращен целый ряд небольших городов и сел, расположенных по обе стороны рек Сава и Уна поблизости от лагерей Ясеновац и Стара-Градишка.

В результате этого «переселения беженцев» погибли тысячи югославских детей, пострадали тысячи семей.

Из концентрационных лагерей узников «переселяли» группами, как правило, насчитывавшими тысячи людей, в лагеря «ожидания смерти» Уштице, Ябланац, Млака и другие известные места массового уничтожения людей.

Оттуда «нежелательные элементы» — женщин и мужчин, больных и немощных стариков — «переселяли» в Ясеновац с целью ликвидации. Остальных же, прежде всего женщин и детей, отправляли в лагерь

Стара-Градишка, а с июня 1942 года преимущественно в новый концлагерь для матерей и детей, в так называемый «центр по переселению беженцев» в Сисаке.

Это началось в лагере Стара-Градишка. Отобрав около 70 детей, усташа разместили их на чердаках и в подвалах, лишив их пищи и ухода. Дети заболели и умирали.

При этом усташа оставляли больных детей рядом со здоровыми, мертвых — рядом с живыми. Истощенных и ослабленных детей они затем стали ликвидировать в массовом порядке. Только в течение нескольких месяцев 1942 года в Стара-Градишке было уничтожено более 7 тыс. детей-узников.

В июле в лагерь прибыла немецкая комиссия по набору рабочей силы. Было объявлено, что дети тех матерей, которые добровольно изъявляют желание поехать на работу в Германию, будут освобождены из лагеря и переданы до их возвращения под опеку Красного Креста.

Для партизанских детей были созданы специальные концентрационные лагеря. Меньше чем за месяц в эти лагеря из смешанных лагерей было переселено 10 тыс. детей в возрасте от нескольких дней до 14 лет. В результате и без того измученные дети остались совершенно одни, без матерей и близких, в лагерях, где их ожидала неизбежная смерть.

Переселением детей занималась социальная служба усташского правительства, а также Красный Крест, который использовался как прикрытие с целью успокоить матерей и общественность. Но обман скоро обнаружился, и матери стали отказываться отдавать детей, предпочитая умереть вместе с ними. Тогда усташа стали отнимать детей силой.

ГОРНЯ РИЕКА. В старом замке в селе Горня Риека, в хорватском Загорье, с первых дней оккупации располагался известный лагерь для евреев, преобразованный в июне 1942 года в лагерь для детей. Он получил название «детский дом» и находился под покровительством ведавшего социальной службой усташского министра Ловре Сушича и под управлением фашистской организации «Усташская молодежь». Здесь в помещениях, зараженных сыпным тифом, было размещено 300 партизанских детей, мальчиков в воз-

расте от 10 до 14 лет, которых доставили тремя партиями — 24 июня, 13 июля и 2 августа 1942 года. К 13 августа 1942 года в «детском доме» умерло 150 детей, а 150 было отправлено в больницы Загреб. Благодаря профессору Камило Бреслеру, которому вместе с группой женщин удалось вовремя вывезти их из «детского дома», было спасено около 100 детей.

СИСАК. В июне 1942 года был создан специальный лагерь для детей в Сисаке, функционировавший и в 1943 году. Он назывался «приютом для детей беженцев», находился под опекой Женского союза усташского движения и должен был служить местом пребывания только для детей, матери которых находились в концентрационном лагере в Сисаке. Однако сюда доставлялись дети и из других лагерей, а также из сел, со всей территории «НГХ».

Лагерю в Сисаке принадлежит особое место среди всех лагерей, так как в нем нашли приют новорожденные, грудные и малолетние дети. Здесь жесточайшим пыткам подвергались матери и их дети — самые невинные создания на свете.

ЯСТРЕБАРСКО (ЯСКА). Детский дом, существовавший в Яске еще до войны, использовался до июня 1942 года в качестве концентрационного лагеря. Затем он был расширен и превращен в специальный лагерь для детей. Он функционировал с 11 июля до конца октября 1942 года под названием «сборный пункт для детей беженцев». Управление лагерем находилось в руках монахинь конгрегации св. Винко Паульского. Здесь детей подвергали самым изощренным пыткам, в чем особое рвение проявляли монахини.

На основании того, что писал в самом начале войны официальный усташский орган «Хорватский народ» в № 116 от 10 июня 1941 года, можно утверждать, что речь шла о целой программе:

«...Все дети, в отношении которых будет установлено, что у них нет родителей или кормильцев либо родители или кормильцы о них не заботятся, ввиду чего дети предоставлены улице, будут размещены вначале в сборных пунктах. Из этих пунктов уроженцы г. Загреб будут направляться в село Клипча, дети родом из любого другого края на территории Неза-

висимого Государства Хорватии — в детские дома в Осиеке, Яске и Орославле. Дети, определенные в исправительные дома, разместятся в Глине и Госпиче, где сейчас имеется достаточно мест. Будет также решен и вопрос о беспризорниках в возрасте от 14 до 17 лет. Их отправят на принудительные работы, для чего уже сейчас создаются специальные трудовые лагеря по образцу лагерей великих дружественных соседних стран — Германии и Италии. В этих лагерях беспризорникам в возрасте от 14 до 17 лет будет предоставлена возможность заниматься полезным трудом, овладевать каким-либо ремеслом и таким образом стать полезными членами общества. Органы государственной власти всеми имеющимися в их распоряжении средствами решают этот вопрос, полицейские управления всех областей уже получили необходимые указания на этот счет. Тем самым будет полностью и окончательно решен вопрос о малолетних беспризорниках...»

Исходя из таких «гуманных» соображений, новое правительство «НГХ» начало строить свою политику в отношении детей. И неудивительно, что оно докатилось до страшных, чудовищных, не имеющих аналогов, извращенных пыток и преступлений. Следует сказать, что Артукович как министр внутренних дел руководил и этой кампанией.

ХАБАЗИН ДРАГИЦА, медсестра-доброволец:

«В июле 1942 года социальная служба направила меня в качестве уполномоченного по приему детей в лагерь Стара-Градишка. При этом мне было разрешено взять с собой несколько сестер из Красного Креста. Эта же служба назначила комиссию во главе с Г. Штефанцем, который поехал с нами.

Мы прибыли в лагерь Стара-Градишка 9 июля 1942 года около 17 часов. Обратились к коменданту лагеря Векославу Лубуричу. Я представилась. Он взял мое удостоверение и ушел, не сказав ни слова. Никто и из числа других усташей не разговаривал с нами. У них был банкет в честь немецкого генерала, прибывшего с целой свитой, чтобы отобрать женщин для отправки на принудительные работы в Германию. Уже приближалась ночь, а нам еще не дали ответа. И в то же время нас не отпускали из лагеря. Только около

8 часов вечера немецкий офицер из бригады по набору рабочей силы, которому, очевидно, была прекрасно известна цель нашего приезда, передал нам через дежурного усташского офицера, чтобы мы пришли завтра утром и приступили к приему детей.

Мы пришли на следующий день в 7 часов утра. Со мной было около 15 сестер. В лагере нам выделили одного заключенного, врача по профессии, еврея по национальности, который должен был ввести нас в курс дела.

Я сразу же назначила сестер, которые будут отбирать и доставлять детей в Окучани для отправки поездом, идущим в Загреб.

Отобранные нами дети ждали во дворе, пока их переписут. Здесь же немцы и усташа отбирали женщин для отправки в Германию. В этом участвовали и женщины в форме Красного Креста, передававшие нам детей, матерей которых отправляли в Германию.

Тем временем узник-врач отвел госпожу Будисавлевич и меня в так называемую «детскую больницу». Она находилась в первом здании, справа от входа. Комнаты были чистыми и убранными, но дети лежали на голом полу. В углах стояли ночные горшки, на каждом из них сидел ребенок, больше похожий на привидение или мертвеца, чем на живое существо. Мы увидели дверь и спросили врача, куда она ведет. Он еще не успел произнести «На чердак», как одна из нас открыла ее. Мы увидели груды скелетов и трупов умерших детей. Несколько трупов выкатились в комнату, в которой мы находились. Умерших в этой «больнице» складывали рядом с тяжелобольными детьми. Нам рассказали, что больных детей, которые и сами выглядят живыми скелетами, усташа заставляют выносить своих мертвых друзей на лестничную клетку.

На мой вопрос, могу ли я увезти и этих больных детей в Загреб, врач ответил: «Если сможете, и если Вам удастся, я бы Вас очень просил, чтобы об условиях содержания здесь детей узнали на воле».

Мы включили больных в список и без ведома Лубурича отправили их в первую очередь в Окучани. Мы знали, что их уже не спасти, но нам хотелось, чтобы люди узнали, как фашисты обращаются с детьми.

Узник-врач, помогавший нам, оплатился за это жизнью.

В первой партии детей, отправленных в Загреб, было около 1 тыс. тяжелобольных детей.

Лагерь Стара-Градишка нам разрешили посетить еще лишь раз и пробыть там только 5 дней. Тогда нам передали 700 тяжелобольных детей. Все они были переправлены в Яску, а наиболее серьезно больные оставлены в больницах в Загребе. Позже усташа доставили еще две партии детей из этого страшного лагеря, причем в лагерь в Сисаке — около 700 только грудных детей и в Загреб в зал св. Иеронима — более тысячи детей. Так, по моим подсчетам, из лагеря в Стара-Градишка удалось «вырвать» всего лишь 3500 детей, а там их находилось свыше 10 тыс.

Потом я три раза выезжала за детьми в лагерь Млака и один раз в Ябланац, недалеко от Ясеноваца. Первые две партии численностью до 2 тыс. детей из Млаки были отправлены в Сисак, а третью партию, а также детей из Ябланаца численностью около 1,5 тыс. доставили в Загреб, а оттуда наши товарищи перевезли их в «детский сборный пункт» в Яске.

В Млаку нам пришлось добираться через лагерь Ясеновац, имея при себе специальные разрешения. В Ясеноваце мы видели «дышащие могилы», т. е. могилы людей, которых усташа убили ночью или утром, и над ними, полуживыми, то поднималась, то опускалась земля.

В первой партии, отправленной из Млаки 29 июля 1942 года, было более 1 тыс. детей. Этих детей мы доставили в Ясеновац (расстояние около 20 км) на машинах. Векослав Лубурич, комендант лагеря Ясеновац, должен был дать разрешение на проезд автомашин по территории лагеря, так как другого пути в Млаку не было. После продолжительных переговоров колонне разрешили пересечь территорию лагеря, при этом на каждой машине сзади сидел усташ с заряженной винтовкой и штыком, а на капоте развевался флажок Красного Креста.

Эта партия детей была отправлена по распоряжению усташей в Сисак, где детей должен был принять и дальше заботиться о них женский союз усташского движения, который я по телефону поставила в известность о нашем прибытии. Нас встретили представители этого союза, но к приему детей ничего не было подготовлено. Среди встречавших был и Камило Брес-

лер из министерства социального обеспечения. При его содействии детей разместили на голом полу бассейна и в помещении стекольного завода, где раньше был лагерь для взрослых узников. Вторую партию детей разместили по другим зданиям. В тот раз я не задержалась в Сисаке надолго, поскольку мы сразу же вернулись в Млаку и Ябланац, чтобы забрать других детей».

Д-Р ОЛГА БОШНЯКОВИЧ:

«Маленьких детей, которых нам передавали, мы доставляли поездом, что занимало несколько дней. В переполненных вагонах для перевозки скота дети ползали по полу и от голода ели собственные испражнения. В дороге дети не получали ни глотка воды. Порой им перепали куски хлеба, которые бросали в вагоны жители на станциях, где останавливался поезд.

Несмотря на все наши старания, максимальное внимание, которое мы уделяли этим детям, спасти их было невозможно. В основном это были грудные дети, отнятые от груди и лишенные материнского ухода.

Дети были физически истощены, с отечными конечностями, бледными, худыми лицами, запавшими глазами, безразличным взглядом. Они прибывали полуголыми, в крайне запущенном состоянии и производили впечатление тяжелобольных, измученных голодом детей. Почти все они страдали от целого ряда болезней. Дистрофичный, ослабленный голодом и поносами детский организм был не в состоянии приводить в действие защитный механизм, не мог бороться с инфекционными болезнями, в результате чего дети, особенно малолетние, несмотря на уход и введение физиологического раствора, умирали.

Организм грудных детей, находившихся в состоянии тяжелой дистрофии, не принимал никакой пищи, и в большинстве случаев дети умирали в течение двух дней. Дети постарше лучше поддавались лечению и в большинстве случаев выжили. Некоторые дети по приезде внешне производили неплохое впечатление. Но уже на второй день и у них начинались непрекращающиеся понос и рвота. Поносы резко прогрессировали, дети находились в состоянии интоксикации. Несмотря на подкожное введение физиологического раствора, глубокие клизмы, инъекции, укреплявшие деятельность сердечной мышцы, невозможно было

приостановить быстрое течение болезни. В итоге дети, за редким, очень редким исключением, умирали. Так что до прибытия очередной партии детей почти все кровати были уже свободными.

Спасенные дети передавались семьям в Загребе. Мы стремились как можно больше детей прямо с поезда отдавать в семьи, выразившие желание взять их. Из числа таких детей умерли лишь немногие, их после длительного лечения удалось все же спасти. В семьях дети не были подвержены взаимному инфицированию, а самое главное, значительно быстрее улучшилось их психическое состояние. Важную роль здесь сыграло то, что дети оказались в спокойной семейной обстановке.

Страх, застывший в глазах даже самых маленьких детей, страх от пережитых ужасов, не покидал тех, кто не попал в семьи, хотя они и оказались в приличных условиях, более благоприятной по сравнению с лагерем обстановке. И несмотря на то, что их сразу же начали лечить, все же за ними ухаживали чужие и незнакомые люди, и поэтому эти тяжелобольные дети оказались не в состоянии мобилизовать внутренние резервы, поднять психический тонус своего организма, усилить его сопротивляемость, и чаще всего они вскоре умирали.

Разлученные с матерями, измученные в лагерях, подвергаемые новым для них непосильным физическим и психическим нагрузкам, связанным с длительными переездами из лагеря и процедурой распределения по новым местам проживания, дети, здоровье которых было подорвано болезнями, в большинстве случаев не смогли выдержать выпавших на их долю испытаний. Дети, которых из вагонов забирали к себе отдельные граждане, были избавлены от некоторых из перечисленных перегрузок, и все же многие из тех, кто прибыл 14 июля и 3 августа, умерли.

Всего с 3 августа до конца 1942 года в Иосиповац прибыло около 800 детей, из которых 530 умерли. В основном это были грудные дети. Они похоронены как безымянные жертвы фашистского террора».

ЛЮБИЦА ДОБРИНИЧ-ШАГИ:

«Лагерь Стара-Градишка поглощает бесчисленное количество женщин и детей. Их доставляют из Корду-

на, из Козары. Ежедневно прибывают все новые и новые партии. Прибывают, чтобы исчезнуть навсегда.

Но гитлеровской Германии нужна рабочая сила. Зачем убивать женщин и девушек, если они могут работать?

В Стара-Градишку приезжает комиссия из Загреба. Немецкая комиссия. В ней есть и врачи. Эти немцы без сантиментов. Им не нужны больные женщины. Нужны здоровые — для работы.

Всех их переписали, составили договоры, которые они якобы «добровольно подписали», снабдили дорожными документами, отобрали детей, а затем партия за партией отправили в Германию.

Охота на людей продолжается. И опять прибывают в Стара-Градишку женщины и дети. Опять огромные партии женщин без детей отправляют в Германию. Здоровых матерей угоняют в Германию, а больных и старых оставляют в лагере вместе с детьми.

Немцам не нужны дети, да и лагерь Стара-Градишка — не детский дом. Зачем ему кормить «врагов»?

Завтра день рождения поглавника. Надо достойно отметить его. Ночь накануне его дня рождения в 1942 году была отпразднована кровавой бойней. В эту ночь усташа зарезали тысячу сербских детей и около 500 сербских женщин, не подходящих для работы в Германии. Яма, над которой убивали женщин и детей, а затем сбрасывали их в нее, была переполнена кровью. Но еще оставалось много детей.

Однажды пополудни раздетых догола детей сложили штабелями, как дрова, в пустой комнате, закрыли ее и, заколотив двери и окна, пустили внутрь двойную порцию отравляющего газа. На следующее утро 1300 неподвижных детских тел было погружено на грузовики.

И прибывают партии заключенных. И опять их отправляют в Германию. И опять остаются старые и больные женщины и дети, которых в одну из ночей вывезут мертвыми на грузовиках».

МИЛАН КЕВИЧ:

«Я родился в 1931 году в Милошево-Брдо, недалеко от Босанска-Градишки, в 1944 году в возрасте 13 лет стал поручиком, самым молодым офицером в югославской народной армии.

Усташи убили 84 человека из числа моих родственников, непосредственно из моей семьи в Ясеноваце погибли мать и пять сестер. Отец погиб еще в 1941 году в партизанах. После войны в живых остались только я и мой брат...

Маму звали Елена, а сестер — Милка, Йованка, Станойка, Стайка, Драгица. Усташи схватили их в 1941 году. Сначала они были в лагере Стара-Градишка, а затем их перевели в известный своими ужасами лагерь Ясеновац, где они и погибли. Я не знаю точно, когда усташи убили их, так как из наших близких никого не осталось в живых, когда Ясеновац был освобожден.

Усташи вместе с немцами терроризировали жителей Козары, проводили облавы, арестовывали невинных жителей. Только за первые два года войны из моего края в усташские лагеря было заточено около 30 тыс. женщин и детей, откуда они так и не возвратились.

Тогда усташи еще ходили в гражданской одежде. От сербских семей поначалу требовалось, чтобы они на своих домах на видном месте вывешивали белые флаги в знак покорности усташам и немцам. Моя семья подчинилась этому требованию. Вскоре усташи усилили террор, занялись грабежами. Среди усташей были и те, кто жил неподалеку от нас, которых мы хорошо знали. Они грабили все подряд — снимали двери с домов, забирали кукурузу, угоняли скот. А мы не в силах были что-либо сделать.

Я вспоминаю, как один усташский начальник приказал: кто из сербов не вывесит белый флаг, будет приговорен к смерти, поскольку это будет расцениваться как демонстрация против «Независимого Государства Хорватии». Они убивали безоглядно, им были чужды какие-либо человеческие понятия. Все приказы о совершении преступлений они получали исключительно от министра внутренних дел Андрия Артуковича и руководителя католической церкви в Хорватии Степинаца. Степинац отпускал все грехи усташам, убивавшим невинных сербов, евреев, цыган и даже хорватов, которые не поддерживали «Независимое Государство Хорватию». Снисхождения не делали ни для малых детей, ни для престарелых, достаточно было сделать что-либо такое, даже ненамеренно, что можно было истолковать как неподчинение законам, принятым Андрием Артуковичем и Анте Павеличем.

Некоторые семьи уничтожались полностью, хотя и не совершили никакого проступка против усташской власти. Этим я хочу подчеркнуть, что таким образом расправлялись со всеми, не только с моей семьей как с семьей партизан. Карательные отряды неожиданно нападали на наши села и арестовывали всех поголовно. Независимо от того, был ли вывешен белый флаг на доме, оказывала ли семья сопротивление или нет, грабили всех подряд. К тому же они прибегали к обману. Впереди усташей шли порой домобранны, усыплявшие бдительность жителей, говорившие, что они ничего плохого им не сделают и что они могут оставаться у себя дома; а вслед за ними налетали усташаи и угоняли всех живых в лагеря, на смерть. Так усташаи предотвращали уход людей в леса, в партизаны.

Существовал даже приказ об уничтожении всех детей мужского пола от 7 до 12 лет. Меня и брата перенесли в одежду девочек, и нам удалось избежать отправки в лагерь. Несколько раз нам приходилось спасаться таким образом. А потом мы присоединились к народно-освободительной армии. Война разбросала нас, и я встретился с братом только в 1943 году в Камнице. Он был в 32-й Мословацкой бригаде, я же был курьером партизанского штаба камницкой оперативной зоны. Лишь в 1945 году мы узнали, что вся наша семья уничтожена усташами. Теперь в нашем селе воздвигнут памятник моему отцу, погибшему в 1941 году. Я уверен, что моя семья погибла не потому, что отец был партизаном, хотя это было единственным поводом для усташей, уничтоживших всю семью. Я знаю, что из семьи Видович уничтожено даже больше, чем из нашей семьи,— 13 детей погибло в результате усташского террора.

По существу это была политика истребления сербского населения, а также всех остальных, не поддерживавших политику «Независимого Государства Хорватии». А главным палачом являлся именно Андрије Артукович, министр внутренних дел, отдававший приказы о преступлениях.

Ни одна цивилизованная нация в мире не в состоянии представить себе, а тем более понять зверские преступления, совершенные усташами в отношении мирного населения.

Они творили преступления, от которых у нормаль-

ного человека кровь стынет в жилах. Артукович со своими усташиами пытался перевести православное население в католическую веру. Для этого они сгоняли людей в церкви. А затем, напившись, сжигали их вместе с церковью. Одно из таких преступлений, насколько я помню, было совершено где-то под Дубицей, кажется в Кнежополе. Это лишь один из многих случаев, когда усташи с целью массового убийства прибегли к обману.

Впервые я побывал в Ясеноваце в 1945 году, когда узнал, что мои родные были отправлены в этот лагерь. Я надеялся, что застану кого-либо из них в живых. Правда, лагерь был уже почти разрушен. Но и то, что я увидел, осталось в моей памяти навсегда. Я случайно наступил на какие-то перья, и нога моя провалилась в яму, заполненную человеческой кровью. Перья были набросаны сверху, чтобы прикрыть кровь. В некоторых подвалах кирпичного завода я увидел трупы людей, подвешенных за ребра на крючьях. Их повесили живыми, и так они и умерли. Повсюду скелеты и трупы непохороненных детей, женщин и мужчин — изуродованные, разлагающиеся. Я не встретил ни одного живого заключенного. Возможно, наши части, вошедшие сюда перед нами, и застали кого-то из оставшихся в живых узников. Позднее я встретил дальних родственников, от которых узнал о судьбе своих пятерых сестер и матери. Я был поручиком, но мне было всего 14 лет, и я невероятно тяжело пережил эти минуты. Лагерь оставил в моей душе неизгладимый след, так что я не хотел больше никогда приезжать в это вселяющее ужас место гибели невинных людей. Однако осенью прошлого года мне пришлось вновь посетить Ясеновац во главе делегации молодых участников народно-освободительной борьбы. Я до сих пор не могу смириться с тем, что я увидел во время этого второго посещения Ясеноваца. Мне кажется, что лагерь Ясеновац следовало сохранить в том виде, каким он был сразу после освобождения, со всеми атрибутами лагеря смерти: оградой из колючей проволоки, примитивной печью для сжигания живых людей, железными крючьями, на которых подвешивали узников-бунтарей, бараками, в которых содержались люди...

Если бы лагерь сохранили в прежнем виде, молодежь намного яснее представила бы себе ужасные пре-

ступления, совершавшиеся в нем, да и у иностранцев была бы возможность представить, как все это выглядело в действительности. Такой лагерь был бы сегодня предостережением на будущее. А сейчас здесь — мемориальный парк. И остается в памяти только рассказ экскурсовода о преступлениях, совершенных в Ясеноваце.

Меня поражает позиция американцев, покровительствующих Андрию Артуковичу, позволяющих ему в течение нескольких десятилетий спокойно жить в их стране, невзирая на то, что он виновник таких злодеяний в Югославии. Я слышал, что он причастен и к убийству многих американских солдат. Один из таких случаев произошел в Камнике, где во время войны совершила вынужденную посадку американская «летающая крепость». Шесть пилотов, пытаясь спастись, выпрыгнули с парашютами, среди них была и женщина-негритянка. Камницкому партизанскому отряду удалось спасти троих, но остальных схватили усташы и в двух километрах от места приземления расстреляли. Как же теперь их земляки могут защищать Андрия Артуковича? Это случилось весной 1943 года и доказывает, что для усташей не существовало никаких международных конвенций, никаких законов, поскольку они были обыкновенными преступниками, как и их министр смерти Андрие Артукович. Они были сильными и храбрыми в обращении с нашими женщинами и детьми. Но когда они попали в плен и должны были предстать перед судом, они повели себя как трусы и просили пощады. Я никогда не видел ни Артуковича, ни Павелича. Но я случайно оказался в числе тех, кто пленил родителей Анте Павелича. Это было в 1945 году в Виноградской больнице в Загребе и зафиксировано на фотографии. Мы заметили, что около больницы каждый день вертятся какие-то подозрительные личности и решили задержать одну женщину, которая призналась, что в больнице, в одной из потайных монашеских келий, скрываются отец и мать Павелича. Нами был произведен обыск, но безрезультатно. Мы искали не там. Тогда вновь допросили женщину-усташку, и она подробно объяснила, где находится эта комната, куда им носят еду.

Когда мы нашли тайник, где прятались родители Анте Павелича, монашки их уже одели и подготовили,

чтобы перевести в другое место. Я увидел двух старых людей низкого роста, выглядевших вполне безобидно. Вспомнив свою мать и пятерых сестер, я не мог удержаться и, едва сдерживая гнев, спросил:

— Вы действительно родители Анте Павелича?

Они в ответ испуганно закивали головами.

— Как же вы родили на свет такого преступника? Он убил мою мать и пятерых сестер.

— Мы не знаем,— едва слышно ответили они.

— Вот видите, он и вас бросил, спасая свою шкуру. Старики только пожали плечами.

В этот момент вошли трое наших офицеров и увели родителей Анте Павелича, с которыми мы обращались вполне корректно, как с любыми пожилыми людьми, которые были не в состоянии оказать влияния на своего сына и изменить его. Я знаю, что и моя мать и сестры были беспомощными, беззащитными, но наши принципы борьбы совсем иные, мы не хотели мстить тем, кто невиновен. Но те, кто совершил преступления, должен за них отвечать. Правда должна восторжествовать.

Я говорю это не только как участник народно-освободительной борьбы, но и как человек, потерявший в прошлой войне по вине усташей и Артуковича всю свою семью. Поэтому американский народ и его правительство должны понять и запомнить, что Артукович совершил тяжелейшие преступления в нашей стране и он должен за них ответить. Я не могу понять, как такого опасного преступника, непосредственно виновного в убийстве по меньшей мере 200 тыс. человек, может защищать народ, считающий себя свободным народом, приговаривающий только за одно тяжкое убийство к казни на электрическом стуле. И, несмотря на все это, я думаю, что наш суд, в нашей стране, вынес бы ему справедливый приговор. И я думаю, что Артукович все-таки будет выдан нашей стране».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПОСЛЕ ВЫХОДА КНИГИ В ЮГОСЛАВИИ

12 февраля 1986 года вскоре после полудня на загребском аэродроме Плесо приземлился самолет югославской авиакомпании, прибывший специальным рейсом из США. По трапу самолета в сопровождении двух дюжих американских полицейских снесли носилки с дряхлым стариком. Так возвратился на родину Андрие Артукович. Это было путешествие, которое ему меньше всего хотелось бы совершить. Сразу же по прибытии он был помещен в тюрьму, и ему было предъявлено обвинение в совершенных преступлениях.

Военному преступнику Артуковичу была предоставлена возможность заблаговременно познакомиться с обвинением и воспользоваться правом на защиту — правом, в котором он отказывал другим. Весь процесс готовился и проходил при строжайшем соблюдении принципов международного права, при максимальном уважении американского закона об экстрадиции. В американском законодательстве нет понятий «военное преступление», «геноцид». Оно требует доказательств убийства, совершенного непосредственно обвиняемым. Выдача преступника возможна в том случае, если состав преступления соответствует законам обеих стран. Обвинение, составленное на основании уголовного кодекса Югославии, ставило ему в вину непосредственное участие в убийствах, преступления против гражданского населения и преступления против военнопленных. Конкретно он обвинялся в следующих преступлениях: массовом уничтожении населения в районе городка Вргинмост в начале 1942 года, убийстве 450 больных заключенных (в том числе женщин и детей)

в концлагере Керестинец, зверской расправе над пленными партизанами около города Самобор; убийстве адвоката Е. Видича, которого он приказал заключить, а затем уничтожить в концлагере Даницы около города Копривница.

14 апреля 1986 года судебный процесс открылся в Загребе в том самом здании, на широких ступенях которого, ведущих к главному входу, начинающий юрист Артукович в середине 20-х годов познакомился с адвокатом А. Павеличем, будущим поглавником. В нескольких шагах от этого места размещалось в годы войны министерство внутренних дел «НГХ», откуда «балканский Гиммлер» руководил усташским террором и массовым уничтожением людей. На процесс прибыло много журналистов, его снимала теле- и кинохроника. Корреспонденты подсчитали, что процесс открылся через 40 лет и 343 дня после бегства из Загреба усташского правительства, в том числе и Артуковича.

В 8 часов 37 минут в зал заседания был введен Артукович. Мелкими старческими шажками он приблизился к специально оборудованной скамье подсудимых и с трудом водрузился на нее. Многие из присутствовавших задавались вопросом: а нужно ли судить 87-летнего человека? Не руководствуются ли югославские власти в своих действиях древнеримским принципом "Pereat mundus et fiat justitia" («Да свершится правосудие, хотя бы погиб весь мир»), правомерно ли так ставить вопрос в наши дни? Защитники старались использовать и подогреть такие настроения ссылками на преклонный возраст подсудимого и сроки исковой давности, хотя для преступлений против человечества таких сроков не существует.

При допросе Артуковича стало очевидным, что, несмотря на старость, подсудимый находится в здравом уме и твердой памяти. Но больше всего потрясло отсутствие у него раскаяния в совершенных преступлениях! Более того, в немоющем теле все еще теплился дух ненависти и непримиримости.

Он помнил и точно описывал все события предвоенного времени. Когда задавались вопросы о событиях периода войны, суду приходилось довольствоваться: «Не знаю», «Не помню», «Не понял вопроса», в крайнем случае «Допускаю такую возможность». На вопрос, понял ли он суть обвинения, последовал ответ, достойный

дельфийского оракула: «В соответствии с обстоятельствами!»

Основную часть судебного процесса заняли показания свидетелей, которых было заслушано более 50. В зале суда как бы ожила история. Говорили люди, чудом выжившие в концлагерях, уцелевшие под грудой трупов при массовых казнях, вспоминали о погибших родных, снова переживали те страшные дни.

Артукович все отрицал.

На 12-й день судебного процесса были заслушаны показания свидетеля Байро Авдича, бывшего телохранителя Артуковича. За совершенные им преступления он был осужден на 20-летнее заключение. Отбыв в тюрьмах и лагерях более 14 лет (общий срок был ему снижен за примерное поведение), он не имел оснований что-либо скрывать из прошлого.

Авдич сопровождал Артуковича, совершавшего инспекционные поездки по концлагерям, был непосредственным свидетелем его преступлений. Зимой 1942 года около местечка Вргинмост на Кордуне партизаны разгромили усташский батальон. В ответ усташки решили провести «акцию возмездия». Они согнали из окрестных деревень стариков, женщин, детей, загнали их в дома. Артукович отдал приказ раздавить эти дома танками... Гусеницы оказались сплошь покрытыми человеческой кровью. Он оставался здесь шесть дней, лично руководя расправами. Каждый день происходили массовые казни, на которых присутствовал Артукович.

Вспомнил Авдич и о расстреле девяти коммунистов-руководителей, в котором принимал участие Артукович. Есть основания подозревать, что среди них находились хорватские коммунисты и партийные публицисты Отокар Кершовани и Огнен Прица. В расправе над ними участвовали также Макс Лубурич, Анте Мошков, Любо Милош. Каждый стрелял из собственного пистолета. Это был своего рода ритуал — всех «повязать кровью». Никто не должен быть «белоручкой»!

Судебное разбирательство продолжалось 18 дней. В своем последнем слове Артукович сказал: «Слава богу, доказана моя невиновность, господин председатель, и мне больше нечего добавить. Позвольте от всего сердца и от всей души поблагодарить вас не только от моего имени, но и от имени всего хорватского народа, который навечно запомнит сегодняшний день!» Это бы-

ла его последняя «политическая речь», в которой он продолжал отождествлять себя с хорватским народом и даже имел наглость выступить от его имени! Однако оригинальными его действиями назвать нельзя. Так вел себя и Эйхман, пытавшийся на суде доказать, что за свою жизнь не убил даже курицу...

14 мая 1986 года суд вынес приговор. За совершенные преступления А. Артукович был приговорен к расстрелу.

Защитники Артуковича употребили все усилия, чтобы направить апелляции во все инстанции с просьбой о смягчении приговора. Эти апелляции были последовательно отклонены Верховным судом Социалистической Республики Хорватии, Союзным судом СФРЮ и Президиумом СФРЮ.

Между тем здоровье 88-летнего преступника ухудшилось. Весной 1987 года консилиум врачей пришел к заключению, что он находится в состоянии, которое по инструкции о приведении в исполнение смертной казни требует ее отсрочки. Это позволило ему прожить 19 месяцев после вынесения смертного приговора. Он провел это время в особой палате тюремной больницы. Здесь он и умер 16 января 1988 года, так и не заплатив сполна за свои преступления.

Итак, почти половину своей жизни Артукович провел в бегах и все же в конце концов оказался в тюрьме, вначале американской, а затем в югославской. Как и у всех осужденных на смертную казнь, у него нет могилы: место его захоронения не подлежит обозначению. Такой конец символичен. Для нелюдей не будет мира и по ту сторону жизни.

Доктор исторических наук В. К. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

Без срока давности. <i>Предисловие</i>	7
По следам преступника	27
Как легализовать убийство?	83
Фабрики смерти	132
Унесенные рекой	176
Охота на людей	230
Несколько слов после выхода книги в Югославии	244

Документальная проза

Бранимир Станоевич

УСТАШСКИЙ МИНИСТР СМЕРТИ

Анатомия преступления Андрия Артуковича

Редактор *Н. В. Пархоменко*

Мл. редактор *Л. В. Сурикова*

Художник *В. Б. Гордон*

Художественный редактор *Г. Н. Губанов*

Технические редакторы *С. Л. Рябинина, Т. К. Купцова*

ИБ № 16886

Сдано в набор 19.08.88. Подписано в печать 16.01.89. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,23. Уч.-изд. л. 12,81. Тираж 50 000 экз. Заказ № 943. Цена 60 к. Изд. № 44259.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119841, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Усташский министр смерти

Эта книга – свидетельства о преступлении югославского военного преступника, ”усташского министра смерти” Андрия Артуковича. Автор знакомит читателей с основными фактами его биографии, с историей усташского движения, его тесных связях с реакционным католическим духовенством. Большую часть книги составляют воспоминания очевидцев, рассказывающих о чудовищных злодеяниях, совершенных усташами при прямом поощрении нацистов над сербами, евреями, цыганами, хорватами-антифашистами в ”Независимом Государстве Хорватии”. Это – книга-напоминание, книга-предостережение, так актуально звучащее сегодня.

« Прогресс »